

ШКОЛЬНИК
ГИПНОТИЗЁР
СПАСАЕТ
СССР 2

КОМСОМОЛ
ПРОТИВ ГЕГЕМОНИИ
КАПИТАЛИЗМА

АЛЕКСАНДР ФЕДОТОВ

Не мы развязали эту войну, но нам в ней участвовать! Как бывало не раз, на агрессию Советский Союз ответит, и ответит так жёстко, что вздрогнут все. Но на этот раз история изменит свой ход и эта война будет вестись не количеством закопанных в землю солдат, а превосходством технологий и идеологий.

Школьник гипнотизёр спасает СССР 2: Комсомол против гегемона капитализма

Глава 1

Один из залов кремля. Стен не видно за тяжёлыми драпировками. Помещение без окон освещается несколькими хрустальными люстрами. За большим столом сидят грузные мужчины в годах.

— Николай Васильевич, — обращается к мужчине в маршальских погонах председатель. Его речь довольно трудно понять из-за дефектов, но присутствующие уже привыкли к этому.

Огарков встаёт из-за стола и подходит к висящей у стены карте. Взяв указку он принимается объяснять, указывая на карте стороны конфликта.

— Два дня назад в автономном крае Косово, конфликт возникший предположительно на националистической почве перерос в массовые выступления, переросшие сначала в уличные беспорядки, а затем и в организованный бунт имеющий явное внешнее управление. Об этом говорит то что правительство США незамедлительно отреагировало на заявления повстанцев о гуманитарной катастрофе и поддержало их требования о предоставлении территориальных и имущественных претензий к правительству Югославии.

— Всё это звучит как полный бред, — выдал реплику один из сидящих за столом, — и почему докладывает начальник штаба, а не Пётр Иванович?

— Дайте докладчику договорить, — взмахнул на него рукой председатель, — продолжайте Николай Васильевич.

— Так вот, всё эти события произошли за один день, естественно правительство Югославии просто-напросто не успело каким либо образом адекватно отреагировать на заявления повстанцев. США тут же заявляют о гуманитарной катастрофе и объявляют о всемерной поддержке “борющихся за независимость” повстанцев, для чего болтающийся, с ранее неясной нам целью, в средиземном море авианосец «Дуайт Эйзенхауэр» подходит к берегу Югославии и практически угрожает законному правительству военным вмешательством. Но по расчетам штаба, — докладчик бросает быстрый взгляд на сидящего тут же Дмитрия Фёдоровича Устинова, — всё это имеет цель для обострения обстановки в районе Румынии-Болгарии-Албании с целью втянуть в конфликт Советский Союз исполняющий свой союзнический долг по отношению к странам членам варшавского договора.

— Вот о внешней политике позвольте судить людям имеющим гораздо больший опыт, едко заметил один из сидящих за столом мужчин стоило только докладчику оставить указку. Но председатель не обращает на реплику внимания.

— Спасибо за пояснение, — жестом усаживая Огаркова на место, говорит Леонид Ильич, — а теперь давайте выслушаем ваши предложения...

Практически прерывает его со своего места вскакивает Устинов.

— Мы пошлём туда наши отборные части, и те наймиты умоются кровью, стоит им только посмотреть в сторону советской границы! Не для того мы в европе кровь проливали чтобы американские собаки прямо у нас под боком свой анклав создавали — возбуждённо произносит он.

— Мало вам афганистана, — едва слышно произносит только что стоявший у карты мужчина, — только бы кровь наших парней проливать...,- но его никто не слушает, всё внимание сосредоточено на Дмитрие Фёдоровиче который также вышел к карте и широкими

жестами показывает куда и сколько следует отправить частей и какие корабли флота следует переместить, чтобы создать, как он выразился “ударный кулак что переломит хребет всем планам НАТОвцев”.

Во время его речи все присутствующие в зале разделились на три категории — большая часть внимательно его слушала, согласно кивая, меньшая (в неё входил и Огарков) мрачно на него смотрели, думая о том что видимо министр обороны не навоевался в своё время, вот его и тянет стряхнуть пыль с седины. А в третьей группе был один лишь Леонид Ильич. Он смотрел невидящим взглядом в стену, словно впад в кататонический ступор, и его обрюзгшее лицо кривила едва заметная улыбка.

Заметив это состояние Председателя собрания, Огарков задумался — последнее время Генеральный секретарь всё чаще и чаще демонстрировал свидетельства какого-то недуга. Но толком поразмыслить над этим ему не дал министр обороны.

— Николай Васильевич, вам поручается разработать план переброски войск к Румыно-Югославской границе с разработкой соответствующих планов насчёт перехода американских провокаций в полноценную боевую операцию имеющую цель защиты суверенитета наших союзников, — оторвав его от размышлений, обратился к нему Устинов.

— Так точно! — тому ничего не оставалось кроме как взять под козырёк.

Как раз в этот момент Леонид Ильич словно очнувшись, зашлепал губами, словно стараясь что-то произнести, а затем, поднявшись направился к выходу, подволакивая ноги и покачиваясь в стороны при ходьбе. Все присутствующие в зале проводили его взглядами — кто сочувствующими, а кто и злорадными. Но все при этом были солидарны во мнении, что с генеральным секретарем последнее время твориться что-то неладное.

Примерно в это самое время в одной из школ города готовилось торжественное принятие в комсомол. В зале городского ДК было шумно и довольно много народа. Больше всех шума издавала небольшая группа школьников стоящая у сцены и громко спорившая на разные голоса с невысокой веснушчатой девушкой.

— Давайте организуем прямую видео трансляцию...

— ... камеры разместим на тросах под потолком...

— ... вещание по всем школам через распределенную линию...

— ...и даже в каждую квартиру — надо только приставку специальную к телевизору...

— ...а приставки можно по телефону заказывать...

— ... у нас как раз тестирование автомата глубокого обучения...

Перебивая друг друга пытались донести до девушки с русыми волосами ребята.

— Так Замолчали! Не зудите! — оборвала их девушка, — Во первых, я хоть и организую тут всё, но по техническим вопросам обращайтесь к директору ДК, а во вторых вам на ваши фантазии добро никто не даст, — припечатала она ребят.

— Главное чтобы вы были не против, а уж с директором мы договоримся, — ответил, единственный молчавший до этого парень. Алина особо его выделила из всех, так как он смотрел на неё так словно видит насквозь.

— Тогда возьмите, хоть, план технических предложений, — один из ребят протянул ей довольно толстую пачку листов вшитую в картонные корки. Девушка мельком глянув на документ отметила про себя что пионеры где-то смогли получить доступ к светокопировальному аппарату, так как на бумаге не было заметно характерных вдавливаний от печатной машинки.

Когда компания школьников ушла осаждать кабинет директора, девушка позволила себе выдохнуть и немного расслабиться — в этом году принятие в комсомол будет не таким уж и простым. Кроме того что в мире происходят невероятные события (конечно хоть все и напуганы, тем не менее полны решимости дать отпор акулам капитализма если понадобится), так ещё и в городе все как будто походили с ума.

Всё началось с одного из школьного радиокружка, ребята из которого начали буквально из всякой ерунды делать разные интересные поделки, и мало того интересные так ещё и на удивление полезные. Конечно, они не первые кто изобретал всякие штуковины, но всё это в лучшем случае было лишь основанием для статьи в “моделисте-конструкторе” или том же “радио”, но они каким-то загадочным образом уговорили руководство завода позволить им делать свои поделки на незагруженных станках готовящихся к списанию. И не только руководство, но и некоторых рабочих (естественно из молодых), чтобы те взяли коммунистические обязательства и помогли ребятам, оставаясь на час другой после окончания своей смены, чтобы произвести некоторое количество продукции. И теперь пол города пользовалось изделиями юных “кулибиных”. Тут были и блоки управления климатом для автомобилей (этим они покорили сердца пропахших бензином и ржавчиной мужиков в гаражах, вернее их вторых половинок которые теперь могли ездить в относительном комфорте, без постоянного поднимания — опускания стекла), были тут и приставки к телевизорам которые превращали скучные ящики с бесконечными рапортами о достижениях народного хозяйства, в настоящий игровой автомат в котором можно было проходить викторины по различным предметам, или управлять подлодкой, что топит корабли проклятых империалистов (правда многие родители были не очень довольны этими приставками, так как в большинстве своём дети именно топили корабли, а не отвечали на вопросы в викторине, к тому же изобретатели обещала позже добавить ещё игр), и еще множество мелких, но странно полезных предметов вроде тех же точилок для ножей на присоске которую надо лишь прицепить к столу и пару раз провести ножом сквозь набор металлических пластинок, камушков и стеклышком и нож становился очень острым — от этого количество скандалов на кухнях, из-за тупых ножей, уменьшилось в разы. При этом все эти предметы и устройства распространялись почти что даром — надо было или поработать на сборке, за станком или сортировке и сдать некоторое количество утиля.

Вздыхнув Алина поправила волосы сколотые заколкой в форме забавного котёнка в шапке-ушанке и пошла дальше проверять как идут работы. Заколка тоже была сделана пионерами, которые, вместо того чтобы пустить найденную пластмассу на дымовухи, перерабатывали её и отливали разные забавные вещицы с изображением котиков. Ребята лепили этих котят названных “привет котик” почти на все свои изделия. Набор Заколок ей, кстати, подарил один из пионеров, почему-то назвав это “акцией-демонстрацией”, она практически сразу выбросила это из головы, но заколки были на удивление удобными, да и многие девушки носили похожие — среди ребят был художник и они постоянно делала новые формы для литья от чего номенклатура форм у них была просто огромной.

Следующий день, когда была назначена церемония принятия, с самого утра для алины всё пошло кувырком. Конечно, она читала “план технических предложений” что передали ей пионеры и даже переговорила с некоторыми из членов партии что будут давать ребятам рекомендации, но всё равно отнеслась к написанному с изрядной долей скепсиса. Но как оказалось она была слишком наивна.

Утро началось с того что она чуть не проспала — механический будильник служивший

её верой и правдой с самого детства (а до этого её матери) вдруг отказался звонить — судя по лежащей рядом с ним металлической детальке язычок звонка просто-напросто отломился. Но проспять её не дал звонок по телефону, где девчачий. Явно записанный голос сообщил ей что она приглашена на праздник. Конечно, это было наглостью! Её секретаря комитета комсомола приглашают на мероприятие которое она сама же и организовала. Но всё же стоит отметить что если бы не телефонный звонок у неё действительно были бы все шансы проспять.

Само действие происходило в городском доме культуры, он хоть и был ведомственным и принадлежал заводу, но по факту был самым крупным в городе и все значимые события происходили именно в нём. Уже на подходе к зданию она заподозрила что-то не то. Со всех сторон к ДК шли люди с детьми, шарами и флажками. Конечно, принятие в комсомол праздничная процедура, но не настолько же чтобы пол города шло на это посмотреть. Количество народа действительно было близко к тому что участвует в первомайской демонстрации.

Практически перед самым ДК к ней подбежала девчонка младшеклассница и вручила листок плохонькой бумаги, на которой в цвете (пусть цветов было всего три штуки) была напечатана программа мероприятия. И эта программа была ей не согласована. Какие-то показательные выступления, демонстрационные полеты и прочая чепуха.

В самом зале ДК остальные члены комиссии увлеченно слушали какого-то школьника. Подойдя ближе она узнала того молчаливого парня, который обещал договориться с директором дома культуры. Причём судя по творящемуся вокруг всему это действительно удалось.

— Так, пацан брысь отсюда, — обратилась она к нему, подойдя к остальным членам комиссии, — нам тут ещё надо подготовиться.

Парень тут же прервался и со странным выражением посмотрел на неё. От его взгляда она вздрогнула — у парня были такие глаза как будто за его зрачками притаился тигр что вот-вот выпрыгнет наружу. Но стоили ей моргнуть и тряхнуть головой как это странное ощущение пропало.

— Так у нас тут всё готово? — она сразу же взяла инициативу в свои руки, и принялась проверять уровень готовности предстоящей церемонии не обращая внимания, что тот странный парень особо далеко не ушёл, а остался стоять рядом со сценой о чём-то коротко переговариваясь с то и дело подписавшими к нему ребятами.

Наконец когда один из подошедших пионеров принес сумку набитую странными техническими устройствами, он практически с головой закопался в неё. А когда вновь распрямился, то сторонний наблюдатель мог бы отметить что парень стал явно толще, как будто у него под школьной формой была поддета толстая шерстяная кофта, а под брюками такое же тёплое бельё, но при этом из рукавов, из-под штанин и из-под ворота у него торчали едва заметные провода подключенные к браслетам на запястьях, лодыжкам и тонкому проволочному каркасу охватывающему всю голову. При этом несмотря на эпатажность его вида и довольно долгую возню по надеванию, накручиванию и установке всего этого оборудования его словно никто не замечал.

Закончив с экипировкой я вновь оглядел зал где должна была пройти процедура позволяющая мне приблизиться ещё на одну ступеньку к выполнению ПЛАНА. Конечно

можно было бы обойтись без всего этого что я с таким трудом организовал и подготовил и просто вступить в одну из странных местных организаций (некий “комсомол”), но, во-первых, мне хотелось проверить свои наработки в области стимулирования развития науки и техники у аборигенов, а во вторых это был и мой личный день маленького триумфа — вместе с особо доверенными членами моего радиокружка мне наконец то удалось закончить прототип мобильного нейроусилителя. При этом мы довольно остроумно решили проблему питания устройства. Как оказалось местные власти уделяют большое внимание пропаганде среди своих граждан и не жалеют на это никаких средств. В частности они спокойно позволяют вкачивать в радио эфир сотни, если не тысячи киловатт энергии, чтобы радиостанция “маяк” была доступна в любом краю этой огромной страны. Но кроме того что даже в самом глухом уголке можно послушать радио также в любом месте куда проникают радиоволны из этого самого радиоэфира можно снять несколько ватт мощности. Чего мне лихвой хватило.

Пока я надевал на себя обмундирование и отдавал последние распоряжения добровольным помощникам (как оказалось под лозунгом “давайте сделаем этот праздник незабываемым” можно рекрутировать множество людей буквально пылающих трудовым энтузиазмом) само действие началось.

Стоило только всем занять свои места как невысокого роста девушка (я вообще сначала принял её за школьницу на несколько классов младше меня, но стоило только попытаться подключиться к её нейропространству как стало ясно что это вполне взрослая девушка, обладающая к тому же сильным характером и не дюжей силой воли) объявила что торжественная процедура принятия пионеров в ряды всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи начинается.

На сцене заседала комиссия, к которой, по списку, вызвали из зала по одному очередного претендента, который выходил вместе с порекомендовавшим его коммунистом и после короткого опроса, больше похожего на миниэкзамен, его поздравляли и вручали комсомольский билет. После чего вызвали следующего. Было ясно что эта процедура отработана до мелочей и для всех присутствующих больше напоминает конвейер. Но так как я собирался достичь тут своих целей то во всех проходящих действиях присутствовал новый элемент. Так за спинами комиссии висел большой проекционный экран на котором отображалось крупным планом всё происходящее на сцене — его мы повесили для многочисленных зрителей (моим помощникам пришлось приложить немало сил, чтобы убедить прийти на церемонию принятия как можно больше народу, да и мне пришлось изрядно поднапрячься вкладывая ту же мысль в глобальное городское нейропространство). Также эта картинка дублировалась и на экране вывешенном снаружи ДК для тех, кому не хватило места внутри — народу действительно прошло много. Но пришедшие не стояли единой толпой, а просто курсировали по парку разбитому возле дома культуры знакомясь с демонстрационными и информационными стендами которые подготовили все школьные кружки (естественно где были ребята в нейропространство которых я успел залезть). Тут демонстрировалась мебель из картона (на которую пошла переработанная макулатура) и различные изделия из пластмасс (тоже добытой из утильсырья) и даже мелкая бытовая электроника (ну для меня это были действительно мелочи — я был уверен, хоть и не мог объяснить почему, что всё это ужаснейший примитивизм, но местные смотрели на все эти телевизионные приставки, блоки автоматки для автомобилей и огородов как на что-то невероятное). Причём большой популярностью пользовался практически законченный моим

кружком робот.

Хотя мало кто понимал что все эти школьные поделки полная ерунда по сравнению с тем что мы ведем прямую трансляцию из зала ДК на уличном экране. Каких трудов нам стоило сделать (по правде сказать самодельного там было немного в основном это были готовые узлы) видео камеру и организовать пару “приёмник-передатчик” видеосигнала. Но эта задача хоть и была очень тяжёлой, но всё же мы справились и теперь у нас была возможность вести прямые видеопередачи (что очень важно для моих последующих планов).

Пока шла процедура приёма, мы понемногу готовились к финальному действию — большая часть ребят вступающих в комсомол была в курсе нашей задумки, так что после получения комсомольского билета они тихонько выходили из ДК и собирались в сквере рядом.

Глава 2

После того как большая часть ребят прошла через процедуру принятия в комсомол наконец наступила моя очередь — процедура принятия шла по списку составленному в алфавитном порядке, а доставшаяся мне фамилия была в самом его конце, так что я был последним.

Наконец услышав что меня вызывают я кивнул товарищу отца, который согласился быть моим поручителем, и вместе с ним поднялся на сцену. Ответив на несколько элементарных вопросов от явно скучающих членов комиссии и получив вместе с вялыми поздравлениями комсомольский билет, я в отличие от остальных ребят не ушёл со сцены, а наоборот повернувшись к залу махнул рукой чтобы осветитель (тоже заранее проинструктированный) включи несколько прожекторов направив их на меня. Оказавшись в свете софитов я обратился ко всему залу.

— Дорогие товарищи в этот важный для всех нас день, новое пополнение всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, в лице только что принятых членов берёт на себя торжественное обещание приложить все силы для того чтобы наша прекрасная родина процветала, и её великий народ мог с гордостью нести знамя великого ленинского учения! Переждав бурные овации я продолжил, как наверное многие из вас знают что радиокружок нашей школы, как и несколько других кружков школ города изготавливают и распространяют среди граждан, на практически безвозмездной основе бытовые мелочи, которые советская промышленность не выпускает или выпускает крайне ограниченным тиражом. Все мы вскоре пойдём на предприятия страны в той или иной должности, так вот мы обещаем что и в дальнейшем свою работу по улучшению быта граждан, продолжим со всей доступной нам усердностью. Но и сейчас предлагаем всем имеющим такую возможность рабочим и служащим заводов и фабрик принять участие в этой акции — наверняка многие из вас имеют мысли, а может даже и пользуются какими нибудь самодельными приспособлениями и устройствами которые могли бы быть полезны и другим. Эти идеи, чертежи или даже технические решения не держать у себя единолично, а отдать в общественное пользование. Со своей стороны обещаем что все предложенные проекты будут рассмотрены через призму общественного голосования и самые лучшие и удачные внедрены в производство. Но даже те что по какой-нибудь причине не будут подходить для массового производства будут доступны всем желающим. Доступ к готовым проектам и решениям, как и возможности их предложить будут организованы посредством терминалов общегородской, а в будущем и общесоюзной, межЭВМной связи. Для этого мы будем раздавать всем желающим мини ЭВМ — приставки для телевизоров, — подождав пока утихнет шум зале продолжил, — многие, наверное, видели уже наши поделки позволяющие играть в небольшие игры, так вот следующее поколение этих приборов полноценные рабочие станции уже не для игр, а для серьёзной работы. Как и мы, выросшие из пионеров и вступившие в первый этап взрослой жизни, так и наши устройства теперь будут служить не развлечением, а работе на благо людей — на благо страны! Благо страны — благо народа — высшее благо!

Закончил речь я под бурные овации. Конечно, во время своего выступления я в некоторые моменты использовал возможности надетого на мне снаряжения, чтобы усилить эффект от произносимых слов, и пару раз, чтобы подавить реакцию возмущения со стороны

комиссии.

Дождавшись пока аплодисменты утихнут, я приступил к завершению своей речи.

— Но благо страны состоит не только в комфорте её жителей, но и в их безопасности! Как все вы знаете на дальних рубежах нашей страны, у границ наших союзников разгорается пожар военного конфликта раздуваемый капиталистическими силами, — тут мне даже выдумывать ничего не надо было, достаточно было просто перефразировать то о чем постоянно говорили из радиоприёмников и телевизора, — и мы как последователи и продолжатели коммунистического учения не можем смотреть на это сквозь пальцы. Нам всем предстоит научиться держать оружие в руках, чтобы, если потребуется, решительно дать отпор силам зла. Но несмотря на храбрость и решительность с противником необходимо бороться самым лучшим и современным оружием, и мы как уже сейчас готовы приступить к его освоению, чтобы не посрамить своих отцов и дедов!

В этот момент свет в зале гаснет и на проекционном экране появляется картинка из сквера, где ребята получившие билеты уже облачились в экзоскелеты и стройными рядами, вскинув руки в воинском приветствии маршировали по аллее.

Все в зале потрясенно молчали — картинка на экране действительно впечатляла. Два десятка парней и девушек закованных в блестящие металлические доспехи, ростом чуть больше двух метров маршировали между толпы задравших головы людей.

Конечно, на самом деле большей частью это всё было показухой — у нас просто не было ни ресурсов ни технологий для производства большого количества по-настоящему тяжёлых боевых доспехов. Всё это были трубчатые каркасы с закрепленными на них, тонким алюминиевыми листами (а кое-где и картонками покрашенными серебрянкой). Конечно, каркасы приводились в движение электромоторами, реагируя на команды оператора, но тут всё было упрощено до предела — управление было на тумблерах и конечных выключателях, а электромоторы были взяты со сломанных стиральных и пишущих машинах, да и питание было подведено по кабелям, проложенным в канаве рядом с дорожкой, просто мы подобрали такой ракурс для съёмки, что проводов питания было не видно.

Но, тем не менее со стороны этот “парад” смотрелся более чем внушительно. От увиденного многие из присутствующих, в зале ДК и на улице пришли в такое смятение, что их нейропространство стало гораздо более проницаемым для внешнего влияния, чего я добивался. Почувствовав что настал подходящий момент я на полную мощность активировал своё снаряжение и полностью сознанием ушёл в коллективное нейрооблако.

Серое, многоэтажное здание с постоянно зашторенными окнами. В кабинет начальника входит мужчина в скромном сером костюме.

— По вашему приказанию прибыл — чётко подойдя к столу начальника спрашивает мужчина невысокого роста с мало выразительным лицом.

— Ну, полноте вам, голубчик, у нас ведь тут не казарма, — практически по-отечески поприветствовал его сидящий за столом мужчина в годах, — хорошо конечно что вам в училище привили дисциплину, ну тут уж среди своих можно попроще...

Седовласый мужчина некоторое время смотрел на стоящего перед ним человека, словно стараясь разглядеть что-то внутри него, а затем продолжил.

— Я ознакомился с вашим личным делом, — он похлопал рукой по лежащей на краю стола картонной папке с завязками, — и надо сказать у вас неплохие данные. У меня сложилось мнение, что вы можете сделать неплохую карьеру! — он поднял вверх указательный палец, — но сами понимаете, просиживание штанов в кабинете это путь в никуда. Наши лучшие сотрудники, а вы несомненно как молодой специалист относитесь к таким, получают назначение в европу, — он сделала паузу, — вы ведь женаты?

— Конечно, — с готовностью ответил человек в костюме. Одновременно думая про себя что это был совершенно глупый вопрос так как всё написано в его личном деле и подобный способ расположить к себе собеседника устарел ещё лет двадцать назад, сейчас были разработаны гораздо более действенные методы, но он благоразумно оставил своё мнение при себе. Но внутри у него всё напряглось — похоже ему светит назначения в ГДР, и он наконец то сможет вырваться из “совка”. А там возможности у него будут несколько иные...

— Так вот, — продолжил хозяин кабинета, — вам предлагается командировка в румынию, в составе отдельного специального батальона КГБ. Как вы, несомненно, знаете, из последней информационной сводки, там ожидается соприкосновение с отдельными частями спец групп американских морских пехотинцев...

— Готов исполнить свой интернациональный долг, — как на плацу рывкнул мужчина, хотя внутри у него всё заледенело. Одно дело заниматься разведывательной деятельностью в восточной германии — за кружечкой пива болтая о политике с тихими бюргерами, собирая на них компромат, а совсем другое дело находиться на границе где вот-вот вспыхнет пожар войны и как бы не мировой. Во всяком случае в отделении вовсю болтали о том что силы стратегического сдерживания в связи с последними событиями приведены в повышенную боевую готовность.

— Но хочу заметить что защита интересов нашего государства обеспечивается не только на передовой, — быстро продолжил мужчина пока генерал не отправил его получать командировочные документы, — в первую очередь безопасность страны куется в тылу. И важно обеспечить эти тылы, защитить их от саботажников, контрреволюционеров и агентов иностранных спецслужб. Вот например в городе N где расположен номерной завод, происходят события ставящие под угрозу исполнение государственного оборонного заказа.

Было видно, что мужчина в годах не слишком доволен ответом молодого. В глазах у него появилась сталь, а голос стал гораздо тверже.

— Похвально что молодые сотрудники так заботятся о тылах и изучают все циркуляционные рассылки. Думаю в таком случае вам необходимо отправиться в этот город и как следует изучить происходящие там события — не являются ли это действительно происками врага. Завтра представит е мне подробный план мероприятий, а после завтра убудете на место.

— Разрешите приступить к исполнению, — вытянувшись, отрапортовал мужчина в пиджаке.

— Ступайте, — махнул рукой седой, опуская взгляд на лежащие перед ним документы. Мужчина с не запоминающимся лицом, развернувшись на каблуках вышел из кабинета. Возможно он только что загубил свою карьеру, но может всё и не так уж и плохо. На местах тоже есть возможность развернуться. Во всяком случае его знакомый Симохин Миша рассказывал довольно интересные вещи, так что умный человек нигде не упустит своей возможности. А старые пердуны, пусть играют в солдатиков вместе с наивными дурачками,

он не для этого рвал жилы на учёбе, чтобы бегать под пулями.

Джон Уильямс стоя в строю вместе с остальным пополнением пятой дивизии слушал как с небольшой переносной трибуны вещает полковник Хьюлетт. Сама речь полковника пролетала мимо ушей рядового, но смысл он понял чётко — их отправляют в европу — якобы для помощи каким-то аборигенам. Но судя по фразе “гордо нести знамя истинной демократии” им следовало принести местным настоящие американские ценности, и если понадобится вбить их в глотки дикарей прикладами М-16. Ну или крылатыми ракетами, бомбами и реактивными снарядами, ведь их транспорт будет в составе ударного ордера целого авианосца.

После речи их командира они получили команду приступить к подготовке и началась обычная работа. Со стороны могло показаться что они бегают без всякой цели, но на самом деле сержанты разделили их на группы и пока одни получали снаряжение и обмундирование, другие в штабной палатке подписывали дополнения к своим контрактам, и писали письма домой — на время участия в операции вводился особый режим. Третья группа в медицинской палатке получала прививки от европейских штаммов возбудителей болезни. Кто-то из ребят пошутил что это никакие не прививки, а специальный антикоммунистический препарат, чтобы проклятые комми не заразили их своей идеологией. Закончив с процедурами, каждая группа менялась местами так что вскоре все были полностью готовыми и принялись грузиться в ожидавшие транспорты.

Командир танка сидя на броне медленно курил папиросу. Сегодня весь их батальон должны были перебрасывать куда-то в европу. Командир взвода с самого утра укатил в штаб получать приказ, а он вместе с остальными готовил машины к транспортировке. Подготовка осложнялась тем что ж/д станция выделенная для погрузки располагалась в двадцати километрах, а тягачей для перевозки танков им выделили всего четыре штуки, при этом строго запретив расходовать моторесурс самих танков.

Глядя на то как суетятся срочники из роты материально технического обеспечения, что вчетвером-впятером тащат тяжеленные танковые аккумуляторы, ему вдруг вспомнилось, что когда он приезжал к родителям в отпуск, то видел как пацаны пионеры, в гаражном кооперативе таскали кучи металлолома с ближайшей свалки. Причём хилые и довольно ботанистого вида школьники тащили такую тяжесть, что парень неожиданно для себя подошёл, и спросил как они проделали этот трюк. И один из пацанов, остановился и важно поправив очки на носу задвинул мудреную вещь про достижения советской науки и техники в области проектирования внешнего мышечного и скелетного каркаса. Правда тут же видя в глазах собеседника абсолютную пустоту пояснил что они просто испытывают для школьного кружка устройства для переноски тяжестей которые должны облегчить труд грузчиков и строителей. Но стоили его товарищам скрыться за поворотом, то он заговорчески подмигнул и видимо намекая на то что парень был в форме курсанта танковой академии, сообщил что переноска грузов и стройматериалов это только первый этап, ведь стоит навесить на это устройство несколько листов брони, пару безоткатных орудий, контейнер для

неуправляемых ракет, радиостанцию, микроволновый радар, ранцевый прыжковый двигатель, генератор направленных электро индукционных импульсов, электромагнитный ускоритель, и ещё какой-нибудь мелочовке типа системы дыхания замкнутого цикла, инфракрасного сканера и системы поддержания жизнеобеспечения, то подобные изделия вполне могут поступить на вооружение в армию. Закончив свою речь он развернулся и подхватив огромный тюк металлолома, отправился нагонять своих товарищей, поскрипывая шарнирами металлического каркаса на подобию аппарата илизарова на каждой конечности.

— Я не прошу! Вы слышите? Я требую чтобы вы немедленно прекратили заниматься этой ерундой и засели за подготовку доклада о решениях последнего партийного съезда, для следующего открытого партсобрания.

— На этих собраниях всё равно половина слушателей идёт из-под палки, а вторая половина спит с открытыми глазами!

— Да как вы... как вы смеее?! Да знаете что за такое бывает?! За такие слова можно и партбилет на стол положить!

— Настоящий коммунист должен вести за собой людей, увлекать их новыми проектами, делать жизнь людей лучше! А не заниматься вот этой мутью!

— Да я лучше вашего знаю что должен делать настоящий коммунист, я как-никак член партии с 1955 года!

— Вот не надо тут кичиться своим стажем в партии, лучше сравните результаты своей и моей работы! На вашем счету только дурацкие стенгазеты, да скучные партсобрания с редкими субботниками на которых все только и думают как бы забраться в кусты и раздавить пузырь! А я мало того что увлек этих бездельников Сидоренко и Петрова хоть какой-то полезной работой, так ещё и помогаю начинанию тех ребят из что выступали у ДК.

— Вы растрачиваете социалистическое имущество!

— А не вы ли говорили что у нас все склады забиты этим барахлом, которое дают в нагрузку к дефицитным деталям?

На это оппоненту одного из молодых специалистов крыть было нечего и он пыхтя словно паровоз развернулся и ушёл, оставив молодого парня одного в кабинете. Впрочем, он недолго сидел один вскоре за ним пришел приятель и они вдвоем отправились на монтажный участок где после смены с такими же энтузиастами паяли телевизионные приставки — терминалы общего доступа к единой коммуникационной системе. Схемы этих терминалов были наверное у каждого в гараже. Ребята из школьных радиокружков, как-то их размножали и раскладывали по почтовым ящикам во всех домах.

Надо сказать, что когда Сергей Николаевич (а именно он спорил с руководителем отделения, и по совместительству секретарем заводской партячейки) спаял себе этот терминал и подключил его к телефонной линии, то был довольно сильно удивлён — каким-то школьникам удалось сделать то что не приходило в голову ни одному квалифицированному инженеру. Ну может и приходило, но до этапа реализации тем более настолько массовой не дошло.

Михаил Сергеевич с недовольным лицом шёл по длинному коридору. Уже два года как он с семьёй переехал в Москву, был избран на должность секретаря ЦК КПСС и это не считая того что он до этого уже год занимал пост председателя комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР, но всё равно недовольство буквально переполняло его. Вся эта ситуация — когда он вершитель судеб миллионов людей и один из стоящих у руля всей страны, был практически приравнен к черни и быдлу изрядно его напрягала. Конечно, у него была персональная дача, к его услугам были и ведомственные дома отдыха, бани, спец. заведения (припомнив посещение одного из них он сладко прищурился), гараж с водителями и автомобилями, но всё это было не то.

По рассказам, нескольких зарубежных коллег он прекрасно представлял себе как живут люди его положения там, на западе. Какие они имеют преференции (советское гос. обеспечение не идёт никакое сравнение), и какими реальными возможностями обладают.

Теперь ему надо было только организовать всё так, чтобы жить не хуже. Но как бы он не старался и как бы карьерно не рос (далее только пост генерального секретаря, к которому он уже понемногу примерялся), всё равно это было не то.

Но вдруг ему в голову пришла сумасшедшая идея — а что если не стараться организовать себе жизнь в союзе не хуже, чем на западе, а действительно перебраться туда, где он достоин жить. Причём не жалким беженцем, скрывающим свое лицо и фамилию и живущему на жалкие подачки, а достойным и уважаемым гражданином действительно великой и могучей страны. Ведь для этого надо то всего-навсего — создать финансовую подушку и несколько предпосылок для развития ситуации по нужному сценарию. Тем более что часть работы уже сделана до него — по некоторой имеющейся у него информации в надежных иностранных банках с аккумулированы немалые средства которые должны послужить высшему партийному составу в случае вынужденной эмиграции. Надо только получить к ним доступ и организовать дело так, чтобы никого из тех кто о них знает, не осталось. Но кроме того надо сделать кое-какие запасы в виде ценных металлов, и даже определённой техники. Вот если бы отрезать себе кусочек... такой, типа дачи, чтобы там и земля была, для охоты и рыбалки, золотишко... нефть... газ...

С разных сторон обдумывая внезапно посетившие его мысли, он замедлив шаг продолжил идти к своему кабинету по коридору дома номер 4 на старой площади.

Рассматривая газетный лист который сегодня кто-то притащил в школу я думал сразу о нескольких вещах. Во-первых, для достижения моих целей карьера по партийной линии не самый лучший путь — чем дальше я изучаю коллективное нейространство тем больше убеждаюсь что среди населения, партийные функционеры не пользуются большим уважением, а сами члены партии в большинстве своём не соответствуют объявленным характеристикам. Конечно, есть среди них и по-настоящему достойные образцы, как например, та девушка, что организовывала процедуру принятия вчерашних школьников в комсомол. Хоть она и не подозревала о тех дополнениях в процедуру, что мы привнесли, но среди прочих она отреагировала гораздо более спокойно и даже попыталась как-то

поучаствовать во всём действии, тогда как остальных членов комиссии пришлось чуть-ли не переводить на “ручное управление” — настолько у них была неприязнь и нетерпение ко всему новому и отличному от их представлений “нормального”.

Во вторых, разгорающийся где-то на периферии империи конфликт (предпосылки его не ясны и вообще он носит все следы искусственно созданного) не столько вредит моим планам, сколько способствует им. Поначалу я хотел поставить на ветеранов другой войны, но коль подвернулся такой случай, то почему бы не разыграть карту военного ресурса. Тем более что большая часть инженерно-технического персонала к нейропространству которых я мог регулярно подключаться постоянно мыслили военными категориями и перенаправить ход их работы в мирное русло было довольно проблематично. А так мне останется только подстегнуть их креативную составляющую да помочь с преодолением административных препон — на которых гибнет практически любая инициатива.

— Ребята! — обратился я к одноклассникам, благо перемена только-только началась и никто ещё не успел выйти и класса, — сегодня после уроков не расходитесь, у меня будет небольшое объявление.

Надо начать с небольшой группы, а дальше уже с помощью знакомого мне каскадного эффекта распространить идею на остальных, тем более что опыт имеется. Вот Только надо подумать о ресурсе — все доступные мне ребята и молодые люди имеющие положительный коэффициент креативности и уже получили установки и трудятся по своим направлениям и отрывать их на новый проект не лучшая идея.

Но тут мне на глаза попался проходящий по школьному двору Петя Козленко, которого все за глаза называли “козлом”. Известная, в определённых кругах личность — помимо того что он оставался на второй год и вырос в неблагополучной семье, чему был только рад (его несколько раз пытались взять пионерские отряды на “перевоспитание” но из этого ничего не вышло, так как он категорически не желал перевоспитываться), так же он обладал страстью к хулиганству, уже начавшего перерастать в откровенный разбой. Так как он учился в той же школе что и я, то я ранее пригасил его агрессивность, что к моему удивлению отрицательно сказалось на его и так не очень хорошей успеваемости. Попытавшись разобраться только и выяснил что злость не только толкала его на совершение противоправных действий, но и в редких случаях заставляла немного учиться. Сейчас же он большую часть свободного времени просто бродил по улице или школьному двору не зная чем себя занять.

Пришедшая мне в голову идея как раз позволила бы решить вопрос как с человеческим ресурсом нового направления, так и ещё больше стабилизировать обстановку в моём ближайшем окружении.

Насколько мне было известно, в данном обществе активно культивировалась идея непримиримой борьбы с внешним врагом и героической помощи братским народам. Правда эта идея на сегодняшний момент устарела лет на тридцать, если не на все пятьдесят, но в моих силах вдохнуть в неё новую жизнь. Будет очень замечательно если всякие агрессивные и склонные к насилию элементы отправятся туда куда им самая дорога — к месту боевых действий. Хотя сейчас никаких боёв вроде не ведётся (из всех доступных средств массовой информации невозможно понять реальную обстановку — сообщают только о неких “провокациях”, “выступлениях наймитов мирового капитала” и “хлопках спровоцированных нелегитимными, само названными силами самообороны”), но что-то внутри меня, как будто некий опыт, подсказывал что вскоре конфликт вспыхнет с такой силой что будет жарко

абсолютно всем.

Вот в этом котле войны пусть и варятся те кто слабо приспособлен к нормальной жизни и вносит слишком маленький вклад в общее благо. Но не стоит забывать что именно такие люди являются носителями неплохого генетического материала и не следует их безвозвратно терять, так что на фронт они должны отправиться не сырые и босые, а неплохо натренированные, обученные и оснащенные. С оснащением понемногу начинает что-то вырисовываться, но пока слишком медленно и печально, но это дело буквально нескольких месяцев.

Так что сейчас, мне надо поработать над коллективным нейро пространством, и подобрать такой селекционный фильтр чтобы точно воздействовать на индивидуумов подходящих под эту задачу, благо место куда их направить ни выдумывать, ни организовывать не надо — уже существует некий ДОСААФ. Конечно, эта организация, как минимум городской её филиал, больше нацелена на спорт и всё связанное с ним, но потенциал у неё неплохой, так что немного подкорректировав видение мира руководства филиала, можно будет начать подготовку ребят в нужном ключе.

После уроков я не пошёл в радиокружок, всё равно там сейчас скука смертная — все, включая новеньких, сидят паяют эти новые телевизионные приставки. Вместо этого я отправился на завод к отцу — сегодня мне должны были выписать временный пропуск как представителю комсомольской агитационной бригады. Ради этого мне пришлось спалить свой нейро усилитель который я так долго делал в преддверии процедуры вступления — воля у девушки председателя была поистине железной. Единственное что я смог это включить меня в состав некой “агитационной” бригады, да и то, подозреваю, что причиной этому было моё выступление на сцене ДК, а не направленное нейро воздействие. Так что в дальнейшем мне надо больше полагаться на обычные средства коммуникации, а не способность подключаться к ней пространству. Как минимум до того момента как наконец смогу создать портативный нейроусилитель достаточной мощности который и сам не будет сгорать и мои альфаритмы не давить в ноль.

Около проходной стояло всего двое — Алина и высокий парень со скучающим видом смотрящий в противоположную от проходной сторону. Было видно то у него вся эта затея не вызывает никакого энтузиазма. Но со стороны эта парочка смотрелась довольно забавна — невысокого (это мягко сказано, буквально чуть больше полутора метров) девушка, хорошо сформировавшейся фигурой, что не давала её перепутать с младшеклассницей, и высоченный (немногим меньше двух метров) парень. Наверное их все их сравнивают с одним известным дуэтом юмористов.

Подойдя к ним я вежливо поздоровался, но удостоился только равнодушного взгляда со стороны парня и настороженного от девушки. Казалось она что-то подозревает. Хотя подобное с её стороны отношение было мне непонятно — я все-то навсего попросил её помочь мне в некоторых вопросах. Как сейчас помню тот разговор состоявшийся в технических помещениях ДК после моего заявления.

— Девушка, погодите, — нагнал я её когда она стремительно шла по коридору видимо торопясь выйти на улицу, чтобы ознакомиться с представленными в парке экспонатами.

— Не “девушка”, а Алина Леопольдовна, — едко заметила она, — учитесь правильно

обращаться к старшим товарищам, коль уж делаете такие громкие заявления.

— Ох... не девушка... — от экспрессии с какой она это произнесла я немного растерялся и тупо повторил её слова.

— Что вы себе позволяете! — резко вскрикнула она, почему-то отчаянно покраснев, — я совсем не это имела в виду!

— Имели? — окончательно запутался я, несмотря на то что мне уже стали привычны некоторые местные особенности, всё равно иногда не понимал что говорят местные, — погодите, это же я должен ввести...

— Что вы собрались вести?! — она вытаращилась на меня как будто я сказал какую то непристойность.

— Ввести вас в курс дела, — спокойно, стараясь отрешиться от странной реакции этой гипервозбудимой девушки, продолжил я, — как я уже заявил новое поколение комсомольцев не может оставить текущую ситуацию на произвол судьбы и мы должны решительно взять её в свои руки! — я придвинулся к ней и изобразил как руками что-то решительно хватаю и сжимаю. Правда из-за её небольшого роста, вся пантомима происходила как раз на уровне её груди. Глядя на мои жесты она опять начала заливаться краской.

— Что вы собрались взять в свои руки? — опять начала она.

— Так уважаемая! Успокойтесь! — остановил я её, видя что разговор идет куда-то не туда, — Вы тут вроде как у руля, так что я прошу вас оказать содействие полезному начинанию инициативной комсомольской группе, в области нового подхода к решению актуальных задач.

— Ну так дела не делаются, — видно было что она наконец переключилась со своих странных фантазий и вошла в рабочий режим, — сначала вы должны подать заявку на рассмотрение городского комитета, затем получить заключение о рассмотрении...

— Погодите, — жестом остановил её, — я же говорю “нового подхода”. Ваши старые методы изжили себя. Вот скажите честно что полезного, для страны, сделали лично вы за текущий год? Вот лично я активно участвовал в проекте по разработке продемонстрированных на параде устройств

— Ну, мы провели агитацию на некоторых предприятиях города..., — она явно растерялась, но потом взяла себя в руки, — но вы что-то предлагаете или просто рисуетесь как там на сцене, — она кивнула в сторону откуда мы пришли.

— Да у меня есть конкретные решения многих вопросов, — серьёзно ответил ей, — какое у вас ближайшее мероприятие? Возьмите меня с собой и увидите что я словами не разбрасываюсь, а действительно занимаюсь реальными делами.

— Хорошо, — с сомнением протянула девушка, скоро у нас будет выезд агитационной бригады на территорию завода, я запишу вас в состав участников, там и посмотрим чего вы стоите на самом деле.

— Это как раз то что мне и нужно, — согласно кивнул ей, — вот увидите, новое поколение достигнет таких высот что никому и не снились.

— Будем надеяться что как раз это вам и не приснилось — тихо пробормотала она мне в спину, стоило мне, попрощавшись, отойти.

— Кого ещё ждём? — максимально позитивно, чтобы разбит тонкий лёд отчуждения,

обратился я к молодым людям.

— Сейчас подойдёт Пётр Александрович и пойдём, — ответил парень. Было видно, что он чем то удручен и идти на контакт не имел никакого желания.

Сделав ещё несколько попыток разговорить их я так и не добился успеха. Решив что момент неподходящий просто встал рядом и сосредоточился на окружающем их нейрооблаке. Девушка была настроена довольно серьёзно, поэтому мне ничего не удавалось разглядеть среди сизого тумана её воли. А вот состояние парня было менее уравновешенным — в его нейропространстве постоянно проскальзывали образы какого-то мужчины ведущего серьёзный разговор. Кажется, он что-то требовал или к чему-то настойчиво склонял парня. Но узнать к чему мне не удалось так как моё погружение, прервало появление нашего последнего спутника.

Извинившись за задержку, он схватил мою ладонь, энергично её потряс и представился Петрухой — корреспондентом местной газеты. Правда Алина Леопольдовна тут же уточнила что он внештатный корреспондент.

Оформив документы в бюро пропусков, где уже лежали выписанные на нас заявки мы прошли, а территорию предприятия.

Вместе с подошедшим сопровождающим мы прошли в красный уголок и ещё некоторое время терпеливо ждали когда соберутся молодые работники предприятия. Люди приходили неохотно и по выражениям их лиц было видно, что затея с агитацией их не слишком воодушевляет.

Когда зал заполнился процентов на двадцать, а промежутки между приходящими людьми стали совсем уж неприличными Алина решила начать.

Её вступление было бодрым, но было видно, что она просто отбарабанивает привычный сценарий действуя без огонька. Естественно с таким подходом ни о каком результате не могло быть и речи. Настроения собравшихся я отслеживал не глубоко погрузившись в общее нейрооблако — люди были недовольны, что их оторвали от работы и к тому же задерживают с выходом домой.

Дождавшись паузы в речи девушки я встал со своего места и выйдя рядом с ней обратился к присутствующим.

— Товарищи! Всё что говорит эта замечательная девушка, конечно, правильно и замечательно, но я хотел поговорить с вами о другом. Вы все, наверное, ощущали и ли даже ощущаете в данный момент, что вам чего-то нехватает в жизни. Как будто вы попали в бесконечный цикл на конвейерную ленту — одни и те же лица, одни и те же события. Редкие развлечения в виде концертов самодеятельности и художественных выставок и прочих мероприятий не могут разорвать этого круга. Даже отпуск вы проводите в одних и тех же местах — Евпаторию, Сочи, Тбилиси, всем надоевший Байкал, Алтай... в общем ничего интересного. А не вы ли в детстве зачитывались историями про покорителей космоса, колонистов других планет, контакторов с иным разумом?

— Ты пацан давай поменьше фантазий, — со смешком кто-то выкрикнул из зала.

— Это не фантазии, — я отслеживал психо-эмоциональное состояние людей в зале и видел что начал их заинтересовывать, — все эти вещи вполне осуществимы уже сейчас. Лично вы можете всё это реализовать в обозримые сроки. Надо только одно — приложить все силы к своей работе.

Но несмотря на всю ту экспрессию с которой я произносил эти слова в зале не наблюдалось воодушевления. Люди также без интереса смотрели на меня, не особенно

понижая голос переговаривались обсуждая личные и производственные вопросы. Похоже что им было абсолютно индифферентно что им говорят. Судя по всему без небольшого нейровоздействия не обойтись.

Я напряг что-то внутри себя и наполовину погрузившись в нейрооблако присутствующих в зале продолжил свою речь, сопровождая, почти каждое слово посылом-приказом.

— Работа ваша главная цель! Вы должны работать с максимальной отдачей и относиться к каждой задаче как к личному вызову. Высокие потребительские свойства, актуальность и удобство использования — вот то над чем вы должны думать в первую очередь.

Выдав эту речь — нейропрограмму я остановился, пытаюсь отдышаться. Алина, видя что со мной что-то происходит, вышла немного вперёд и принялась продолжать проговаривать свою речь. Правда зал её не слушал. Все сидели молча с каменными лицами — в головах людей укладывались данные мною установки.

Немного отдышавшись я отошёл назад и только сейчас заметил что Петя пришедший с нами стоит в зале с такими же пустыми глазами, как и все остальные слушатели, судя по всему и его зацепило. Вот только интересно, какую же он будет выдавать “продукцию”, я-то транслировал в нейропространство образы дружественных к пользователю предметов бытовой и специальной техники.

Кое-как дотерпев до конца выступления я тяжело переставляя ноги — всё-таки и без усиливающей аппаратуры (протащить её через проходную я не пытался, не хватало ещё подпортить свой образ в глазах новых товарищей скандалом с работниками ВОХР), массовые нейровоздействия даются мне достаточно тяжело. Мне нужны соратники — и чем их будет больше тем лучше, потому что коллективное нейрооблако способно корректировать ход мыслей отдельного человека не хуже, чем специализированный прибор.

В один из дней после школы я отправился на комсомольское собрание проходившее в небольшом зале ДК. Помимо общих вопросов и некой текучки, меня должны были назначить замом Алины. Фактически вся власть в городском комитете была сосредоточена именно в её руках. Так что всё это время я благодаря поставленной на ней нейрометке, потихоньку искал лазейку, чтобы пробиться через броню воли к её нейропространству. Но даже используя домашний усилитель мне это никак не удавалось. Единственное, что я смог сделать это постоянно бомбардировать её мыслями о необходимости заместителя, сопровождая их своими образами. Но придя на собрание я увидел что эффект от моей работы был несколько иной.

Сам же усилитель я только называл “домашним”, на самом деле он располагался в трансформаторной подстанции, вернее в пяти квартальных подстанциях. Благо район в котором была квартира родителей донора, располагался рядом с промзоной и недостатка, как в высоковольтных линиях электропередач, так и в самих опорах ЛЭП не было. Кстати эти самые опоры я с товарищами из кружка и превратил в эдакие всенаправленные антенны. Товарищи правда считали что собирают исполнительный элемент будущей системы всесоюзной передачи данных. В принципе, в некотором приближении, так они и было, вот только данные которые я намеревался передавать не имели никакого отношения к телекоммуникационным сетям. В квартире у меня был только небольшой шлем сделанный из проволочного каркаса с двумя сотнями электродов, для более полного и быстрого снятия биотоков мозга. Шлем, через небольшой блок преобразователя сигналов, подключался прямо в электрическую розетку. Отцу увидевшему, как я надел блестящий шлем (делать его пришлось из серебряной проволоки вытащенной из сердечников РК кабеля) ложусь в кровать и включаю шлем в электрическую розетку, объяснил что это аппарат для электрофореза — в школьном кружке мы проверяем возможность своими руками собрать устройство для лечения ОРЗ и ОРВИ на дому, чтобы разгрузить участковых терапевтов.

Стоило мне зайти в зал как сидящая за столом девушка немного покраснела и отвела в сторону взгляд. Этого похоже никто не заметил, но имея некоторый опыт сразу понял что я всё же сумел воздействовать на её нейросознание, но не совсем в том ключе в котором изначально предполагал.

— Посмотрите кто явился, — язвительно начала девушка, — это же Даня! Наш великий пропагандист!

— Всем здравствуйте, — вежливо поздоровался я с присутствующими. На слова Алины я не обратил никакого внимания, было абсолютно понятно что за язвительностью она пытается скрыть собственное смущение.

Сев вместе с остальными за стол я принялся вникать в работу комитета. Не сказать чтобы это было просто, скорее даже довольно сложно и непонятно. Сложности добавляли постоянные издевки и подколки со стороны девушки. Они были настолько частыми, что это заметили и остальные и даже сделали её замечание чтобы она прекратила третировать новичка. Но от работы меня никто не освобождал. Благо я мог немного схитрить и не в полный канал подключившись к коллективному нейрооблаку считывал из него поверхностные образы и только благодаря этому разобрался в работе комитета.

На самом деле все эти ребята занимались сплошным переключиванием бумажек,

составлением никому не нужных отчётов и решением настолько мелких вопросов, что с ними бы справился любой достаточно мотивированный и целеустремлённый комсомолец.

Но чем больше я вникал в работу комитета тем больше понимал что система небольшой частью которой он является абсолютно нежизнеспособна. Тот экзамен, что мы проходили перед принятием в ряды комсомольского движения носит абсолютно формальный характер, а в подавляющем большинстве случаев и не проводится вовсе. Насколько я понял в последнее время в комсомол вообще начали принимать всех школьников подряд, невзирая ни на желание, ни на рекомендации ни на полезность для движения. И от этого естественно был только вред.

В конце собрания, я активировал все свои силы и оставленные ранее закладки в нейтропространствах остальных членов комитета и инициировал процедуру избрания заместителя комсорга. И хоть Алина всячески показывала что никакие замы ей не нужны и со всеми делами она справляется прекрасно, мнение большинства все же превалировало.

Наконец завершив все дела ребята начали собираться. Я вместе со всеми приготовился выходить, как вдруг меня остановил негромкий окрик.

— Даниил Викторович, вас я попрошу остаться.

Реплику девушки присутствующие сопроводили негромкими смешками и странными фразами про чемоданы и отпечатки пальцев. Мне же ничего не оставалось как вернуться к столу и сесть рядом с девушкой.

В кабинет странной геометрической формы заходит высокая, мускулистая чернокожая женщина в форме майора морской пехоты, печатая шаг.

— По вашему приказанию прибыла, — вскидывая два пальца к виску доложила она.

— Спасибо, что согласились посетить нас, мисс Блэкхоуп, — оперев в неё пустой взгляд, тихо говорит сидящий за большим столом заваленным кипами документов, — у нас есть задание которое возможно поручить пожалуй только вам. Мистер Уайт введёт вас в курс дела.

Один из стоящих рядом со столом мужчин, несмотря на военную выправку одетого в строгий деловой костюм, подходит к женщине и жестом приглашает к стоящему в центре кабинета не высокому столу, по обеим сторонам которого расположены два дивана. На одном из них расположился подросток в компании пары девиц. На другом устраиваются Блэкхоуп и Уайт.

Взяв в руки папку, поданную одним из референтов раскрывает её и демонстрирует содержимое сидящей рядом с ним женщине.

— Вам предлагается руководство вновь созданным подразделением сил специального назначения. В этой папке приказы о вашем назначении и выделении созданному подразделению места базирования.

— Погодите, а как же персонал и солдаты? К какому корпусу мы будем относиться?

— Новое подразделение будет немного необычным, я бы даже сказал “экспериментальным”, — подал голос сидящий на противоположном диване подросток, — документы, что вы держите в руках наделяют вас довольно широким полномочиями и в частности дают полномочия чрезвычайного ревизора с правом на перераспределение содержащегося в пенитенциарных учреждениях контингента.

Ребекка Блэкхоуп хотела было уже возмутиться, почему какой-то пацан вдруг в курсе её задания (на обложке переданной её папки стоял красный штамп “совершенно секретно”), но бросив взгляд на него поняла, что её первое впечатление о школьнике каким-то образом получившего право на экскурсию в рабочий кабинет высшего государственного чиновника, глубоко ошибочно. Тот кто сидел перед ней явно был не обычным школьником. Он не то чтобы не являлся школьником, он вообще был неопишуем так как весь создан из противоречий — щуплое, заметно измождённое тело, продавливало обивку дивана, так как будто в нем было килограммов сто двадцать (об этом она могла судить довольно точно, так как в ней самой было немногим меньше), а когда он прижимал к себе сидящих рядом с ним девушек, у тех едва ли не трещали кости. Его взгляд вызывал внутри неё настоящий шторм эмоций — ей одновременно хотелось и бежать и оставаться рядом с ним. Он одновременно казался и сопливым мальчишкой и умудренным старцем — весь её опыт говорил ей что с этим “школьником” всё очень непросто.

Между тем парень продолжил: “Вы сами вольны набирать сотрудников в рамках выделенного вам финансирования. Касательно же “солдат”, во втором приложении приведены общие требования к их отбору...”

Ребекка быстро пролистала содержимое папки.

— Но это же список диагнозов..., — неуверенно начала она.

— Понимаю ваши опасения насчёт работы с подобными “кадрами”, — согласно кивнул подросток, — но территориально ваша база подготовки будет расположена за границами соединенных штатов, вообще это будет корабль находящийся в нейтральных водах, так что методы подготовки солдат могут и должны, он выделил голосом последнее слово, быть “любыми”.

— Сэр, — автоматически обратилась к нему как к старшему по званию, — я, конечно, работала со сложным контингентом, но в списке требований к кандидатам, в том числе имеется и “параноидальная шизофрения”, боюсь никакие, в том числе и крайне жёсткие меры не позволят добиться от них какого-либо действующего результата...

— В этом вам поможет ваш технический помощник, — лениво махнул рукой парень показывая что разговор ему наскучил, — он уже ждёт вас на базе. Отправляйтесь туда, входите в курс дела и начинайте набор бойцов и тренировки — на всё про всё у вас ровно месяц. Исполнять!

— Так точно сэр! — её словно пружиной подбросило с дивана, — приступаю к исполнению!

В голове у неё словно потянуло сквозняком и она печатая шаг вышла из кабинета думая только о том что первым делом надо найти себе заместителей — объехать все крупные тюрьмы и психиатрические лечебницы в штатах дело не для одного человека. Хорошо хоть она поддерживала связь со своими братьями из гетто.

Семён Викторович Жук выйдя из вагона поезда, на котором он прибыл в город к месту своего пребывания, сразу направился в управление — первым делом следовало доложить руководству. И хоть он шёл сквозь толпу суетящихся людей с каменным выражением лица, как и положено лейтенанту государственной безопасности, но мысли его были не так уж и спокойны. Его явно сослали, старый чёрт в кресле начальника не любит адекватных и

разумных людей, ему бы махать шашкой и с гиканьем набрасываться на противника. А Семён не настолько туп, чтобы подставлять свою голову под пули.

Конечно, в отместку его сослали куда-то в попу мира, в заштатный городок, но если подумать то и здесь можно сделать карьеру — достаточно нескольких успешных, достаточно громких дел и н снова на коне, а старперы посрамлены. Ведь, как известно, не бывает невиновных людей, бывают только недоработки соответствующих служб.

В отделе, начальник безэмоционально принял его доклад, позволив себе только вопросительно поднять бровь прочитав предписание на выполнение служебного задания — наверное он не ожидал увидеть офицера первого управления в городе в глубине территории союза.

— Ну что же коль вас прислали, к нам значит есть работа по вашему профилю, — напутствовал его начальник, — но всё же попрошу ставить нас в известность о своих планах если дело будет касаться силовых операций, всё-таки и наши сотрудники занимаются “на земле”.

— Я обязательно это учту, — согласно кивнул лейтенант прежде чем выйти из кабинета. Но внутри он буквально кипел от переполнявшей его злобы — какой-то местечковый прыщ в тёплом кресле “просит” докладывать ему о его изысканиях. Это немыслимая наглость! Деятельность сотрудника касается только его непосредственного руководства и никого больше. Хотя конечно местные могут устроить ему веселую жизнь, как минимум поселить в какомнибудь клоповнике или гадюшнике.

Но к удивлению Семёна выделенная ему служебная квартира была довольно опрятной и даже двухкомнатной. А вещевое довольствие было представлено хорошими чехословацкими вещами, так что пока придраться было не к чему. Но Семён не расслаблялся — возможно местные просто усыпляют его бдительность.

За несколько дней проведённых в управлении ион перечитал кучу личных карточек на граждан имеющих формы допуска (в самом городе и почти всех соседних располагались “почтовые ящики” так что почти все сотрудники городского управления служили или в двойке, или в пятке), записывая в спецблокнот имеющих в деле “птичек”.

Также тут он встретил своего товарища Симохина Мишу. С ним кстати у него вышел интересный разговор когда они встретились после работы в пивной за кружечкой пенного напитка.

— Как у вас тут дела с врагами системы? — поинтересовался Семён прихлебывая из кружки “жигулёвское”, после того как они обсудили всех девушек из секретного архива.

— Да в принципе всё глухо, — стреляя глазами из-за пенной шапки ответил Михаил, — алкаши из мерзких забегаловок рассказывают нелепые слухи, да школьники переиначивают старые анекдоты меня чапаева на дорогого Владимира Ильича.

— Не развернуться по вашей теме, да? — усмехнулся командированный.

— По нашей, то как раз всё в порядке, — вернул ему ухмылку Симохин, — всех болтунов и шутников мы сразу берем к ногтю и после этого они начинают болтать и шутить исключительно там где это надо, рассказывая на бумаге кто ещё чего говорил, как смеялся и какие ещё анекдоты и истории сообщал.

— Фигня какая-то, — пожал плечами Жук, — чтобы не говорили сейчас не тридцать седьмой так что никакого полезного выхлопа от этого нет. Только что будешь в курсе последних сплетен, да свежих анекдотов.

— Да вот не всегда, не буду говорить, про школьников, у меня тут один интересный

проект по этой теме идёт, но вот сплетни бывают очень полезными. Вот например, по последней аналитической рассылке, в нашем регионе наблюдается начала движения так называемых “информатиков”.

— Это что за звери? — вяло поинтересовался лейтенант.

— Любители электроники...

— Ещё одни слушатели “голоса америки”?

— Да нет, — поморщился от того что его перебили мужчина, — эти делают некие персональные ЭВМ и звонят с их помощью друг дружке по телефонным линиям.

— Какие ещё “персональные” ЭВМ? ЭВМ, это же сто — сто пятьдесят квадратных метров площади и человек двадцать обслуживающего персонала?

— Да вот нашлась группа инженеров, что спроектировала машинку на основе пары калькуляторов, магнитофона и прочего электронного хлама и вдобавок ко всему распространила эти схемы среди таких же поехавших на почве переделки бытовых приборов.

— Ну это тот же анекдот — кучка сумасшедших сделала ЭВМ из калькулятора и считают расход туалетной бумаги на перфокартах из неё же.

— Ну перфокарты они не используют, вместо этого у них что-то вроде однократно записываемых матриц из графита и липкой ленты, а на машинах они играют в какие-то игры, пишут друг дружке письма и вроде даже распространяют книги.

— Всё равно звучит как бред, ну какие письма на единичных индикаторах калькулятора, а уж тем более книги...

— ЭВМ у этих энтузиастов подключены к телевизору и на его экране и происходит всё взаимодействие...

— Надо будет прочитать эту аналитику, — заинтересовался Жук. Про себя он отметил что возможно эта информация довольно перспективная. Если ей плотно заняться, то можно раскрутить этих радиолюбителей на госизмену — всё-таки такие технологии это не гражданский уровень, а значит инженеры придумавшие устройство работают в каком-либо “почтовом ящике”. И коль они свободно распространяют схемы и инструкции по сборке, то можно попробовать натянуть “разглашение гос тайны”.

Еще один интересный разговор состоялся с одним лейтенантом милиции, от него он узнал о странном шевелении среди комсомольцев. Вообще казалась у него наступила так называемая “белая полоса”. После того как он уехал фактически в ссылку, дела резко пошли в гору — выделили неплохую квартиру, поставили на нормальное обеспечение, встретил старого знакомого, молодая жена, пошущукавшись с жёнами некоторых сотрудников имевших опыт заграникомандировок начала радовать по ночам необычными “фокусами” (конечно, он сначала строго спросил откуда она этого набралась, но получив в ответ что “советский сотрудник особого отдела должен быть устойчив к проискам агентов мирового империализма и обучен давать им отпор”, согласился и с головой погрузился в выработку стратегии устойчивости и давания отпора). Жук познакомился с этим забавным лейтенантом на “рыбалке” (конечно он не сидел как цапля в кустах на радость комарам и слепням всей округе, а заводил со случайными людьми пространные разговоры о жизни, потихоньку переводя тему на руководство партии, немного поругивая её), как то раз в автобусе он кивнув одному из пассажиров довольно нахально выглядящему, взглядом указал на строящийся корпус машиностроительного завода и негромко сказал: “опять они воен пром развивают, лучше бы как “там” колбас фабрики строили, чтобы в магазине кроме “чесночной” и “докторской” что-нибудь ещё было”. Парень тут же ухватил его за рукав и

сказал что проводит в отделение, показав украдкой корочку. Но стоило им выйти из автобуса как Жук предъявил уже свой удостоверение. Из-за этого забавного эпизода они и разговорились.

Сегодня начальник участка с самого утра был готов к неприятностям — жена, молча проводила его на работу, не сказав ни слова, обычно так бывало перед бурей, значит вечером после того как дети уснут его ждёт тяжёлый разговор, вот только он никак не мог взять в только что же он такого сделал. Неужели это из-за того что он отдал соседке ту уродливую вазу что подарила им на свадьбу тёща? Но ведь ваза была по-настоящему уродливой, хоть и из кемеровского стекла. На работе тоже всё было не просто. Утром на планерке главный мастер сообщил что к нему на участок приезжают на практику комсомольцы из другого города по распределению. Этому ему только не хватало — опять приедут какие-нибудь бездельники и алкоголики.

Но к его удивлению, группа молодых ребят, стройно вошедших в ворота цеха, совсем не походили на разгильдяев или, становящихся популярными в последнее время, хипарей. Во время краткой экскурсии, что он им устроил они были предельно внимательны и собраны — задавали дельные вопросы и пытались вникнуть в суть работы участка.

Участок у него был не самый простой — сварка термопар. Помимо того что приходилось работать с довольно капризными металлами, так ещё и требовалось осуществлять множество рутинных операций по сборке, склейке корпусов, немного слесарить детали как всегда поставляемые токарным участком на пределе допусков (а то и за пределами, когда хитрым станочникам удавалось наегорить ОТК).

После обзорной экскурсии как раз наступило время обеда и он отправил их в столовую, то смог немного выдохнуть — теперь есть пара часов немного отдохнуть от всей этой суеты. Но толком покомарить в своей каморке ему не дали — из цеха шёл какой-то шум, как будто там кто-то возится с печами для запекания корпусов и прессами для установки оправок.

Спустившись из бытового корпуса на участок он был шокирован открывшимся видом — практиканты встав к оборудованию и обложившись инструкциями, методиками и техпроцессами (ведь он сам показал где хранятся все рабочие копии документации), всю осваивали технологию. Подойдя к ним он хотел было решительно остановить их — вдруг сломают последнее живое оборудование, но не успел и рта раскрыть как был завален ворохом вопросов по оборудованию, на которые сам неожиданно для себя начал отвечать.

Когда после послеобеденного отдыха на участок потянулись рабочие они были поражены как практиканты ловко делают работу — у ребят буквально всё горело в руках.

Все последующие дни для нач. участка слились в какой-то непрерывный калейдоскоп событий. Ребята мало того что не пили и курили, так они ещё и не бездельничали, и не пили чай во время “регламентированного перерыва” а только осваивали оборудование. Когда они досконально изучили все установки и приспособления (пару раз как следует их обслужив оставшись после смены), они нашли на шихтовом дворе несколько сломанных установок сварки-сборки термопар, починили их (задействовав другие участки и даже лично скатившись в соседний город на завод смежник за запчастями которые выбили невероятным способом через городской комитет комсомола) и организовали вторую линию сборки.

Это было невероятно, но за две недели практики участок выполнил полугодовой план по производству, получил переходящий вымпел “отличник качества”, кубок за ударный труд, а фотографию коллектива повесили на заводскую доску почёта.

Конечно, не обошлось и без скандалов — рабочие увидев как рьяно молодежь взялась за

дело сначала начали ворчать, а потом и вовсе вызывали их на разговор, ведь с такой выработкой план и нормы, несомненно, увеличат, а этого никто не хотел, иначе придётся на работе напрягаться. Но молодёжь и тут смогла удивить — без криков и ругани они просто пошли к главному инженеру и вместе с ним и нормировщиками сделали снимок рабочего дня рабочего из “стариков” и одного “комсомольца”, не сильно опережая “старичка” в числе сделанных шагов и циклах “присел — взял деталь — установил в установку — снял — пошел, положил в ящик с готовыми изделиями” они смогли увеличить производительность труда практически вдвое, всего лишь использовав несколько подставок под ящики к которым раньше надо было наклоняться, поставив пару стульев, там где можно было сидеть во время смежных операций и прочих мелочей. А когда они показали главному инженеру схему новой расстановки установок и оборудования, которая позволит сократить маршруты при перемещениях по цеху, что позволит выиграть ещё тридцать процентов увеличения производительности, схему изменения освещения и график пауз для полутора минутного отдыха на каждые сорок минут работы вместо двух получасовых перерывов на смену и трёх пятнадцати минутных обеда, вместо одного часового, что позволит ещё поднять производительность на сорок процентов, то главный инженер, впечатленный этим вообще начал говорить о ленинской премии. При всём при этом у ребят были не голословные утверждения, а четкий математический расчёт с графиками, диаграммами и прочими доказательствами.

И действительно только начав внедрять нововведения (перенос установок в цехе процесс небыстрый и непростой) только за счет перераспределения времени труда и отдыха, производительность выросла и у “старичков”. Правда только у тех кто действительно работал по новой временной карте, а не как и раньше постоянно останавливаясь на перекуры и поболтать с проходящим мимо приятелем.

Комсомольца пробовали гонять таких работников, но в основном это были старые и заслуженные кадры, которые плевать хотели на молодёжь и все их рекомендации и наведения. Но ребята не отчаивались и пообещали что когда вернуться заменят плохих работников на установки с программным управлением и тогда один ответственный человек работая даже из своей квартиры по проводной связи сможет делать всю работу участка. Старички только посмеялись над этими рассказами, но нач. участка глядя в горящие глаза молодёжи почему-то поверил им и после того как поезд увозящий практикантов скрылся за пределами вокзала, пошел напрямик в библиотеку — в руке у него был листок со списком необходимой литературы. Будет очень неплохо, когда начнут внедрять новое оборудование он будет в курсе и численных методов в экономике и программировании на языках высокого уровня и прочих дисциплинах. Возможно именно это поможет именно ему быть тем специалистом что лежа на диване будет управлять отрядом производственных роботов.

В библиотеке с похожими листочками он к своему удивлению увидел ещё несколько работников из цеха, похоже не ему одному в душу запали слова ребят о наступлении новых времен. Встретившись они обменялись понимающими взглядами и разошлись каждый со своей стопкой книжек.

— Опять у вас Олег Евгеньевич ерунда в техпроцессе написана — идите переделывайте.
— Почему вы против того, чтобы делать хорошо?

— Это ваше “хорошо” ни имеет никакого отношения к реальности, ну кому скажите, сдался этот ваш “металлик”? И вообще что за панибратский тон? Я, простите, старше вас два раза, и не приемлю подобного обращения!

— Вы ведь наверняка видели те письма, что присылают в отдел работы с потребителями, большая часть из них, в которых речь заходит о краске как раз и касается “металлика”.

— Всё это капля в море и не стоит даже рассмотрения!

— Но...

— Никаких, но! Идите и переделывайте!

Из кабинета ведущего технолога Олег вышел весь внутренне кипя. После того как он побывал на последнем комсомольском съезде, где присутствовали товарищи из соседнего региона рассказывают об общей комсомольской инициативе по изменению отношения к работе, он вместе с товарищами решил попробовать воплотить в жизнь это начинание на своём предприятии. Но буквально с первых шагов дело застопорилось — заслуженные работники сидящие на руководящих должностях ни в какую не хотели принимать нововведения. У них была одна единственная песня — двадцать лет делали одно и то же, так и будем продолжать, а то что людям нужны новые решения, им плевать.

Конечно, Советский Союз впереди планеты всей в области постройки космических кораблей и танков, но вот автомобили это больная тема. Хотя это и предмет роскоши, но ничего роскошного в выпускаемой их предприятием продукции нет. По сравнению с зарубежными аналогами они находятся далеко в хвосте всей мировой автомобильной индустрии. Бесспорно, машины граждане союза расхватывают как горячие пирожки и даже стоят в многолетних очередях, но это от отсутствия альтернативы, и исключительно медленной работы конвейера на котором восемьдесят процентов операций, выполняется людьми, в отличие от тех же штатов где в детройте автомобильной столице мир те же восемьдесят процентов выполняют промышленные роботы. Нельзя сказать что на их предприятии не было этих самых роботов, они были от только они пылились в самом дальнем закутке так и не встав в строй. Ещё бы ведь это бы потребовало не только изменения тех процессов, но и “о ужас!”, изменения конструкции кузова. А на это ни один из руководителей не мог решиться. Ведь тогда потребовалось бы ехать на согласование в Москву и защищать конструкцию перед ведомственной комиссией, в которой сидят такие же динозавры, которым ничего не надо, только бы никто не баламутил их болото.

Проигрывая про себя разгромные диалоги, которые он мог бы высказать в лицо всем начальникам попадись они ему, он дошёл до курилки и только там стрельнув у кого-то папиросу и сделав пару затяжек горьким дымом немного отошёл от состоявшегося разговора.

Немного успокоив нервы он оглянулся и заметил невеселого товарища из конструкторского бюро, тоже молодого комсомольца грезящего нормальными автомобилями. Он вместе с ним был на той молодежной конференции, так что они были шапочно знакомы. Вроде бы его звали Григорий.

— Что такой невесёлый? — обратился к нему Гриша.

— Только что от ведущего технолога, зарубил мне идею красит машины в металлик.

— Ха! О краске он задумался, а то что кузова начинают гнить уже через пять лет, тебя не смущает? — насмешливым тоном спросил он.

— Мы ведь проводили исследование, — пожал плечами Олег, — это электро коррозия

кузова, из-за того что масса сидит на корпусе. Эти вопросы ты, пожалуйста, задавай в отдел электрооборудования. Мой вопрос это окраска кузова.

— Не хочет значит “металлик”?

— Не хочет, ни “металлик”, ни нормальный лак, ни двукратное нанесение грунта, ни даже полимерное покрытие днища...

— А что там с днищем?

— Так, чтобы ни пороги ни поддомкратники не гнили всё дно машины надо покрывать напыляемым полимером в несколько слоёв с переменной плотностью...

— Хитро...

— Да не очень, технология то давно разработана, вот только внедрять никто из руководства не хочет.

— Ну им до пенсии уже не далеко, а там глядишь что-нибудь и изменится.

— Да что там может измениться у них у всех замы такие же, в рот постоянно заглядывают, боятся за своё тепленькое местечко...

— Ну тут уж ничего не попишешь, — развёл руками Григорий, — нам остаётся только молчать в тряпочку и сопровождать морально устаревшее железо. Хотя у нас в отделе лежат чертежи и автоматической коробки передач и турбины на двигатель чтобы с этого же объёма снимать не семьдесят две полудохлых лошади, а все сто двадцать, а то и сто сорок. Уверен и у ребят, что салоном занимаются какие-нибудь наработки есть.

— Да вот если бы начать всё это внедрять, не машина бы получилась, а мечта, — потянул Олег.

— Мечта, — согласился Григорий, — вот только бы, прости за выражение, навоза наелись бы — на всю жизнь вперёд, от детских болезней никуда не деться, да и при эксплуатации куча бы нюансов повылезала.

— Хм..., — задумался Олег, — я тут недавно связывался со своим однокашником, он по распределению попал на другое предприятие в соседнем регионе, так вот он рассказывал что у них пионеры из какого то школьного радиокружка придумали домашнюю миниЭВМ, на которой считают матмодели по прочности и аэродинамичности.

— Что-то слишком круто для пионеров, — усомнился молодой человек, — такие вещи тяжело считать на ЕС-ах и СМ-ах, а тут самодельная мини ЭВМ, которая наверное даже примитивнее АГАТа.

— Ну я не совсем в курсе, но у них там сразу несколько почтовых ящиков, так что думаю не обошлось без помощи кого-то из родителей.

— Всё равно не верю

— Ну хочешь я тебе его адрес дам, напишешь — уточнишь. Представляешь если действительно модно на машине делать прочностные расчёты — тогда изменение кузова будет не сложнее чем диаметр болта поменять.

— Ладно я напишу твоему товарищу, а вот насчёт того что есть куча улучшений, так у меня наметилась идея одна. Приходи ко мне после работы, ещё пара товарищей придёт — обсудим как бы нам действительно дела на заводе наладить.

— Ерохин — Ерохин, ну что мне с тобой делать?

— Ну, это, гражданин, начальник... может того?

— Чего “того”? — вопросительно изогнул бровь, краснолицый мужчина в немного мятой милицейской форме, уже начавшей протираться на локтях и обшлагах рукавов.

— Простить и отпустить, — жалобно заглядывая в глаза милиционеру произнёс невысокий, немного плешивый мужчина в поношенном пиджаке явно с чужого плеча

— простить и отпустить? — потянул милиционер, — вот тут ты не угадал. Ты ведь не у соседа своего украд, ты у государства кражу совершил.

— Как у государства? — вытаращил на него глаза, Ерохин, — я ведь эти кирпичи в лесу нашёл...

— Нашёл ты их может быть и в лесу, вот только их туда привезли для строительства важного народного объекта, — припечатал его краснолицый, шуря и без того маленькие глаза.

— Значит я теперь вор... — спрятал лицо в ладони Ерохин, — и что же теперь со мной будет?

— Дадут тебе лет двадцать пять, если прокурор в хорошем настроении будет, и поедешь в сибирь лес валить...

— Да ну? — неверяще уставился на него мужчина.

— Вот тебе и ну! — поднял палец вверх милиционер, — правда есть конечно один вариант...

— Какой такой вариант? — выжидательно посмотрел на него мужчина.

— Подпишешь пару бумажек и домой пойдёшь...

— Домой? А как же кирпичи?

— Кирпичи кирпичами, пожал плечами красномордый, — пока по поводу их пропажи никто не обращался...

На самом деле он кривил душой, та куча кирпичного боя около которой он и задержал Ерохина, была явно никому не нужна и была скорее свалкой, чем подготовленным к использованию стройматериалом. Но он просто не мог не покуражиться над этим низеньким и плешивым человеком. Впрочем, их разговор привёл к довольно неплохим результатам — если удастся раскрутить этого неудачника то можно не только списать пару висяков, но и “раскрыть” какое-нибудь громкое дело.

— В общем сделаем так, ты сейчас расписываешься вот в этих бумагах, — он достал из сейфа в углу кабинета, несколько серых картонных папок с завязками, и идешь домой, а когда я тебя вызову придешь куда скажу. Всё понял?

— А за что расписаться то надо?

— Ты давай не умничай, а расписывайся! — милиционер проследил чтобы мужчина, поставил в нужных местах кривоватую закорючку “Ерох”, и фамилию с инициалами.

Убедившись что каждый лист подписан, он быстро убрал папку обратно в сейф и вызвал дежурного чтобы тот вывел мужчину из отделения. На сегодня пожалуй все дела закончены, можно и немного отдохнуть и отметить удачное закрытие пары дел. Глупый ерохин только что подписался под кражей мотоцикла и согласии на работу “секретным сотрудником” с позывным “плешь”. Об этом ему знать не следовало, а то что за предоставление сведений положено вознаграждение это очень неплохо. Лейтенант тут же заполнил листок “донесения из оперативного источника”, сходил и завизировал его к начальника и получив причитающееся в бухгалтерии, поспешил покинуть участок — надо было ещё зайти домой переодеться и можно будет попить пива с раками. В пивную на углу должны были завезти свежих раков, а курилке в отделении вроде болтали об этом.

В пивной действительно были свежие раки и не сильно кислое пиво. Во всяком случае тётка разливающая по кружкам пенный напиток была незнакомой и поэтому ему не удалось намекнуть ей что сотруднику органов внутренних дел положено всё только лучшее.

Помимо напитков и закуски в пивной он обнаружил и своего случайного знакомого — сотрудника КГБ, с которым познакомился пытаясь арестовать за политический анекдот. Подсев к нему он предложил скооперироваться в плане расследования громкого дела.

— У меня тут один вариант наметился, — тихо сообщил он своему собеседнику, после пары совместно распитых кружек пива, — человек один имеется, на заводе секретном работает. Сам человек дрянь и плесень, да и работает там грузчиком-уборщиком, но если правильно использовать то можно с него поиметь...

— Да и что с такого поимеешь? — вяло поинтересовался мужчина с невыразительным лицом

— Ну например дело о шпионаже в пользу америки, хищении секретных изделий и террористической деятельности...

— Хм, — сразу же заинтересовался КГБшник, — если он сначала кое-что пронесёт на завод, а затем вынесет что-нибудь из особого списка, то может получиться очень гладко...

— Главное чтоб дело не отдали куда-нибудь наверх, а то он быстро расколется...

— Ни один шпион и диверсант не сможет расколется после того как его задержат тремя выстрелами в упор.

— Не слишком ли круто? — немного напрягся милиционер.

— С врагами у нас разговор короткий, — решительно рубанул ладонью перед собой ответил лейтенант.

— Верно...

Спустя пару дней.

— Всё понял? — ещё раз переспросил постоянно вытирающий лицо замызганным платком, милиционер, — пронесёшь этот свёрток себе на склад, а в обед вынесешь то что будет лежать в ящике с маркировкой “Л923”.

— Но ведь охрана и там пломбы..., — жалобно стал лепетать мужчина.

— Я тебе сказал, это проверка их бдительности! — как можно увереннее проговорил ему милиционер, — все кому положено в курсе, вот тут и сотрудник соответствующих служб есть, — он жестом указал на стоящего поблизости Семёна.

— Тогда я пошёл?

— Иди давай!

Когда тщедушная фигура Ерохина скрылась за дверями проходной, красномордый позволили себе немного выдохнуть — первая часть плана вроде прошла удачно. Им удалось запугать этого никчёмного человечешку, и теперь он должен сделать всё как они его научили, и тогда на них прольется золотой дождь.

Можно было уже уйти, так как до обеда ждать пришлось бы ещё несколько часов, как в дверях проходной показался Ерохин. Он решительно подошёл к удивленным подельникам и протянув им сверток в котором был муляж взрывпакета, решительно сказал: “арестовывайте меня, но больше закон я нарушать не буду!”.

— Ты что сума сошёл? — грозно зашипел на него лейтенант, — ты что на зону захотел?

— Пусть зона, но против родного предприятия я ничего делать не буду!

— Это проверка бдительности караула, — напряженным голосом сообщил подошедший к ним мужчина в ладно сидящем на нём костюме.

— Почему тогда зам по режиму об этом ничего не знает?

— Какой зам?

— Я позвонил с проходной в отдел внутриобъектового режима и всё рассказал...

— Ой дурак..., — протянул милиционер, видя как к ним направляется несколько вышедших из проходной и по виду решительно настроенных мужчин.

Сидя на кухне вместе с родителями реципиента, я делал вид, что полностью погружен в изучение математики лежащий передо мной. Мать конечно немного для порядка поворчала что учиться надо за рабочим столом, а не за кухонным, но быстро переключилась на другие дела, тем более что отец тоже читал, только газету.

Отец читая статью на развороте листа комментировал написанное: “Ситуация на румыно-югославской границе остаётся напряженной, но стабильной. Несмотря на постоянные провокации со стороны капиталистических наймитов называющих себя Армией Освобождения Югославии, советские воины находящиеся на границе по приглашению румынского правительства, чётко исполняют свой интернациональный долг”.

— Вот только послушай что пишут, — обратился он к матери, — и на кого это рассчитано?

— А что тут не так? удивилась она протирая тряпкой стол.

— Всё не так! Давно все знают что там идут бои. Ночью, даже через нашу станцию, идут эшелоны с техникой, а резервистов вместо того чтобы потихоньку собирать повестками для проведения очередных учений, забирают чуть ли не под конвоем и везут в полевые лагеря где они заново проходят КМБ.

— Да враки всё это, отмахнулась она, — вот соседка тётя Маша рассказывала что нет никакой войны — никто не рискнет связываться с союзом, все слишком хорошо помнят опыт Великой Отечественной.

— Это твоя тётя Маша помнит опыт войны, у неё и отец и пятеро дядек погибли. А там за океаном наверняка не против повторить.

— Всё равно глупости, начнись война так постоянно были бы новости с фронта. А в газетах и по новостям только и говорят что обстановка стабильная.

— Как раз таки это и доказывает что война идёт и идёт в не самом хорошем для нас ключе. Небось такая же петрушка, как и в афганистане — влезли не понятно во что, столько ребят в цинки закатали на чужой земле и ничего в итоге не получили. Скорее всего в этой югославии стреляют наших мальчишек как куропаток, поэтому члены из политбюро и зашевелились, начали технику и резервистов накапливать, чтобы одним ударом, словно кулаком разить силы этих сепаратистов.

— Ну так наверное и надо..., — неуверенно пожала плечами женщина.

— Так ведь “там” тоже не дураки сидят, как бы наши ребята кровью не умылись...

— Прекрати, — прикрикнула она, и показала глазами не меня, — иди вообще в комнату.

Я сделал вид, что не слышал этого разговора, но услышанное меня довольно напрягло. Почему-то я был уверен, что пламя далёкой войны вполне может перерасти в мировой пожар, если я ничего не предприму. Но первые шаги чтобы, пламя войны не сжигало всё дотла, а крутило турбину прогресса я уже начал делать. Вот только война очень полезна для прогресса, но крайне вреден для обычных людей, а мне хотелось бы чтобы хорошо было не только некому абстрактному “прогрессивному сообществу”, но и простым советским людям. Правда для этого надо было победить одного довольно сильного противника — “дефицит”.

Откуда растут у него ноги, я выяснил. Подключаясь к нейропространствам различных людей я наткнулся, в том числе и на руководителей разных уровней (правда небольших), из

образов в их сознании я вытащил понятие “план”, “разнарядка” и “государственный заказ”. Для меня правда было категорически непонятным, почему при технической возможности, наличии материалов и рабочих ресурсов, на предприятиях всё равно не производились товары народного потребления в достаточном количестве.

Я попытался решить эту проблему, закрыв некоторые острые потребности населения этого города задействовав школьников в мелко серийном производстве в гаражах и мастерских и некоторую часть рабочих остающихся на сверхурочную работу, но всё равно полностью проблему это не решало. Смешно сказать — туалетная бумага расходовалась очень экономно, и при любом удобном случае вообще заменялась на прочитанные газеты и журналы. И это несмотря на то, что пионеры регулярно собирали, эту макулатуру и отправляли её на переработку. Вот только переработанной она уже не возвращались в город. Тут хоть не строй собственный миниатюрно целлюлозно-бумажный комбинат. Хотя конечно проблемы и это не решит, а разрешит её только глобальные изменения.

Так что на следующий день я пришёл в радиокружок и отведя в сторонку нескольких наиболее перспективных ребят, по совместительству являющихся наиболее преданными моими сторонниками задал им новую задачу.

— Ребята, — обратился я к ним с самым серьёзным лицом на которое был способен (как оказалось почти все местные демонстрируют отличную реакцию на внешние проявления — стоит только принять властный вид, как вероятность успеха при постановке задачи сразу же вырастала), — в интересах партии и всего трудового народа нам предстоит решить важнейшую задачу!

— Ещё одну? — широко распахнул глаза Витя Перестукин, — но ведь мы уже занимаемся работой над темой комплекса огневой поддержки пехоты...

— Эта задача была дана вам для черновой проработки, дальше её займётся другой кружок, — строго ответил ему, — всё равно она для вас не профильная.

— Как это не профильная, — он удивлённо поднял брови, — мобильная quadro педальная платформа...

— Вам надо было только сделать математический расчёт усилий и нагрузок, а также разработать алгоритмы движений приводов. А вы уже полезли в механику. Так что теперь надо подумать над системой государственного планирования.

— ГосПлан? — поражённо зашептались ребята.

— Да, — согласно кивнул я, — десятая пятилетка заканчивается и скоро будет принята одиннадцатая, так что вам надо разработать математическую модель системы динамического регулирования спроса-потребления.

— Это невозможно, — категорически замотал головой Перестукин.

— Витя, ты большевик? — вкрадчиво спросил у него.

— Да... — неуверенно потянул он с подозрением смотря на меня

— Нет таких крепостей которые не взяли бы большевики, — важно заявил я, — ты главное начни думать, а там может тебе во сне и идеи какие придут в голову.

— Я разве Менделеев, — засмеялся школьник.

— Ну, Менделеев, не Менделеев, а подумать надо. Вы все ребята подумайте над этой темой. Я вас не тороплю, дня два — три у вас есть.

Глядя на расходящихся ребят, я думал что задачу я задал им довольно крутую, но решаемую. Ведь действительно нет нерешаемых задач, есть только ограничение по времени и способности человеческого мозга обрабатывать информационные массивы. И если со

временем я ничем помочь не могу, то вот с обработкой вполне — коллективное нейрооблако ведь является не только определителем настроений и резервуаром идей, но и неплохой средой обработки значительных массивов информации. И мало того в этом месте можно не только что-то спланировать, но и сразу запустить симуляцию созданного процесса, формулы или устройства. Всё это благодаря такому странному явлению как “воображение”. Именно благодаря этому свойству нейросопростраства местных мне и удавалось реализовывать все свои безумные технические проекты — их обкатка и опробование проходили в виртуальном режиме и все “узкие” места и “детские” болезни (вернее не все, а только те которые можно было представить) исправлялись на этапе проектирования.

В эту же ночь активировав нейроусилитель я подключился к сознанию своего одноклассника (благодаря ранее выставленным меткам и нескольким успешным внушениям это выходило легко и непринужденно) и принялся искать в нём заброшенную днём идею.

Идея о разработке формулы учитывающей все происходящие в стране процессы, изменение потребительского спроса и влияние социальных трендов была у него в голове почему-то в области, где хранилась информация о неких “трёх мушкетёрах”, “Капитане Немо” и Василии Ивановиче Чапаеве. Не знаю что было общего у всех этих людей, но мысли о формуле я передвинул в более активный участок сознания, втиснув между потребностями в пищу и сне — пусть парень старается. Моё влияние, благодаря проведённым ранее процедурам, было довольно велико так что он взялся за заданную ему задачу и даже взял в библиотеке первый том местного светила экономики Карла Маркса Капитал. Вот только объём информации в этом сочинении довольно большой, так что парень никак не успеет всё как следует изучить. Хотя его стремление похвально. Благо я уже наткнулся на эту информацию в нейропространствах других людей, да и как это бывает с популярными идеями она уже была загружена в коллективное нейропространство, так что я просто установил связь между пространством Перестукина и коллективным нейрооблаком, вернее той его части, где располагалась информация об экономической теории. Заодно осуществил соединение этого пространства с сознаниями нескольких найденных ранее бухгалтеров и экономистов. Думаю Перестукинку будет полезен их опыт при работе над формулой.

Коль я уже задействовал на полную мощность своё сознание и нейроусилитель (за что уже завтра меня ждёт жестокая расплата в виде чудовищной мигрени), то решил за одно пора поработать над некоторыми темами.

Одной из этих тем была чудовищная разобщенности этого общества. Хотя все вокруг и твердили о дружбе народов, братстве республик и сплоченности трудовых коллективов, на самом деле это было не так. Стоило мне прикоснуться к нейрооблаку любого прохожего как на меня тут же вываливалась куча негатива по отношению к соседям, сослуживцам, некоторым родственниками и другим людям.

Всё это конечно не дело — невозможно построить никакого нормального дела если с пренебрежением относиться к другим членам команды. Хотя, по правде, такие настроения были не у всех. Некоторые из тех к кому я подключался демонстрировали искренний позитив, неумное желание работать, и потрясающую дружелюбность. Вот только таких людей было довольно мало. Вернее они были крайне редки. Об этом говорило, то что на весь город (а я благодаря нейроусилителю мог охватить практически весь населённый пункт, а в случае благоприятных погодных условий для прохождения радиосигналов и часть района) таких людей было чуть меньше десяти. И именно на них решил сделать свою ставку, так как судя по получаемой мною информации опереться на местную политическую элиту у меня не

выйдет. Пока сколько я не сканировал сознания у парторгов и комсorghов видел только жажду наживы, себялюбие, стяжательство и карьеризм. Даже Алина к которой я пролез в замы, несмотря на то что являлась в сущности не таким уж и плохим человеком, как только дело заходило о карьере, была готова идти по головам и даже совершать такие поступки которые точно не совместимы с кодексом комсомольца. Хотя думаю мне удастся это исправить и на основе опыта по превращению её в идеального работника административного аппарата.

Ну а пока центрами притяжения пусть станут именно те активные люди, тем более все сколько их я изучал они работали на низовых должностях — похоже их положительные качества как людей и работников (честность, порядочность, желание “подставить плечо”) полностью нивелировали, а то и даже вредили их возможности карьерного роста. Так что быстро найдя их по выставленным ранее нейрометкам я сформировал у них связи сознания со всеми коллегами и товарищами, причём настроив ранг связи так, чтобы именно ведущим в получившейся ячейке сознаний был нейрослепок нужного мне человека.

На эту работу у меня ушёл остаток ночи, так что когда прозвенел будильник я, встал с кровати совершенно разбитым. Едва шевеля руками снял с себя нейроусилитель поплелся в ванную, будем надеяться сегодня не произойдет ничего что требовало бы срочного нейровмешательства — потому что сегодня (да наверное ещё и пару дней) я не начто не способен.

— Михалыч, мать твою, что это за херня?

— Это не херня, а страховочный пояс!

— Ты белены объелся? Или тебя Кузьмич покусал? На кой тебе этот пояс, всё равно там на верхотуре прицепится некуда...

— Вот до последней анкерной точки дойду и буду там работать...

— Что ты там будешь работать? Варить надо на десять метров выше?

— Ровно то что написано в сменном задании!

— Ты тут давай не борзей, а иди работай! А то нас всех главный инженер вздрючит!

— А детей моих кто кормить будет? Ты или главный инженер? Вот обеспечите нормальные условия труда, тогда и работать начнём...

— Да чёрт с тобой! Петров, тогда ты иди на отметку пятнадцать...

— А Михалыч дело говорит, — глядя исподлобья я на бригадира, ответил Петров, — сколько можно ТБ нарушать? А то как рассыпху срочно варить, так первая бригада, а как премии или путёвки в санаторий, так “фонды порезали” и “соц соревнование не выиграли”!

— Мужики вы чего? — опешил от такого заявления бригадир, — работать то кто будет?

— Кто за безопасность отвечает тот пусть и работает, — проговорил сухонький мужчина лет сорока на вид, — я постоянно говорил нет страховочных привязей, нормальных СИЗ, постоянно работаем без закрепления. Обеспечьте наконец нормальные условия!

Но на это заявление бригадир только махнул рукой и пошел в каморку старшего мастера. Там к его удивлению стояли почти все бригадир и пытались перекричать друг дружку. Из гомона он понял что из всех бригад к работе приступила только одна, да и то потому что на их участке недавно была комиссия и все члены бригады были обеспечены всем необходимым инструментом, оборудованием и материалами.

— Да в чем проблема, хотят работать по инструкции, пусть работают, — отвечал мастер, пусть топают на склад и получают всё что нужно.

— Так на складе нет ни черта! — ответил ему кто-то из бригадиров.

— Недавно подписывал обратную ведомость, — удивился мастер, всё в наличии.

— Это только по бумагам, а на деле одна рвань и дрянь.

— Ну значит это проблемы склада...

Когда гомонящая толпа добралась до кабинета главного инженера, он уже в общих чертах представлял себе ситуацию. Как и положено руководителю его уровня, он усадил всех за длинный стол для совещаний расположенный тут же в кабинете и дал всем высказаться по очереди. Пока бригадиры экспрессивно рассказывали что работа стоит пока рабочие оказываются приступать к заданию без соответствующей экипировки, а мастера докладывали что очковтирательство с обеспечением дошло до такой степени что нормально укомплектовать получается только одну бригаду, он напряжённо раздумывал как бы обернуть эту ситуацию так, чтобы ни в чём не замараться. Потому что быть задействованным в каком либо скандале ему категорически нельзя — со дня надень должен прийти приказ из министерства о его переводе, так что ситуацию надо спустить на тормозах.

— Так, — решительно хлопнул ладонью по столу главный инженер, — давайте прекращаем этот балаган. Складу получить необходимое снаряжение у смежников. Просите хоть на день, хоть на два, но завтра все бригады должны быть обеспечены в полном объёме. Мастерам составить график переаттестации всех рабочих, а бригадирам взять объяснительные со всех кто отказался выполнять работу указанную в сменных заданиях.

Когда озадаченные таким решением мастера и бригадиры разошлись, главный перевёл дух — на пару дней проблему он отсрочил, а как там уж выкручиваться будет сменщик, уже не его проблема.

— Чем это вы тут занимаетесь? — строгий окрик раздался в тесной, заставленной столами и высоченными, под потолок башнями из полуразобранных приборов, комнате, — рабочий день давно закончен!

— Помогаем подшефным, — отозвался один из мужчин сидящих за столом, в одной руке он держал паяльник, а в другой сигарету, пепел от которой стряхивал в стоявшую тут же емкость, когда-то бывшей цветочным горшком.

— И чем это вы им помогаете? — с подозрением спросил начальник лаборатории радиоизмерений.

— Делаем телевизионные приставки, — указал рукой на груды лежащих перед ним плат, тот же мужчина.

— Из казенных радиодеталей на казенном же оборудовании? — с сарказмом спросил начлаб.

— Из списанных деталей сломанного оборудования, неучтенных складских остатков и в своё личное время, — парировал один из техников.

— Ничего не знаю, — заявил начлаб и повернулся, чтобы дернуть рубильник общего электропитания комнаты ремонт приборов, — отправляйтесь все по домам и сделаем вид будто я ничего не видел, и впредь чтобы ерундой на работе не страдали! А то паяльники в

сейф уберу!

— Вы в Сан Саныч, не мешали людям добрыми делами заниматься, коль сами к этому равнодушны, — с угрозой в голосе сказал один из мужчин поднимаясь со своего места. Вслед за ним стали вставать и остальные и потихоньку подходить к начлабу.

Начальник тут же начал оглядывать насупленных мужчин медленно сжимающих вокруг него кольцо.

— Делайте что хотите, — выкрикнул он (голос его “дал петуха”) скрываясь за дверью комнаты, но я буду жаловаться начальству!

Переглянувшись мужчины усмехнулись и разошлись по своим местам, им предстояло ещё сделать довольно много этих забавных приборов, оказавшихся довольно полезными в быту — как минимум по меж приборной связи один из умельцев организовал текстовые трансляции футбольных матчей среди дворовых команд. Как оказалось среди обычных мальчишек были неплохие игроки и следить за их баталиями было довольно интересно.

— Понятно... Ясно... Записываю... Угу...

Заходя в управление Жук заинтересовался странным разговором дежурного. Обычно в управление не звонили, ну кроме тех сумасшедших, что хотели донести на соседей которые “американские шпионы”. По таким заявлениям всё равно обрабатывали, вот только личная карточка, а то и цело дело заводилось как раз на информатора, а не на его соседей. Так что возможно тут тоже мог возникнуть подобный контакта, а Коль Жук был человеком новым, ему бы не помешали информаторы из местных, тем более что нет ничего лучше идейного человека — ему не надо ни платить ни как либо дополнительно мотивировать, он сам пролезет в любую дыру и разнюхает всё про всех, лишь бы “поставить в известность соответствующие органы”. Ведь Семёна как раз и учили работать с подобными кадрами, так что дождавшись конца разговора он подошёл к дежурному и облокотившись о стол поинтересовался: “Что очередной сумасшедший который видел как с завода негры выносят рулоны с чертежами?”

Это в отделении была дежурная шутка которую ему рассказали в один из первых дней после прибытия. В тот раз дежурным на телефоне стоял свежееиспеченный лейтенант, практически второй день как направленный на работу. Его рабочая группа только-только формировалась вот его и поставили на телефон. Получив, вечером в выходной день, когда все уже разъехались по домам, сообщение об этом самом негре с чертежами, надо сказать завод о котором шла речь относился к “вызову 1”, недолго думая тут же ориентировал патрули ППС, позвонил в МВД на закрытие въездов в город и уже хотел было поднимать на ноги солдат из расположенной рядом В/Ч, но до него наконец добрался непосредственный начальник и пресек всю эту деятельность и начал разбираться. Правда вскоре позвонили из отдела милиции и сообщили о задержании субъекта по описанию.

Когда половина отделения приехала в ИВС по теме “молодой негра-шпиона поймал”, там было настоящее шоу. Негром оказался не молодой сотрудник завода, который до этого хорошо отдохнул на рыбалке и с утра “накушавшись” заснул на самом солнцепёке, отчего лицо у него изрядно обгорело и было искусано слепнями и оводами, так что губы сильно опухли и были ярко-красными, что на фоне коричневого лица и делало его похожим на представителя негроидной расы. А “свертками чертежей” оказалась несколько рулонов обоев, которые он забирал из камеры хранения, купив их неделей ранее в обеденный перерыв когда обои “выбрасывали” в хозмаге рядом с проходной. После этого всем дежурным заступающим на смену желали “поймать побольше негров-шпионов”.

— Да нет, — задумчиво постукивая карандашом по журналу регистрации звонков, ответил дежурный, — звонили с завода газовой аппаратуры.

— Это же не наш профиль? — удивился Жук.

— Вот я и думаю, куда адресовать заявку...

— А что у них произошло?

— Директор утверждает что рабочие организовали профсоюз и саботируют рабочий процесс.

— бред какой-то, — поднял брови Семён, — они ведь и так в профсоюзе...

— Вот только этот “профсоюз” в отличие от того что утверждён администрацией, требует соблюдения прав рабочих, отмены переработок, нормальных условий труда, нового

оборудования, пересмотра норм выработки иначе отказываются работать.

— Интересное дело..., — пробормотал Жук, но тут у него в голове сверкнула идея, — слушай, — обратился он к дежурному, — запиши что передал в группу одиннадцать дробь два, а я схожу, посмотрю что там происходит.

— Ну как хочешь, — пожал плечами мужчина за телефоном, — но всё равно вызов я передам дальше по инстанции.

— Когда он дойдёт до начальника, я уже рапорт о проведённых мероприятиях принесу, — улыбнулся Жук. Внутри он предвкушал как разберётся с этим делом и заработает несколько пунктов к своей репутации в отделе.

Прибыв на предприятие (показав на проходной удостоверение его беспрепятственно пропустили, любезно указав как добраться до директора), он немного прошелся по территории прежде чем явиться к руководству. Завод представлял собой крохотное производство из одного цеха и административного корпуса. В цеху стояли станки, какие-то опоры и леса на которых монтировали металлоконструкции. На станках мужики в робах точили детали, на лесах такие же мужики в засаленных спецовках ползали со сварочными аппаратами, повсюду стоял гул, летели брызги сварки и вообще казалось шёл обычный производственный процесс, так что Семён в своём костюме смотрелся инородным элементом.

Покинув цех он зашёл в АБК и добрался до кабинета директора попутно заглядывая в другие кабинеты. Отдел тоже работали, как и должно — конструктора что-то чертили, технологии, обложившись справочниками и чертежами, усердно писали, бухгалтерия, громко щелкая счетами и выбивая пулемётные очереди на печатных машинках делала свою бухгалтерскую “магию”. А вот в приёмной директора, атмосфера была иной — возле стола секретаря стояли, сидели и ходили из угла в угол полтора десятка мужчин, и ругаясь что-то экспрессивно обсуждали. Было накурено так что ламп висящих на потолке было почти не видно.

Протолкавшись через них, Жук добрался до секретарши — девице лет двадцать, но уже с обесцвеченными, завитыми волосами и ярко покрашенными губами, подведенными глазами и надменным видом. Хотя сейчас вид у неё был больше измученный чем надменный.

— Директор у себя? — поинтересовался он, максимально приблизившись к девушке чтобы не кричать, но его услышали сквозь окружающий гомон.

— Виктор Григорьевич, на месте, — на автомате выдала она, а затем словно опомнившись поинтересовалась, — вы по какому вопросу?

— Я из соответствующих органов, — веско ответил Жук, ловко достав из внутреннего кармана корочки с тремя тисненными буквами на обложке. Даже не раскрывая их он увидел как широко раскрываются глаза секретарши, он кивнул ей и направляясь к двери кабинета, бросил через плечо, — никого пока к нам не пускайте.

Из разговора с директором ему стало ясно что речь идёт о не много ни мало воспрепятствовании осуществлению деятельности законной советской власти. Рабочие почему-то решили (а часть специалистов их поддержали) что приказы руководителя ничего не стоят. Не нуждались они более и в бригадирах и мастерах, решая все рабочие вопросы из соображений разумной полезности и необходимости. И более того ничего не стоит и госплан. Они самовольно связались со смежными заводами узнали о необходимой номенклатуре изделий, их количестве и пожеланиях о доработках и приступили к

изготовлению.

Директор особенно напирала, что ему теперь совершенно невозможно не только отдавать распоряжения — писчей бумаги склад ему не выдавал, но и непонятно как начисляется зарплата, так как на собрании этого самозванного “профсоюза”, его директорский двойной оклад понизили до самого минимального в тарифной сетки, сняли все доплаты, и более того ещё и перевели на “ноль пять”, якобы именно столько рабочего времени он хоть чем то занят. Этим “расчетным листком” он и тряс перед Семёном, призывая “компетентные органы разобраться в ситуации”.

Выйдя от директора, Жук сначала прошёлся по самому административному корпусу разговаривая с инженерами и бухгалтерами. Тут сразу было видно кто поддерживает самозванный “профсоюз” или даже вернее “стачкомитет” а кто нет. Сторонники незаконного формирования, стоило ему представиться и начать задавать вопросы, просто отводили в сторону глаза и делали вид, что его не существует. Другие люди (таких права было меньшинство) дрожа и потея от страха, заикаясь сообщали что ничего не знают, а просто выполняют свою работу.

Одного из таких товарищей он попытался дожать, страдая лагерями и нюрнбергским трибуналом, на котором отмазка в духе “просто выполнял приказы” не сработала, но тут же видимо по сообщению кого-то из свидетелей в комнату зашли двое плечистых рабочих и схватив его в охапку просто вынесли через проходную.

Встав и отряхнувшись Жук понял что дело которое он понимал как не простое, но вполне очевидное превращается во что-то фантастическое — чтобы простые люди настолько потеряли страх перед сотрудниками комитета, с ними должно было что-то произойти не обычное. И похоже в текущей ситуации его сил не хватит. Тут же позвонив из уличного аппарата в управление он предупредил что дело непростое, и он отправляется в москву за поддержкой.

Сразу после звонка из кабинки телефона автомата он направился в аэропорт, благо до послеобеденного рейса в москву оставалось не так много времени. Совершив ещё несколько звонков он наконец отправился в родные пенаты.

Москва встретила его хмуро и неприветливо. Моросил мелкий дождь, так что пока Семён добрался до управления, весь изрядно вымок. В управлении тоже никто не захотел с ним разговаривать. Начальник встреченный в коридоре, холодно бросил: “подавайте рапорт”, а дежурный просто покивал головой явно думая о чём-то о своём.

Правда в курилке, где собирались офицеры низшего звена, он наконец-то узнал что-то интересное. ИЗ недомолвок и туманных фраз он понял что намечается какая-то глобальная заварушка и она совершенно не связана с разгорающимся конфликтом в европе. Его вообще, наверное, постараются поскорее “слить” несмотря на человеческие, технические и репутационные потери. Намечающаяся тема должна будет не то что вознести на вершины тех кто окажется к ней причастен, а позволить такое что не снилось до этого никому.

Ещё одним полезным делом что он совершил в курилке было то что ему удалось расспросить Пафнутий Егоровича — одну из живых легенд управления. Несмотря на вышедший за любые рамки разумного возраст, отсутствие не то что профильного, а вообще нормального образования (полтора класса церковно-приходской школы не считаются) он тем не менее работал в режимном архиве. Официально его должность была что-то вроде младшего помощника третьего архивариуса отдела резервного копирования, но на самом деле он был живым каталогом осведомленным о многих хранящихся в архиве делах. Причём

каталогом не по заглавиям дел или надписям на папке, а именно по сути дела. Именно благодаря его уникальной памяти иногда удавалось проводить параллели между казалось бы совсем несвязанными друг с другом делами.

Тихонько, в уголке переговорив и дедом Пафнутием, он получил неожиданное направление. Старый сотрудник, припомнил что подобный случай с отказом рабочего коллектива от выполнения приказов партии и правительства, при том что все продолжали работать на благо этой самой партии и делали это в разы эффективнее, уже был и причём совсем недавно и даже примерно в том же районе. Еще он добавил: “Как будто голова на плечах у людей появилась, как будто приделал им кто-то эту голову”. Потом он по своему обыкновению начал рассказывать как в семнадцатом году “вот этими самыми руками” головы контре отрывал, непременно пихая мозолистые и заскорузлые старческие кулаки собеседнику прямо под нос, сжимая и разжимая шишковатые от подагры пальцы наглядно демонстрируя процесс “отрывания”, так что Жук еле от него отделался.

Из курилки он сразу направился в архив и просидел там до самого утра, благо управление, как и положено жизненно-важным для страны организациям работало круглосуточно.

Из добытой информации стало ясно что похожая ситуация уже возникала в одном селе. Там тоже все жители населённого пункта решили жить своим умом и стали игнорировать распоряжения из райцентра. Симптомы поведения были немного другими, по описанию оставленному в рапорте ведущего это дела офицера, все жители были ненормально инициативны и пребывали в возбужденном состоянии психики вызывающем у них симптомы схожие с радостью.

При попытке привести колхоз к подчинению советской власти было совершено покушение на офицера КГБ (тут Жук немного выдохнул, так как с ним обошлись гораздо мягче — просто вынесли за территорию предприятия), что дало основание на применение военного контингента и заключение под стражу всех жителей села.

Правда силовое решение проблемы ничего не дало большая часть жителей действительно не делала ничего противозаконного, а представители местной администрации были признаны невменяемыми. Так что вся история закончилась тем что председателя колхоза и нескольких дружинников посадили в специализированное медицинское учреждение закрытого типа, а жителей села принудительно переселили в район крайнего севера.

Ещё одним выводом из рапорта прикрепленного к делу было то что на жителей деревни было оказано внешнее воздействие психосоматического вида вызвавшее необратимые изменения в их поведении и даже в особо тяжёлых случаях (как у председателя) изменение структуры лобных долей головного мозга. Об этом свидетельствовали, в том числе и данные радиоперехвата с соседней с селом в/ч, в котором были зарегистрированы неопознанные типы радиосигналов на гражданских частотах (правда там стояло заключение, что, скорее всего, источником стал сбой радиопередатчика одного из участников пионерской игры “охота на лис”, проходившей в соседней области)

Семену стало понятно что дело это серьёзное, вот только его сильно удивила реакция руководства практически спустившее вс ситуацию “на тормозах”. Ведь тут ясно-понятно необходимо было ввести режим чрезвычайной ситуации и силами спецотрядов, армии и милиции прочесать весь район, а может и смежные и найти источник заразы. Но этого сделано не было. Более того офицер который вел это дело был признан чуть ли не виновным

в геноциде и практически отстранен от всех дел.

Кстати рассматривая отметки в деле он обратил внимание на личную печать офицера, ведшего дело (естественно все дела были без фамилий и имен сотрудников, а только с псевдонимами, единственным исключением являлись номера печатей которыми сотрудники скрепляли описи и заверяли документы), и оттиск был ему знаком. Эта печать принадлежала его товарищу Симохину Михаилу.

“Вот значит какое дело он ведёт” — мелькнула мысль в голове у Семёна. “Надо будет с ним обязательно поговорить, как приеду”, подумалось ему пока он сдавал документы.

Но собираться обратно он не спешил. Ошибка Михаила была в том что он задействовал внешние силы, с минимальным участием собственного начальства, за что и поплатился. Повторения его ошибок он не желал. Как говорил его преподаватель в школе КГБ: “Ищите точки интереса, только заинтересованный в деле человек будет вашей опорой, естественно только до тех пор, пока не сможет без вас обойтись”. Поэтому сейчас было необходимо было найти эти самые точки.

В управлении у Семёна было всего несколько знакомых человек, большая часть их выпуска уже давно разъехалась по кап. странам, выуживания в стаканах и постелях секреты на благо родины, ну или для собственного блага (во всяком случае в их группе настроения царили именно такие), а в москве и особенно в регионах остались только “неудачники”. Семён себя к таким не относил, но всё равно сейчас он был с ними в одной лодке.

Потёршись в столовой и курилке он выловил несколько шапочных знакомых и принялся мягко их “обрабатывать”. Так как учились он у одних преподавателей, то он сразу же нарвался на встречный вопрос, что ему нужно.

Пригласив их после работы на “чашечку кофе” он изложил свой план как резко выйти из аутсайдеров в лидеры. Надо “всего-то” раскрыть крупный, угрожающий целостности Союза заговор. Заговор “гипнотизеров”.

Поначалу остальные лейтенанты прохладно отнеслись к его идее, но когда он изложил основную, самую “вкусную” часть плана — заметно оживились.

— Вот это другое дело, — поддержал его мужчина с рябовым лицом, — на такое я согласен.

— Тогда нашему начинанию нужно название, — ухмыльнувшись сказал другой.

— Ага, например операция “Карась”.

— Почему это “карась”?

— Ну мы же собираемся ловить рыбку в мутной воде, — с улыбкой сказал один из мужчин.

— Тогда уж объединение “Болдовина”, — предложил Жук, вспомнив как его дед называл лесное озеро затянутое тиной, когда Семён мальчишкой приезжал к ним в деревню на лето.

— Тоже годится, как по методичке “обусификация наименований проводимых операций”.

После этого участники кружка, или вернее объединения начали подготовку. Был изготовлен бланк приказа, проведена целая операция для того чтобы он с отпечатанным на нем текстом попал на стол начальника в папке уже завизированных заместителем. Получив на приказе подпись, была проделана ещё одна операция по получению номера, шифра и необходимых печатей на приказ, после чего Жук с уже абсолютно официальной, законной и выпущенной соответствующим отделом, выпиской отправился обратно. Теперь наступала

его часть работы.

Глава 8

После школы я по просьбе родителей реципиента зашёл в точку распределения материальных благ, которую местные называли универмагом. Хотя я и нахожусь тут уже довольно продолжительное время, но всё равно идея обмена металлических и бумажных жетонов на продукты питания и прочие вещи кажется довольно дикой. Неужели не проще миновать эту стадию обмена и просто брать с полок необходимые продукты? Когда я задал этот вопрос отцу, он только усмехнулся и сказал что при наступлении настоящего коммунизма так и будет — все будут иметь равный доступ к необходимым вещам и продуктам. Сейчас, же по его мнению это невозможно ввиду того что люди не готовы к такому положению дел и если в одночасье магазины начнут выдавать товары без так называемых денег, то всё их содержимое тут же растащат невзирая на отсутствие необходимости, просто из желания нажиться. Так что отсутствие денег возможно только в утопии, заключил он. Тут я не выдержал и быстро подключился к поверхностному слою его нейрооблака, в нём плавали какие-то размытые образы людей, равного социального статуса, занимающихся любимыми делами и получающими в любом потребном количестве материальные блага, при том что тяжелую опасную и просто непопулярную работу делали какие-то абстрактные “работы”. Естественно всё это было полной чушью. Существование подобного общества в принципе невозможно, из-за кучи условностей, начиная с рабочей силы и заканчивая всеобщим равноправием.

Тут будет понятно любому, хоть немного разбирающемуся в управлении персоналом, что эффективная работа возможна только в условиях стресса. А вот тип стресса (будет ли то мотивация саморазвития, страх наказания или долг перед нацией) уже забота руководства. При этом руководство возможно только уже соответствующим образом замотивированных людей. Причём их мотивация должна быть настолько железной, чтобы её нельзя было ничем перебить. И почему-то у меня в голове вертелась только одна идея на этот счёт.

В самом универмаге, куда я пришёл погруженный в свои думы, было заметно оживленнее чем в моё самое первое его посещение. Кроме того что на полках появилось множество новых товаров (пусть и исключительно местного производства), так же там обслуживающий персонал перестал манкировать своими обязанностями, в этом признаться была моя вина. Не в силах терпеть хамское отношение я вычислил всех работников торговых предприятий и внедрил в их нейространства простую базовую мысль (которая почему-то у всех отсутствовала как класс) “работа на благо других людей, почётна своей сутью”. Это простое вмешательство (хоть и несмотря на свою простоту, отнявшее у меня приличный кусок времени) сделало из наглых хамов, в принципе приятных женщин, которые могли подсказать растерявшемуся покупателю, что-нибудь из ассортимента, посоветовать замену или аналог покупаемого товара, и наконец прекратили обсчитывать, обвешивать, продавать “из-под прилавка”, откладывая товар “для нужного человека”. Теперь придя в магазин можно было быть уверенным, что ты находишься в равных с другими покупателями условиях.

Оживленность процесс обмена жетонов на материальные блага, был оживлён тем фактом, что теперь наконец то пропала необходимость охоты за “дефицитом” и ожидания “выброса” товара. Благодаря сверхурочной работе работников заводских предприятий все производимые в городе товары, имелись в необходимом количестве. Правда об этом быстро

узнали (в том числе и благодаря межэвэмной связи, активно распространяемой школьными радиокружками) в окрестных населённых пунктах и в город потянулись покупатели из района.

Вот и сейчас пока я стоял у витрины рассматривая скудный выбор продуктов (изобилие товаров пока касалось только высокотехнологичной продукции, да мелких бытовых товаров изготавливаемых в артелях оформленных как цеха экспериментального производства — ещё одна странная особенность местного управления в том что группам людей нельзя было официально производить какие-либо материальные блага, это вид деятельности допускался только для государственных предприятий), меня довольно грубо толкнула женщина явно деревенского вида.

Потерев ушибленное плечо я задумчиво посмотрел ей вслед, как она расталкивая всех стоящих на пути протискивается в отдел хозяйственных товаров и громко переругивается со старающейся быть вежливой продавщицей. Не то чтобы я пылая гневом хотел отформатировать её сознание и сделать “идеальной рабочей единицей”, в этом случае дело было в другом. Даже не подключаясь к её нейропространству я видел причину такого её поведения. Отсутствие нормального образования (читать и писать она конечно умела и даже знала что живёт на куске камня со страшной скоростью несущемся в бесконечной черноте космоса, но вот области психологии и социального поведения в коллективе в её знаниях зияла ужасающая лакуна) и социального ориентира делало её именно такой. Она чётко знала что любое проявление вежливости, сочувствия и уважения по отношению к другим людям будет воспринято её окружением как слабость и возможность применить уже в её сторону агрессию имущественного, морального или социального плана.

Глядя на таких людей, а так же на то что несмотря на мои старания и даже определенный прогресс в области обеспечения материальными благами ситуация по-прежнему остаётся тяжёлой хотя бы в области продовольственного обеспечения, я понял что один ситуацию не выведу. Необходимо чтобы этой проблемой занялись и другие. И теперь у меня есть возможность для решения этой задачи. Так как я теперь вхожу в организацию которая как минимум пропагандирует необходимые мне и обществу цели, то пора бы им перейти от слов к делу. Единственное, что я могу дать им не только необходимый импульс чтобы от слов перейти к делу, но и обеспечить их “убедительными” аргументами.

Самый главный аргумент в деле пропаганды — собственная глубокая и искренняя убежденность в правильности распространяемой идеи. Причём не обладая способностями к подключению к нейропространству других людей мои эмиссары должны действовать не менее эффективно. Для этого они должны быть не то что уверены в правильности указанного пути, они должны буквально жить этим. Верить настолько фанатично и истово чтобы буквально заражать своими словами всех вокруг. Правда, после подобной обработки, полноценными людьми они быть перестанут.

Будь у меня другой способ я бы, конечно, предпочёл именно его, но время беспощадно уходило, на фронте дела шли всё хуже. Хоть это была и не полноценная война, но что-то очень к ней близкое, тем более что советские солдаты, постоянно должны были “избегать жертв среди мирного населения” и “не поддаваться на провокации”. А как избегать и не поддаваться когда в заварившейся в регионе каше сам чёрт ногу сломит и абсолютно не разобрать кто относится к мирному населению, кто к армии законного правительства, кто злобный наймитам, а кто обычный бандит? Эти мысли настолько явно читались между строк солдатских писем которые они умудрялись передавать с нарочитыми (армейская

цензура зверствовала и либо вообще не пропускала письма с места конфликта либо настолько ретушировала их несмыслаемыми чернилами, что прочесть что-то кроме “Здравствуй мама..., ... Всем большой привет, до свидания.” прочесть было невозможно), что я как мог, форсировал свои проекты по подготовке решительного ответа агрессорам. Правда в рамках одного города сделать удавалось поразительно мало. Именно поэтому мне и надо было в срочном порядке расширять географию воздействия.

После моей, так сказать, “аттестации” на должность заместителя комсорга (девушка сумела меня удивить своей инициативностью и впечатлить активностью), я получил возможность навещать её во внерабочее время. Жила она одна в небольшой квартире выделенной её по линии актива. Так что в один из дней я после школы направился к ней. Как я заранее уточнил, позвонив Алине, в этот день она была дома.

— Привет, — девушка открыла мне дверь, с загадочным выражением лица, стоило мне только чуть придавить кнопку дверного замка, — проходи.

Зайдя в квартиру мимо чуть отстранившейся девушке (мне пришлось буквально протискиваться мимо неё), я принялся снимать с себя куртку. Лето заканчивалось и осень уже вступила в свои права — на улице было довольно зябко и моросил мелкий дождь.

— Ты, наверное, замёрз, — подняв бровь поинтересовалась она, подняв брови практически не меняя позы, всё также стоя в проходе одной поднятой рукой оперевшись о дверной косяк и скрестив ноги.

— Немного, — всё ещё поеживаясь ответил ей, оглядывая обстановку. В квартире был только пару раз когда заносил и забирал некоторые документы и то дальше порога меня не пускали передавая папки с бумагами практически на лестничной клетке. Квартирка была довольно уютной — сразу видно, что в ней живёт девушка которая, следит за порядком. На окнах висели миленькие занавески в горошек, а стол стоящий рядом со стенкой заполненной хрустальной посудой был застелен скатертью явно вышитой вручную. Да и сама девушка была наряжена в довольно яркое платье. Складывалось впечатление, что она меня ждала. Хотя это ведь неудивительно я предварительно позвонил и сказал что приду делать ей предложение.

— Давай, проходи, — ещё раз пригласила она меня, видя как я остановился в прихожей, а затем изогнув шею и заглянув мне за спину, немного удивлённо спросила, — а где цветы?

— Какие ещё цветы? — не понял я, старательно размышляя как бы поудобнее повесить куртку чтобы стекающая с неё вода не намочила одежду Алины.

— Ну ты ведь сказал что придёшь делать мне предложение, — она провела рукой по своему платью, — спрашивал, буду ли дома, вот я и приготовилась.

— Ведь не на пороге же разговаривать, — пожал плечами, — давай хоть в комнату пройдем.

— Хорошо, — она как то странно мотнула головой и прошла в комнату, пригласительно махнув рукой. Когда она проходила мимо меня я заметил кое-что упущенное ранее — волосы у неё были завиты, губы и глаза накрашены, а от самой немного пахло духами.

“Странно”, подумалось мне, почему это рабочий вопрос по подбору кандидатов для агитационной миссии вызвал у неё такое оживление, обычно на собрания комсомольской организации она ходит одетая гораздо проще.

В комнате девушка уселась на свою кровать подложив мне располагаться на стуле у стола.

— Так вот, — начал я собираясь с мыслями, — у меня имеется к тебе предложение.

— Внимательно, — с улыбкой произнесла она, расправляя на коленях подол платья. Из под подола то и дело мелькали её круглые коленки, смотря на которые я немного сбился с мысли.

— Предложение... Предложение, — бормотал я почему-то прокручивая в голове совсем не относящиеся к делу образы, — да я хотел тебя..., то есть тебе сделать предложение! — выпалили я наконец отрывая взгляд от её коленок и уставившись прямо ей в глаза.

— И какое? — с улыбкой спросила она.

— Давай создадим ячейку!

— Ячейку общества? — игриво произнесла девушка.

— Конечно общественную! — воодушевился я видя что она вроде бы не против, — я знаю пару подходящих ребят, ты думаю, тоже найдёшь нескольких кандидатов...

— Каких ещё ребят? — с изумлением уставилась на меня Алина.

— Ну как каких, — пожал я плечами, — таких ребят, физически крепких — силы им понадобятся. А также свободных...

— Это для чего им понадобятся силы? — она даже привстала со своего места.

— Как для чего — им надо будет долго и тяжело работать, так сказать делом доказывая что комсомольцам всё по плечу...

— А ты... а я..., — начала она невнятно лепетать явно растерявшись.

— А я всё это буду организовывать, а ты, так сказать будешь в центре событий! — радостно просветил её.

Тут она с таким выражением посмотрела на меня, что стало понятно, она опять думает о какой-то ерунде.

— Я предлагаю тебе организовать “стройку века 2”! — радостно сообщил девушке цель своего визита.

— Стройку? Века? Вторую? — она непонимающе уставилась она меня, видимо всё ещё пребывая в плену своих иллюзий.

— Да, — кивнул ей, — в наших силах начать новую веку в истории!

— Погоди-погоди, — она затрясла головой, явно переключаясь от своих фантазий, — какая ещё стройка?

— Стройка века, — терпеливо словно ребенку пояснил я, — вот только это название уже использовалось для строительства железной дороги в лесу, вот поэтому название дополнено цифрой два.

— Что ты мне мозги пудришь она соскочила с кровати и даже притопнула ногой, — ты же сказал мне что придёшь делать предложение?!

— Я и предлагаю тебе организовать комсомольскую стройку, — продолжая говорить мягким голосом, я подошёл к ней и приобнял за плечи, благо хоть она была старше меня, но ростом почти на голову ниже, так что такой манёвр удался без проблем, — только представь комсомольца нашего города разъезжают по всем городам союза и пылая неугасимым огнём принимаются за работу.

Алина немного успокоилась и серьёзно посмотрела на меня, — и за какую работу они будут браться?

— В том то и дело что за любую, где имеются проблемы! — с энтузиазмом сообщил ей, — они будут исправлять ситуацию демонстрируя что настоящий комсомолец может всё!

Она отстранилась от меня и сняла с плеча мою руку, — странная идея, и кому ты это предложишь? Не думаю что у нас найдутся желающие...

— У меня есть несколько кандидатур, — сообщил ей опять приобнимая за плечи и увлекая за собой садясь на диван, — например Надиль Нуркенов...

— Это тот что со своими дружками, напился и безобразничал на главной площади? — сразу же воскликнула она, стоило мне произнести это имя, — да его исключать надо, как позорящего честь комсомольца, а ты предлагаешь его в передовики производства. Да и не согласится он, а коль и согласится то и работать нормально не сможет.

— И согласится и сможет, — кивал я на её слова, — ты мне только фамилии дай, тех людей, что позорят своим членством комсомольскую организацию, а я их перевоспитаю.

— Ну и странные у тебя идеи, — она посмотрела на меня, — но вроде у тебя всё получается, так что препятствовать не буду, тем более что проще назвать кто не позорит комсомол, — она тяжело вздохнула, — сплошные пьяницы, бузотёры, хиппари и бездельники.

— От мы их всех и отправим нести правильные мысли по другим городам.

— Как они там кстати будут помогать отстающим? — она сразу задумалась над следующей проблемой.

— Нет ничего проще, напишем им сопроводительные письма, в которых расскажем о нашей идее.

— Нашей? — она с удивлением посмотрела на меня.

— Ну я ведь только твой зам, — скромно улыбнулся я. Всё равно мне пока нужна известность, да и с “замотивированными” людьми могут возникнуть накладки, так что уж лучше пока Алина Леопольдовна будет числиться в инициаторах.

Я шел вдоль рядов стоящих на площадке людей. Все они стояли по стойке “смирно” глядя сквозь меня. У каждого возле ног лежала небольшая сумка с дорожным набором сменных вещей и гигиенических принадлежностей. Я смотрел на них и не находил ни одного изъяна — ни одной эмоции не отражалось на их лицах. Только сосредоточенность на предстоящем задании. “Готовы”, — решил я. Тем более в их коллективном нейрооблаке не было ни одной посторонней мысли или образа, только то что я им вложил. С одной стороны, делать из людей бездушные механизмы заточенные только на одну цель, категорически неправильно, но с другой стороны это были довольно дрянные люди. От их деятельности были одни только проблемы. Чем бы они не занимались — работали, учились, строили отношения с противоположным полом всё выходило из рук плохо. Продукцию выпускали браковую, на учёбу постоянно хватали “гусей”, а девушек обижали, а то и поднимали руку. Так что общество вздохнёт свободно когда, избавится от этих вредных элементов.

— Всем ясна своя задача? — пройдя мимо всех подготовленных комсомольцев и встав на импровизированную трибуну сделанную из пары ящиков из-под овощей выброшенных овощным отделом универмага, за которым и было устроено сборище

— Так точно! Задача ясна! Разрешите приступить Учитель! — единым голосом рявкнула почти сотня глоток.

— Почему они называют тебя “учителем”? — с тревогой в голосе спросила стоящая рядом со мной Алина.

— Идите и исполните свой Долг, — пафосно обратился к людям стоящим передо мной, а затем наклонился к девушке и шепнул ей, — ну, как минимум я научил их работать.

Глядя как подхватив свои пожитки ребята идут в сторону вокзалов, девушка задумчиво произнесла, — И чему же такому ты научил их за закрытыми дверями внеочередных комсомольских собраний?

— Секрет фирмы! — с улыбкой подмигнул ей, спрыгивая с груды ящиков, — пошли у нас ещё куча дел.

Семён Викторович сидя в кабине грузовика смотрел как через проходную завода проходят бойцы главное управление исправительно-трудовых учреждений МВД, командование над которыми он получил благодаря чрезвычайному постановлению, сделанному в московском управлении. Уж эти бойцы собаку съевшие на подавлении бунтов, быстро наведут там порядок и возьмут к ногтю всю мразь посмевавшую своевольничать.

Но минута проходила за минутой, а из проходной почему-то не выволакивали грязных работяг со скованными за спиной руками. Неужели рабочие дали отпор милиционерам? Но ведь неслышно даже звуков выстрелов.

Семён не выдержав вылез из машины и направился к проходной, как в этот момент из дверей здания показались бойцы спецназа. Не успел лейтенант и слова им сказать, как он и быстро рассевшись по своим местам укатили обратно.

На площадке перед проходной остался стоять ничего не понимающий мужчина в облаках медленно рассеивающегося выхлопного газа.

Похоже в этот раз я прошёл по краю. Хорошо хоть мне в голову пришла идея протестировать новый нейроусилитель который паяли в радиокружке. Несколько новеньким ребятам я предложил разработать систему телепатической связи — они хоть и посмеялись, но всё же ради смеха решили попробовать всё равно в этом не было ничего сложного — несколько каскадных усилителей мощности приделанных к супер длинноволновому передатчику (в качестве антенны предполагалось использовать воздушные линии электропередач, естественно через фильтр отсекающий напряжение). Как только мы вытащили усилки в школьный двор и набросили провода от прибора на линию подходящую к школе, я сразу же заявил что должен проверить работает ли прибор. Конечно нейро связь между несколькими людьми была в принципе возможна, ведь я сам ей без проблем пользовался, но мне надо было проверить концепцию возможности её использования простыми людьми, не обладающими моими способностями. То устройство, что наделяло бы обыкновенных людей дополнительными возможностями просто бы усиливало мои собственные.

Как оказалось, устройство работало. Без подстройки на оператора оно бы несомненно не было бы так функционально, а настроить его мог наверное только я, так как каким-то внутренним чувствовал коэффициенты усиления каскадов и направления лепестков развёртки радиоволн, так что подкрутив несколько вентилей настройки схемы, сделал глубокомысленный вид и заявил ребятам что устройство похоже работает, но получился слабеньким.

— Слышу! Слышу ваши мысли! — с умным видом заявил ожидающим моего вердикта ребятам, — ты хочешь котлет, а ты играть в футбол, — ткнул в них по очереди пальцем.

— Ну тут никакого прибора для чтения мыслей не надо! — заявил один из товарищей, — по Коле видно, что он большой любитель котлет, при этом главное слово тут большой, — он подмигнул немного засмущавшемуся пухляшу, — а коль мы стоим рядом с футбольным полем и я постоянно на него поглядываю, то не удивительно что я хотел бы в мяч погонять... Давай мы лучше цифры загадаем, а ты попробуешь их прочесть.

— Давайте, — легко согласился я.

Ребята зажмурили глаза и напрягшись принялись воображать цифры. У коли в нейропространстве тут же возникли пара двоек, практически мгновенно принявших вид ливерной колбасы, а у его приятеля цифры три и пять через двоеточие, видимо он всё-таки следил за игрой ребят, что бегали на поле рядом.

— Не понято, — я со вздохом снял с головы обруч нейроусилителя, или вы думаете о какой-нибудь ерунде вместо цифр или усилитель слабенький получился.

— Думаем мы хорошо, а ты вот над нами смеешься, тут же заявил школьник, — невозможен прибор для чтения мыслей, иначе тут бы не протолкнуться было бы от всяких Алис Селезнёвых с миелофонами.

Я не совсем понял о чём он говорит, но видимо это был какой то местный юмор, поэтому я развёл руками.

— Может быть никто не пробовал, вот переделаете схему, добавил ещё парочку каскадов тогда посмотрим, может и получится.

— Ну усилить можно и без переделки схемы, — пожал плечами Коля, — подать

питания чуть больше сколько-то транзисторы продержатся мы их к большому радиатору прикрутили, сразу не сгорят.

И он тут же крутанул ручку блока питания увеличивая напряжение питания практически вдвое. Я быстро напялил на себя обруч, пока он действительно не сгорел и попытался подключиться к коллективному нейроболаку, чтобы проверить действительную дальность связи.

Эксперимент оправдался. Доступное мне нейространство действительно расширилось и теперь накрывало практически весь город. Быстро пробежавшись по нему я заметил точку возмущения. Вернее это была не точка, а целая область. Складывалось впечатление, что где-то собирается произойти сражение — столько было в одном месте сосредоточено эмоций — жаждущих, предвкушающих, азартны, чувств страха, решимости, сомнений и метаний. При этом среди всего этого шторма ярко горела звездочка разума к которому я применял свою силу. Похоже у одного из моих “эмиссаров” возникли проблемы.

Ментально приблизившись к этой области я увидел в чём дело. Происходил конфликт на почве организованного мною разумного самоуправления производства. Одно из предприятий приехал зачищать отряд бойцов работа которых была пресекать волнения среди асоциальных элементов помещенных на принудительную изоляцию (идиотская на мой взгляд традиция у местных — с асоциальными элементами надо поступать совсем по другому). Увидев их намерения я тут же погасил конфликт в зародыше просто вымарав из их нейроболака кусок о последних нескольких часах.

Это, конечно, временное решение, но пока мне удалось погасить конфликт и предотвратить кровопролитие, тем более что увидев как к территории предприятия подъезжает техника с бойцами, рабочие имеющие активную гражданскую позицию (появлению которой поспособствовал мой эмиссар) тоже приготовились защищать свою правду всеми доступными способами.

Похоже моя стратегия по плавному переходу общества на рельсы самоорганизации и разумной необходимости начинает потихоньку пробуксовывать. И я знаю из-за кого. Некоторых людей, по долгу службы поставленных следить за порядком в обществе видимо напрягает когда этот порядок поддерживается не страхом наказания, а силой самосознания членов этого самого общества. Во всяком случае такой вывод можно было сделать просканировав поверхностный слой ещё одного фигуранта этой ситуации. Именно он и устроил этот рейд.

К сожалению, волшебный дым на котором работает вся электроника вышел из выдержавших повышенной частоты работы компонентов и обруч на моей голове слабо щёлкнув перестал работать, так что я успел только понять где работает мой противник и то что житья он мне не даст — его цель разрушать и доминировать ради собственной эфемерной иллюзии личного благополучия.

Скомкано попрощавшись с ребятами, чешущими головы над сгоревшим устройством я посоветовал им всё же увеличить число усиливающих каскадов, а не надеяться на экстремальные режимы работы транзисторов и операционников.

Мне надо было как можно скорее прибыть на место инцидента, чтобы застать там инициатора этого дела. Но по пути туда, на автобусе я понял что все равно никого перед заводом не застану. Тот злой и жестокий человек, скорее всего, в своё логово вынашивать очередной злобный план или чего хуже — готовить новую провокацию. Поэтому пересев на автобус другого маршрута я направился на его работу. Даже если я не застану там его, думаю

смогу организовать что-то вроде ловушки из его коллег.

Прибыв к серому странно выглядящему зданию я остановился рядом и попытался подключиться к общественному нейроболаку. Даже без усилителя мне удалось сделать это без особого труда. Но вот то что удалось считать с поверхностных образов, мне крайне не понравилось. Я считал организовавшего нападение человека, редким исключением, своего рода отщепенцем (во всяком случае он явно дистанцировал себя ото всех людей, даже от коллег), но как оказалось всё здание было наполнено подобными людьми. Подсизживание друг друга, интриги внутри коллектива, подковерная борьба за буквально любые преференции было для них абсолютной нормой. Все кто тут находились только и думали как бы продвинуться по службе и получить побольше льгот и выплат и полномочий, и это при том что они и так имели гораздо больше чем практически все остальные жители города. Но им этого было мало. Они как саранча жаждали ещё и ещё. Особой мерзости ситуации добавляло то что именно они должны были следить за свободой и равенством всех членов общества. Но по какой-то причине они изменили своему предназначению и принялись заниматься прямо противоположным. Конечно, среди всех этих людей было несколько человек, которые занимались своей работой (хотя и они были не самыми хорошим людьми в мире) и именно на них ещё пока держалась вся структура, но стоит только им уйти как вся эта махина, мало того что погребёт сама себя, так ещё вероятнее всего станет причиной острых социальных проблем в обществе.

В общем проблему эту надо было решать и решать срочно, пока эта “проблема” не взялась за меня всерьез силами всей организации, а не только одного члена. Который судя по его нейробразу сейчас что-то активно обсуждал с другими сотрудниками. Скорее всего это не кончится ни для меня, ни для моего начинания ничем хорошим так что я решительно перешёл дорогу и подошел прямо к дверям здания.

Глядя на блестящий посередине тяжелой металлической двери стеклянный глазок я надавил на кнопку звонка. Тут же откуда то сверху раздался глухой, искажённый динамиком голос.

— Чего тебе парень?

— Здравствуйте, — поздоровался я, потому что вежливость необходимо проявлять даже собираясь зайти в логово врага, — мне надо поговорить с вашим сотрудником.

— С каким? — настороженно спросил голос.

— Я не знаю того кто мне нужен, — сказал я чистую правду, — но думаю подойдет любой, а дальше вы уже сами разберетесь что нужно делать.

— Хорошо заходи, — разрешил голос и замок на двери щелкнул давая мне доступ внутрь.

Потянув на себя тяжелую дверь вошёл внутрь. За дверью был небольшой тамбур выйдя из которого попал в что-то типа холла — средних размеров комнату из которой вело несколько дверей у стены комнаты стоял стол за которым сидел человек с любопытством глядящий на меня. На столе перед ним помимо толстой тетради и нескольких телефонных аппаратов стоял пульт с несколькими рядами кнопок небольшим телевизионным экраном и ещё каким-то органами управления бывшими невидимыми с моего места. Улыбнувшись я направился к дежурному (это был без сомнения он, и скорее всего он и был обладателем голоса общавшегося со мной) по пути вызывая в себе то странное чувство, что позволяло мне подключаться к нейространству других людей.

Вводя свой разум в форсированный режим, за те несколько шагов, что отделяли меня от

сидящего за столом человека, я жёстко вломился в его пространство и тут же проверил область отвечающую за насилие.

Как я и предполагал там было полно образов неприемлемых поступков. По правде сказать это было характерно практически для всех окружающих меня людей, но если подавляющего большинства насилие было связано с единичными случаями крайне сильных эмоций или воздействию психотропных веществ типа водно-спиртовой смеси, то у этого индивидуума, насилие было осознанным и крайне изощренным. Поэтому я уже не сомневаясь жёстко прошёлся своей волей по центрам его нейрообраза. Стирая одни куски и формируя новые.

Подойдя к нему вплотную, бросил взгляд на то как изменился сидящий передо мной человек — вместо уверенного хозяина жизни с жестоким и хитрым взглядом, передо мной сидело тело с пустым взглядом и тоненькой ниточкой слюны тянущейся из уголка рта.

— Иди на ближайшую стройку и устройся там разнорабочим, помогай всем нуждающимся и веди здоровый образ жизни служа примером для окружающих, — приказал я ему и не глядя на результат своего приказа пошёл дальше. Впереди меня ждало ещё три этажа наполненных злыми и бессердечными людьми.

Открыв следующую дверь ведущую в коридор со множеством дверей я услышал как только скрипнул по полу отодвигаемый стул, и хлопнула входная дверь — первый “перевоспитанный” пошел наконец-то приносить пользу общества. Не факт что своей работой он исправит весь тот вред что нанёс своими предыдущими действиями, но то хоть будет честная работа.

В здании кипела работа, люди ходили из кабинета в кабинет, таскали кипы документов, о чём-то переговаривались и то и дело выходили покурить.

Все кого я встречал в коридоре, или заставал в кабинетах сначала с недоумением и подозрением смотрели на меня, но спустя пару мгновений бросали свою работу и деревянным шагом шли прочь. Чем дальше я шёл по коридору тем спокойнее становилась атмосфера, но я с всё возрастающей тревогой чувствовал что моё внутреннее хранилище психической энергии понемногу пустеет. Каждый следующий сотрудник вредительского ведомства поддавался моей обработке всё сложнее и сложнее. А их впереди было ещё много и что самое важное — главный вредитель по-прежнему находился в компании почти десятка человек, так что я был не уверен что смогу их всех разом обработать. Но я себя успокаивал тем, что даже если не удастся “перевоспитать” всех, то я исправляю только самого зловредного, а потом тихо уйду — на то, чтобы заставить человека не препятствовать мне много сил не надо.

Внутри здание было довольно запутанной планировки и поэтому к своей цели я шел довольно долго. Уже не заглядывая в кабинеты, “исправлял” только встречаемых сотрудников, да и то по упрощённой схеме — не прививая им нормальных человеческих ценностей, а просто стирая центры агрессии и злобы и стимулируя очаги работоспособности их нейрослепка.

Когда я добрался до кабинета где находился мой противник оказалось что меня уже ждали. Стоило мне распахнуть дверь комнаты, как на меня уставилось несколько нацеленных пистолетных стволов. Похоже они как-то узнали что я нахожусь в здании и что-то делаю с их коллегами.

— не знаю кто ты или что ты парень, — начал говорить один из присутствующих в комнате мужчин, — но лучше бы тебе немедленно лечь на пол и завести руки за голову...

Он говорил и что-то ещё, но так как я уже давно находился в режиме сканирования нейространства, то слабо воспринимал что происходит на физическом уровне. Как только я подошёл к этой комнате так меня просто захлестнул поток негатива. Присутствующие тут вряд ли имели право называться людьми. В них не было ничего человеческого — только жажда насилия, пыток и убийства, причём все эти чувства в них были заботливо выращены в течении довольно длительного времени. Как будто кто-то специально организовал школу зверей и проводил строгую селекционную работу. Глядя на них я понял что исправлять тут практически нечего — проще и правильнее этих существ уничтожить.

Но я не мог уподобляться этому зверю, и поэтому, несмотря на практически полное исчерпание психических резервов принялся за работу. Нацеленного на меня оружия я несколько не боялся, чтобы применить его нужна была воля, а хоть мои силы и были на исходе, всё равно именно я обладал самой твердой волей в этом помещении.

Стирая и перезаписывая один нейрослепок за другим я видел как взгляды моих оппонентов из настороженно возбужденных превращаются в безэмоционально уверенные. Отныне дело всей жизни этих людей работать на благо общества, тяжёлым физическим трудом и собственным примером показывая как должны поступать истинные патриоты. Кстати и среди присутствующих и среди встреченных ранее сотрудников, нашлось несколько с психическими аномалиями. Кроме того что они ненавидели простых людей, также они ненавидели и собственную страну страстно желали разрушить её и даже предпринимая конкретные шаги для этого — уничтожали перспективных изобретателей, душили инициативу у активно настроенной молодёжи, а кое-кто даже тайно работал на иностранное государство.

Глядя как разум последнего из присутствующих наконец-то приобретает нужные кондиции, я вдруг заметил что больше не нахожусь в коллективном нейрооблаке, а словно очутился в звенящей черной пустоте. Как будто бы мой разум и тело разделили друг от друга. Обдумав эту ситуацию всё ухудшающимися конгитивными способностями я понял что тело реципиента просто-напросто не выдержало такой интенсивности нейронагрузок и отключилось. В принципе это была последняя моя мысль перед тем как сознание поглотила абсолютная тьма.

— Ребята, вы не видели Даню? — обратилась к сидящим в комнате школьникам заглянувшая туда миниатюрная блондинка.

— Даню? — отвлекся от разложенной перед ним груды радиокомпонентов кто-то из ребят, — он вроде с Колей и Толей в школьный двор уходил что-то тестировать.

— Спасибо, — перед тем как закрыть дверь сказала Алина, быстрым шагом направляясь в сторону школьного двора.

— Вечно этот “заместитель” себя ждать заставляет, — бурчала она себе под нос пока проходила через школу.

Когда Даня не пришёл на собрание актива, она почему-то почувствовала странное беспокойство. Конечно, новенький мог просто-напросто забыть или у него могли возникнуть другие срочные дела, но что-то внутри неё буквально кричало о том что с парнем не всё в порядке.

В школьном дворе её не пришлось искать неких “Толю и Колю”, так как она практически сразу заметила пару ребят стоящих у какого-то ящика с радиодетальями и ожесточенно спорящих об усилителях, каскадах и волноводах — всякой чуши интересующей мальчишек практически всех возрастов. Быстро допросив мальчишек она выяснила что Даня по своему обыкновению задумал какой-то фантастический проект по изобретению миелофона. Но после полевых испытаний быстро собрался и ушёл бормоча что-то про завод газовой аппаратуры.

Приехав к проходной завода она не обнаружила никаких следов Дани, но умудрилась краем уха услышать разговор двух женщин, одна из которых пересказывала другой как на завод приехала спец рота по подавлению бунтов на зонах, но почему-то побоища не произошло, и все уехали обратно — не иначе происки КГБ.

От одного упоминания этих трёх букв внутри у Алины всё словно покрылось льдом. Даня не раз в частных с ней разговорах упоминал о том как сталкивался с сотрудниками органов (хотя её почему-то раньше в голову не приходило при каких это обстоятельствах обычный школьник может взаимодействовать с всеильной спецслужбой) и что не ждёт от них ничего хорошего.

Скорее всего Даня от кого-то услышал что затевается заварушка на ЗГА и отправился туда. Обладая повышенным чувством справедливости, он скорее всего ввязался в конфликт, из-за чего бы он не возник и благодаря своей убедительности (ведь он умудрился приболтать даже её) как то разрулил ситуацию. Но присутствующие тут же сотрудники КГБ (а все знают что они присутствуют везде и наблюдают за всеми процессами в обществе) забрали его в свои застенки. Её воображение тут же нарисовало Даню, в окровавленных лохмотьях прикованного ржавыми цепями в сыром подвале. Его безвольное тело хлещет плеткой офицер в кожаном плаще и портупее с маузером в деревянной кобуре. Помотав головой и прогнав из мыслей эту притягательную в своей странности картину она тут же развила лихорадочную деятельность.

Парня надо было вытаскивать, это без вариантов, но вот вырвать кого-то из застенков КГБ — дело небывалое. Понятно что одной ей никак не справиться, а значит надо созвать как можно больше людей, ведь в организации сила. А она как раз и является руководителем одной из самых многочисленных организаций.

Бросившись к телефону автомату стала набирать один номер за другим. Используя весь свой талант убеждения, авторитет, лесть и угрозы она собирала людей. Закончив со звонками (по правде говоря потратив всю мелочь) она поехала обратно в школу, где учился Даня. Конечно, от школьников толку мало. Но они хотя бы могут создать необходимый информационный фон.

Прибыв обратно она быстрым шагом направилась в помещение радиокружка. К счастью, ребята там были увлеченные и сидели допоздна, пока сторож их не выгонял из школы. Обрисовав ситуацию она попросила чтобы они сбежали и сообщили всем знакомым о том что надо собраться перед зданием управления.

— Зачем же бегать, — возразил один из школьников, — есть же система межэвмной связи, сейчас напишем сообщение с пометкой срочно и сообщим всем обладателям телевизионных приставок. А уж Даню-то знают почти все.

Как он и предсказывал, стоило только разослать сообщение как тут же на терминал расположенный в помещении кружка начали приходить ответные сообщения — люди были встревожены. И кроме того нашлись даже очевидцы видевшие Даню возле управления. Хоть

его вроде как никто силком не вёл, но всё равно вряд ли он был там по своей воле.

— Петров, Потапов! — кричал в изумлении кряжистый мужчина, но колоритную пару ребят, — вы это чего удумали?!

— А мы чего? Мы ничего? — переглянулись стоящие перед ним парни, — вы же сами сказали что настоящие солдаты должны быть смелыми, инициативными и проявлять разумную находчивость!

— Р-А-З-У-М-Н-У-Ю! — по буквам повторил мужчина, — а вы..., — он махнул рукой.

— Как мы будем учиться ездить на танке если в автопарке ДОСААФ нет танка? — выступил вперёд патлатый парень, — мы решили эту проблему.

— Нет, проблему вы не решили, — устало вздохнул мужчина, — вы её только что создали... Вы вообще, где танк взяли, негодники? — вяло поинтересовался он оглядывая стоящую на площадке для учебной езды машину.

Танк был монументальным — острая передняя часть, плавная обтекаемая башня и широченные гусеницы. Почему-то эта машина была смутно знакома Геннадию Павловичу — инструктору по вождению гусеничной техники ДОСААФ. И тут словно подтверждая его мысли один из парней ответил.

— Так мы его с постамента на аллее победы сняли, — и видя вытянувшееся лицо инструктора, быстро дополнил, — вот научимся ездить, так сразу обратно вернём.

— Вы, что? Памятник завели?

— Вы ведь сами говорили что все памятники у нас в стране это мобилизационный ресурс — паровозы что на пьедесталах у вокзалов стоят в любой момент на рельсы поставить можно, а танки и пушки что на аллеях славы и памяти находятся, хоть завтра на фронт. Вот мы и завели один из танков.

— Не просто конечно было, — начал рассказывать второй, — но в библиотеке клуба нашли книгу по войсковому ремонту тяжёлого танка ИС-3, прочитали её, изучили как следует... ну вот и завести сумели.

— Только с вождением пока плохо, — закивал головой Петров, — пока сюда ехали, пару деревьев повалили, да кажется урну одну раздавили. Думали вы нас научите, а мы после танк обратно вернём... Мы же не дураки всё понимаем...

— Понимают они..., — пробормотал мужчина, а затем его захлестнул какой-то мальчишеский азарт. Он внезапно вспомнил себя в х возрасте, как он слушал рассказы отца про войну, как сам в армии сидел за рычагами тяжёлой машины. В принципе сейчас ранее утро и если всё провернуть достаточно быстро то может ещё и обойдётся.

— Ладно, запрыгивайте внутрь, — махнул он руками враз повеселевшим парням, — дядя Гена научит вас как надо на танке ездить! Только чтобы больше без всяких безобразий!

Симохин Михаил летел в управление по срочному вызову. Сегодня он ушёл со службы пораньше — надо было провести встречу с информатором. Во всяком случае так он сообщил своему руководителю, хотя на самом деле его намерения были куда прозаичнее — он просто решил устроить себе маленький выходной посреди недели, благо служба позволяло это. Но вот за время его отсутствия что-то произошло.

Когда его покой разорвала трель телефонного звонка он сразу понял, что это не к добру. А стоили только в трубке раздаться взволнованному голосу одного из младших делопроизводителей, как он понял что произошло что-то экстраординарное.

Прибыв в управление он поразился царящему там разгрому, как будто бы здание подверглось нападению боевого отряда — двери многих кабинетов, до этого закрытые стояли нараспашку, в коридорах то и дело пробегали сотрудники с бешеными глазами с испугом смотря на него. Конечно, лейтенант зашел не через парадный ход предназначенный для посетителей, а через одну из неприметных боковых дверей, но всё равно его путь пролегал через главный холл где должен был находиться дежурный и ключевое слово здесь “должен был”, потому что за пультом дежурного никого не было. И это был первый очень нехороший признак. Симохин тут же поправил под пиджаком кобуру скрытого ношения и приготовился к самому худшему.

В приёмной, у кабинета руководителя стояла толпа гонящих сотрудников. Но, впрочем, тут же сбавивших градус остроты разговоров.

— Миша, — обратился к нему руководитель смежной группы, — хорошо что тебя не зацепило...

— Зацепило? — перебил его Симохин, — у вас тут что взрыв произошёл? Диверсия?!

— Лучше бы взрыв, — развёл руками рукгруппы, — по твоей части наверное это...

Тут же Михаила ввели в курс дела, рассказав, что неожиданно почти половина присутствующих в здании сотрудников его покинула, причём не сдав дел, печатей и оружия, не заперев кабинеты, и даже не забрав верхнюю одежду — просто вышли в чём были и разбрелись по городу. Парочку из них остановили сотрудники не попавшие под загадочное воздействие и расспросили. Но результаты распросов всех обескуражили. Люди только что бывшие воплощение ума, чести и совести нации вдруг бросили работу пошли по их выражению “приносить пользу обществу”. Один из них уже даже успел договориться с прорабом на стройке, чтобы начать трудиться разнорабочим.

Кроме того в одной из комнат совещания в окружении впавших в кататонический ступор сотрудников был найден парень школьного возраста с перепачканным кровью лицом. Кровь как будто сочилась у него из глазниц и ушей.

Можно было построить множество предположений, но почти все сходились во мнении, что именно этот парень имеет к произошедшему какое то отношение. О чём сотрудники и поделились с Михаилом.

У Симохина тут же в голове словно что-то щелкнуло. Как будто в ранее рассыпавшуюся картину вставили недостающий кусочек пазла и она стала цельной.

— Ну конечно! — воскликнул он, — Приносить пользу, бросать старую деятельность и подозрительный школьник! Это ОН!

— Он? — осторожно спросил кто-то из сотрудников.

— Да тот самый парень, который околовал ту деревню.

— Ту из-за которой тебя перевели к нам?

— Неважно! — оборвал попытки раскопать его прошлое дело Симохин, — надо немедленно объявить повышенный уровень тревоги. Перевести здание на осадное положение...

— Ты не части, — оборвал его стоявший тут же рукгрупп, — если начальник управления выбыл, то ты ещё не самый главный, чтобы принять командование.

— Согласно директиве семнадцать ис два и приказу сто двадцать девять эн двенадцать у моей группы есть особые полномочия на случай угрозы класса циркон. А коль от группы остался я один, то командование беру на себя!

Остальные офицеры для проформы немного поворчали, но привычные к армейской дисциплине, всё же согласились с трансфером полномочий.

Опустив массивные жалюзи на окна и заблокировав двери стальными балками как раз для этого случая скрытыми в дверных косяках, все сотрудники согласно полученного приказа начали вооружаться, из просторных кладовых, что были расположены в глубоких подвалах были извлечены каски, бронежилеты, автоматы и пулеметы.

Сидя в одном из подземных кабинетах являющимся оперативным штабом Симохин чувствовал приятное удовлетворение — наконец-то он занял кресло начальника, да еще и не просто получил его по выслуге лет, а можно сказать захватил опираясь на чрезвычайные полномочия. Конечно, скоро с ними придётся расстаться — вообще удивительно что сотрудники сразу не запросили поддержку из центра, а принялись его слушаться, но скоро суета связанная с переходом на осадное положение пройдёт и многие включат голову.

Михаил, конечно, отметил что среди оставшихся после нападения сотрудников нет ни одного оперативника, и вообще когонибудь обладающего хоть какимнибудь боевым опытом — только обычные архивариусы, бухгалтера, аналитики и прочие кабинетные работники. Среди них была парочка людей имеющих некоторые навыки и прошедшие спецподготовку, но это были чьи-то протеже, так что они не сильно отличались от гражданских, не было в них той злости что присуща настоящим “псам режима” — как они себя сами называли, дистанцируя от “кабинетных крыс”. Конечно, учитывая специфику организации в которой они работали все они были людьми проверенными, и допущенными к различной информации являющейся гостайной, но всё равно опыт реальных дел это не заменяло.

Совершив пару телефонных звонков и отправив из оперативного гаража машину с парой человек которым мог более или менее доверять, Михаил заблокировал с пульта руководителя все линии связи, чтобы ретивые сотрудники не проявили ненужную инициативу и не начали докладывать дальше по инстанции. После этого он объявил что пойдёт проводить допрос террориста, а когда придут отправленные сотрудники чтобы их спутника и весь привезенный груз немедленно доставили к допросной.

Пойманного (ну как пойманного — давшего, из-за проблем со здоровьем, себя поймать) террориста сразу после обнаружения поместили сначала в изоляционный бокс, а как только Симохин решил несколько организационных вопросов, то перевели в самую глубокую и максимально защищенную камеру. Михаил даже не знал что в управлении такие есть, но один из архивариусов, как раз ответственный за содержание заглубленных помещений сообщил о её наличии.

Но помимо специальной камеры, для допроса такого объекта требовалось ещё и соответствующее снаряжение. Не зря Симохин изучал различные материалы и

консультировался с работниками ведомственных НИИ. Если у объекта допроса предполагались экстраординарные способности — то следовало максимально возможным образом защититься от его воздействия. Во-первых, допрос следовало вести через телевизионную установку — почти никто из природных или специально обученных гипнотизеров не мог воздействовать на людей посредством экрана телевизора (а жаль, иначе работа соответствующих служб бы сильно облегчилась). Во вторых, следовало защитить своё тело, а главное головной мозг от влияния всевозможных видов излучений, и наконец в третьих следовало прикрыть себя не только с точки зрения доказательной науки, но и со стороны, так называемой “альтернативной точки зрения на происхождение наблюдаемых физических явлений”. Именно за этим громоздким определением и скрывалось то что в народе называли “бабьими сказками”, “чудесами” и “шаманизмом”. Благодаря погружению в тему у Михаила была парочка контактов этой стороны. Именно за ними он и направил опергруппу. Вернее за ним, потому что некая “баба Фрося”, хоть и при личном разговоре обещала лояльность к их службе, по её глазам было видно что плевать она хотела, как на Симохина, так и на ту организацию которую он представлял. А вот в другом своём контакте он был практически полностью уверен.

Алексей, или “Владыка Алексей” как он себя любил называть, был высоким мужчиной средних лет, с нестриженными волосами и бородой, достигающими ему до груди. Вечно засаленные и висящие неаккуратными сосульками они производили отталкивающее впечатление, впрочем, как и сам Алексей. Но несмотря на это, мужчина жил в близлежащей к городу деревне как какой-нибудь барчук — в большой и светлой избе, которую построили ему всем колхозом. Сам он ни дня при этом не работал, но числился старшим счетоводом в колхозе получая немаленькую зарплату. Помимо работы он не занимался и домашним хозяйством, которое за него вели несколько женщин с которыми он никого не стесняясь открыто сожительствовал. Именно по этому — из-за многочисленных доносов неравнодушных граждан (правда бывающих в деревне проездом, самих же деревенских видимо всё устраивало коль никто ни о чём не заявлял), Михаил с ним и познакомился. Алексей позиционировал себя как колдуна, знахаря и ведающего тайные символы. Ничего такого за ним Симохин не заметил, но то с какой послушностью многочисленные женщины выполняли команды этого косматого мужчины, поразила лейтенанта. Итогом же их разговора стало соглашение о сотрудничестве — если помощь требовалась “владыке” её оказывал Михаил, а если сам офицер сталкивался с непознаваемым, то он привлекал Алексея в качестве консультанта.

Пока Михаил возился с аппаратурой настраивая телевизионную установку и облачался в специальный прошитый медной проволокой костюм, выполняющий роль “клетки фарадея” для защиты его организма от технологических устройств (тем более что с головы парня была снята непонятная диадема, явного технического вида), прибыл его консультант по мистическим вопросам.

Алексей, как и в первый день знакомства с Михаилом был одет в непонятное одеяние являющееся чем-то средним между монашеской рясой и женским платьем, только грязно серого цвета (сам “Владыка” называл это халатом). Помимо деревенского знахаря, несколько помощников из числа сотрудников выгрузили из тележки несколько корзин со скарбом. Судя по тому какие звуки и запахи раздавались из корзин, лейтенант понял что его ожидает не самое аппетитное зрелище.

— Надо допросить одного парня, — как только сотрудники бросая странные взгляды на

колоритную парочку, удалились с этажа, начал вводить в курс дело своего помощника Михаил.

— Азмь понимаю, — низким, порывающим голосом подтвердил колдун, — какая треба во мне?

— Парень не простой, как то умудрился мозги набок свернуть половине сотрудинок, — честно признался мужчина застегивая последние элементы защитного костюма, — поэтому надо защититься от этого, ну и разговорить, понятно, думаю твои методы должны сработать.

— Надобно подготовиться, — серьезно кивнув сообщил знахарь.

После этого он деловито раскрыл одну из корзин и вытащил оттуда отчаянно упирающегося петуха. Михаил совсем не удивился тому факту что петух был чёрный, как и тому что Алексей абсолютно привычным движением отрезал петуху голову, каким-то кривым, чуть ли не каменным по виду ножом, и принялся сливать бьющую толчками крови в стоявший тут же в корзине ковшик. С этим ковшем он зашёл в камеру с бессознательным парнем и принялся чертить на стенах и полу какие-то знаки, макая в кровь пальцы свободной руки.

Закончив с разрисовыванием помещения он вышел из камеры и открыл следующую корзину. В ней лежала туго перевязанная верёвками небольшая овца. Также деловито, Алексей вытащил животное из корзины и положил на пол, достав из последней корзины небольшой тазик, он поудобнее примостил жертву на его краю и принялся перепиливать овце горло. Было видно, что нож всё-таки туповат, а шкура у животного гораздо крепче чем петушиная шея. Михаил смотрел на эти манипуляции с брезгливо-скупающим выражением лица — в принципе он был готов к подобному, как минимум в специальных методиках, полученным в результате его запросов он встречал описания и не таких ритуалов.

Наконец Алексей справился с шеей животного и слив некоторое количество крови, принялся пилить брюхо овечьего трупа. То ли шкура тут была тоньше, то ли из-за того что теперь ножом надо было колоть, а не резать, но дело пошло быстрее. Сделав в тушке надрез, знахарь принялся вытаскивать из него кишки и со странным речитативом наматывать на себя, не забывая периодически окроплять свою голову кровью из тазика. Симохин прислушавшись уверенно опознал в бормотании “Владыки” читаемую задом наперёд “отче наш”. Сам Михаил наизусть знал этот текст, так как однажды участвовал в одной спецоперации, где несколько человек из их службы под руководством странно парочки вывезли в глухую тайгу к подножию какой-то горы и они в течение недели проводили похожие ритуалы, обмазываясь разными составами, хором читая тексты на латыни или перевернутые задом наперёд молитвы, а в конце их пребывания вообще пришлось участвовать в отвратительном ритуале.

Закончив со своими приготовлениями, Алексей прихватив позвякивающий свёрток — последнее, что он привез с собой, вошёл в камеру.

— Мне нужно чтобы он говорил только правду и страшно боялся сказать хоть слово лжи, — напутствовал неопрятного бородача лейтенант.

— Знамо дело, — прогудел своим низким голосом знахарь, — от Владыки ни один человек, тайн удержать не может.

Встав у экрана установки Симохин смотрел как деревенский кудесник раскладывает на столике рядом со стулом к которому был привязан их пленник свои инструменты. В свертке оказались вилки с волнообразными зубцами, иголки по типу сапожных, долото, маленькая

пила и несколько связок высушенных растений. Первым делом мужчина поджёт один из этих сухих пучков, но стоило тому начать разбираться, как он тут же притушил пламя оставив растения тлеть, наполняя камеру сизым дымом. Затем он взял одну из иголок и ухватив безвольную руку пленника с хрустом вогнал её под ноготь указательного пальца.

Глядя на то как глаза парня я широко распахиваются, а по ушам ударяет его крик, Симохин почувствовал странное возбуждение.

Алину захлестывали водоворот событий. Стоило ей обрисовать школьникам проблему, как они тут же развили лихорадочную деятельность. В помещение кружка откуда-то притащили ещё несколько телевизоров с подключенными к ним приставками миниЭВМ, а часть школьников нацепив на головы наушники с ларингофонами тут же принялись переписываться и переговариваться с какими-то людьми.

Девушка к своему удивлению узнала что оказывается в их городе огромное количество народа пользуется этими школьными поделками. И мало того что люди паяют их сами или получают в обмен на сданные в переработку макулатуру и ненужную радиоэлектронику, так ещё и активно улучшают, и разрабатывают новые модули. Так например теперь кроме обмена текстовыми сообщениями между двумя абонентами был создан модуль позволяющий вести радиопереговоры сразу с несколькими абонентами.

Ребята выяснили у очевидцев, что Даня действительно был и городского отделения КГБ, а после того как он туда зашел из здания начали как тараканы выползать сотрудники и расходиться по городу. Некоторые из них были замечены на нескольких стройплощадках. После того как исход был завершён, оставшиеся в здании люди принялись баррикадироваться — одни окна закрыли жалюзи, а на других опустили створки с бойницами из которых вскоре стали смотреть на улицу пулеметные стволы.

— Это точно Данины проделки! — воскликнула девушка, — наверное он начал их корить и взывать к совести. Самые приличные поняли что поступают плохо и решили сменить работу, а остались самые непримиримые. Даня ну них, и наверное они сейчас его пытаются!

Воображение девушки рисовало одну сцену за другой. И почему то во всех них присутствовали одетые в кожаные одежды, статные сотрудники КГБ с плётками и ремнями.

— Ничего выручим, парня, — успокоил её один из ребят поправляя на носу очки.

— Но вы же сами сказали что там из окон пулемёты торчат?! — с ужасом воскликнула Алина, — неужели вы...

— Подвиг Матросова, конечно повторять не будем, — серьезно кивнув продолжил он, — сейчас другое время, да и техника шагнула далеко вперёд, но если надо никто сомневаться не будет. Как говориться “сам погибай, а товарища выручай”!

Как раз в этот момент в комнату вошло несколько мужчин. Из их разговора с ребятами Алина узнала что это оказывается представители ветеранов Афганистана. Само слово “Ветераны” у неё ассоциировалось с убеленным сединами мужчинами пенсионного возраста, типа её дяди или деда, а вот эти парни годящиеся ей в старшие братья вызывали у неё смешанные чувства. Но то что они действительно не понаслышке знают что такое война выдавал их взгляд — на девушку словно смотрел дикий и безжалостный зверь, и кроме этого каждый из них имел какое либо увечье — у одного из них отсутствовала рука, у другого нога, а третий смотрел на мир бельмами слепых глаз из покрытых рубцами и шрамами глазниц.

Хотя калеками в классическом представлении они не являлись, отсутствие руки у первого компенсировалось механическим протезом из полированной стали (кусочек его девушка разглядела когда он приветственно поднял руки и обшлага рубашки сползли вниз), искусственную ногу у второго Алина разглядела в мелькнувшем промежутке между штаниной и ботинком. А “слепой”, так ловко ориентировался на местности и совсем не использовал белую трость, судя по всему благодаря странной шапке-ушанке на голове из которой торчало несколько поблёскивающих объективов, плоховато замаскированных под абстрактные украшения.

Слушая горячие обсуждения собравшихся и провожая глазами вновь прибывающих, девушка с удивлением узнавала, что оказывается Даня был в городе довольно известной личностью. Казалось представители любой организации хорошо его знают и очень ему благодарны за решение их проблем. При всём при этом Шеповалов не являлся ни гениальным изобретателем, ни сверх харизматичным лидером, просто как-то так получалось что он мог заставить людей поверить в себя, не опускать руки в любой даже самой сложной ситуации, а его пытливый ум подсказывал необычайные идеи и изящные решения даже в самых тупиковых случаях. Именно благодаря Дане ветераны афганистана, как и городское общество инвалидов из обузы для общества превратились в один из самых сильных социальных институтов. Искалеченные войной парни получив новые части тел активно влились в обычную жизнь став инструкторами в автошколах, учителями физкультуры и трудов, а бывшие ранее обузой для родных и государства инвалиды теперь активно поднимал промышленности в городе и целину на районе выходя в передовики производства. Про одного такого мужчину из-за автоаварии потерявшего ноги, а теперь благодаря механическим протезам управляемыми с помощью считывателя нервных импульсов спинного мозга и теперь работавшего комбайнером говорили, что если ему и руки отрезать и заменить механическими то он не то что две нормы, он три нормы делать будет.

Постепенно у собравшихся стал вырисовываться план по освобождению Дани из застенков спецслужб. Так как силовой вариант был исключен — это ничто иное как мятеж против действующей власти и никто разбираться с мятежниками не будет, какими бы благородными ни были их мотивы, когда дело дойдет до верха, не будет. А то что происходит в городе обязательно дойдет до высших чинов, тем более что весь город уже бурлил как кастрюля с перезрелым тестом. Как оказалось телевизионные приставки миниЭВМ благодаря усилию местной пионерской организации и любителям домашней электроники были почти в каждом доме и каждой квартире, где имелись дети школьного возраста. Школьники рассказывали своим родителям последние известия, которые узнавали в сетевой коммуне “ВШколе”, так что по всем квартирам уже шептались о беспределе соответствующих органов, а множество диванных теоретиков и критиков изливало в межЭВМную систему связи (её уже окрестили “Неводом” по аналогии с тем как сетка из грубой лески гребёт в себя как речную рыбу, так всякий мусор и дрянь) свои “гениальные” идеи.

Одну из таких идей и решили взять за основу плана по вызволению Дани.

Когда у ошестинившегося стволами и запертому на засовы зданию начала съезжаться строительная техника сидящие за баррикадами комитетчики только покрепче сжали в руках оружие ожидая что сидящие за рычагами грозно пофыркивающих машин люди, ринутся на прорыв. Но строители абсолютно не обращали на них никакого внимания, они принялись огораживать участок улицы сигнальными верёвками с привязанными к ним красными

флажками, а затем принялись вгрызаться в асфальт дорожного покрытия. Когда один из сотрудников госбезопасности осмелился приоткрыто окно и крикнуть проходящему мимо рабочему вопрос о происходящем, то ему ответили что проводятся работы по устранению протечки магистрального водопровода. На резонное возражение о том что тут вода не бежит и вообще никаких магистралей рядом со зданием отродясь не было, ему вежливо ответили что прорыв произошел на другой улице, а тут будет проложен участок временного водопровода до устранения аварии. Так как никто агрессии не проявлял то инициативный сотрудник окончательно осмелев сообщил что вообще то для проведения таких работ вблизи режимных объектов требуется специальное разрешение, на что рабочий пожал плечами сообщил что оно конечно имеется и если кто то желает его проверить, то добро пожаловать к прорабу он как раз находится на другом конце быстро растущего котлована.

Я держался из последних сил когда в камере обвалился потолок и через пролом внутрь начали заскакивать люди в странной спецодежде. Заплывшими глазами я с трудом различал что происходит вокруг, но вдруг один из вновь прибывших наклонился надо мной и я узнал в нём Павла Синицина — брата моей одноклассницы, он что-то говорил, но я почему-то ничего не понимал. Видя что я не отвечаю он принялся разрезать удерживающие меня ремни, в то время как в пролом спускались всё новые и новые люди. Они выволокли из соседнего помещения моих мучителей и уложили их на пол обмотав каким-то верёвками.

Когда Павел закончил с моим освобождением, то к нему подошли ещё несколько человек и аккуратно обвязав меня текстильными стропами, прицепили к опустившемуся в пролом крановому крюку.

Подъём сквозь перекрытия подземелья я запомнил смутно — несмотря на то что я мог довольно неплохо контролировать тело реципиента на уровне физиологии всё равно состояние его ухудшалось с каждой минутой, так что то как меня клали в носилки и запихивали внутрь воющей сиреной машины скорой помощи я не запомнил, единственное что четко отложилось у меня в голове, что мне не отсидеться в тени. И если сейчас мне просто невероятно повезло, то дальше так везти не будет, и мне волей-неволей придется принимать более активные шаги по изменению ситуации и выходить на оперативный простор.

Борт сухогруза Генри В.Корберт

Ребекка Блэкхоуп шла по длинному коридору пронизывающим всё судно. По всей правой стороне коридора было множество дверей с маленьким смотровыми окошками — над каждой дверью горел фонарь одним из цветов зелёный — постоялец внутри, жёлтый — находится на операции, и красный проводятся “воспитательные” мероприятия. К диким крикам из кают с красным огнем над дверью она привыкла уже в первую неделю пребывания на плавучей базе подготовки специального отряда, но вот к чему она до сих пор не могла привыкнуть так это к неожиданному появлению своего заместителя по работе с кадрами — сухонького старичка с насмешливым взглядом и заметным немецким акцентом,

представившегося при их первой встрече Энрике Волльманом. Несмотря на то что на вид ему было лет семьдесят он был необычайно подвижен и имел раздражающую привычку появляться у неё на пути совершенно неожиданно. Так что когда она услышала у себя под ухом его надтреснутый старческий голос она с трудом удержала себя в руках и не выронила из рук бумаги с последними отчетами о набранном континенте.

— Фройляйн Ребекка, — как всегда, вкрадчиво обратился он к ней, — нам необходимы ещё люди...

— В камере предварительного содержания оставалось ещё полсотни новичков, а через два дня придёт очередная партия из главной психиатрической лечебницы Орегона, — отмахнулась женщина от него.

— Вы меня не так поняли, фройляйн, — не отставал старичок в белом халате, — у нас заканчивается младший медицинский персонал. Последняя партия медсестёр была в полном составе списана и бедных девушек пришлось перевести в бараки к “полуфабрикатам”, а я уже настолько стар, чтобы заниматься их работой.

— Не представляю что вы такое делаете, что уже третья партия медперсонала приходится списывать, а ведь наш “продукт” еще даже наполовину не готов, — Ребекка ненадолго задумалась, — думаю их функции могут выполнять некоторые из наших “пациентов”.

— О, найн, найн! — Энрике замотал руками, — это плохая идея, когда я работал со швейне..., — он прервался будто делая над собой усилие, — нельзя давать подопытным даже тени возможности стать на один уровень с людьми.

— Ну тогда берите первые образцы, что были забракованы по результатам инициативных тестов, — сердито заключила она, — всё равно стоят без дела, а с такой работой как втыкать иголки и зашивать разрезы они вполне справятся.

— Но фройляйн, — старичок быстро семенил за делающей широкие шаги женщиной, — они же тупы как пробки и каждое действие им придётся объяснять по нескольку раз.

— Других предложений у меня для вас нет, — отрезала женщина, — или берегите тех людей, что вам дают, или работайте с браковыми “изделиями”, затем видя как скривилось лицо её зама, всё же добавила, — со следующей партией “мяса” придут несколько медбратьев из спецучреждения, думаю они не будут столь впечатлительны как те дуры.

Убедившись что доктор Энрике удовлетворенный её ответом отстал она вновь углубилась в чтение документов что держала в руках. Из них выходило что лучше всего себя проявляли люди с агрессивно-импульсивными расстройствами. В отличие от тех же душегубов они гораздо лучше переносили аугментацию и реже сходили с ума от боли — доктор упорно отказывался от применения обезболивающего или наркоза объясняя это какими-то непонятными медицинскими терминами. Но судя по статистике результатов операций именно психи имели больший шанс перенести операцию, видимо из-за того что с ума им сойти не грозили — сложно потерять рассудок если его давно нет.

Кроме проблем с персоналом, перед ней также стояла проблема и со снабжением — хоть у неё на руках и были бумаги огромной силы, даже благодаря им не всегда удавалось раздобыть то что требуется. Вот и сейчас отдел снабжения составлял одну докладную записку за другой, что листы холоднокатаной стали заказанной неделю назад до сих пор не прибыли, а подрядчики сдвигают сроки объясня это, то забастовкой портовых грузчиков, то лесными пожарами в калифорнии, то автомобильными пробками в лос-анджелесе, так что у Ребекки возникало сильное желание отправить за материальным снабжением когонибудь из

“полуфабрикатов”. Подумав о них она оторвалась от бумаг и сделав несколько шагов заглянула в смотровое окошко на двери с горящим желтым фонарем.

В каюте как раз происходила очередная операция по повышению боевых качеств одного из рекрутированных. На привинченном к полу столу лежало распростертое тело. Все конечности рекрута были зафиксированы специальными зажимами и ремнями, но несмотря на это он всё равно отчаянно дергался пытаясь освободиться. Оно и неудивительно — любой приложит все силы, если ему, предварительно разрезав от горла до паха, будут подключать электроды к внутренним органам. Доктор Энрике считал что подавая электрические импульсы на соответствующие органы можно стимулировать их работу и сделать подопытного гораздо сильнее и быстрее, ну и заодно обеспечить его лояльность, потому что иначе с этим контингентом работать было практически невозможно. Подопытные не слушались никаких команд и в этом даже не помогали сержанты — набранные Ребеккой из гетто где она провела всё детство. Но после операции все становились послушными и исполнительными, конечно только те кто выживал и не сходил с ума от таких методов.

— Джон! Джон! — кричал мордатый сержант, тормоша рядового, — вставай, черти тебя дери! Скоро здесь будет жарко, мы отходим!

— Так точно сэр! — попытался бодро ответить рядовой, но вместо слов из его разбитых губ прозвучала какая-то каша, впрочем, сержант не обратил на это внимания, а в последний раз толкнув Джона быстро пополз в обратную сторону.

Джон с трудом собрав мозги в кучу отправился следом, возблагодарим господ, что сегодня сутра не поленился и привязал ремень своей верной М-16 запасными шнурками к поясу. Теперь во всей этой заварушке он не потерял её и винтовка волочилась за ним. Страшно представить что сделали бы с ним на базе вернись он без стрелкового оружия — вычли бы её стоимость из жалования, а то и лишили бы медицинской страховки. Прогнав страшные мысли из головы, он подтянул оружие к себе и перекинув ремень через плечо быстро пополз дальше.

Эти комми сражались точно звери — у них не было ни обеденных перерывов, ни послеобеденной сиесты, а самой их любимой и самой подлой тактикой было устраивать неожиданные рейды на территорию занятую силами альянса в три, а то и четыре часа ночи, тогда роту Джона подняли по тревоге и им приходилось трястись в грузовиках ежесекундно ожидая не раздастся ли из темноты пулемётная очередь, или не вынырнет откуда-нибудь танк. Как это был в шестой роте на расположение которой эти сумасшедшие устроили нападение силами одной единственной гусеничной машины, которая появилась из ниоткуда, да подавила кучу спящих солдат, обрушила столовую и зацепив за буксировочный крюк уволокла с собой машину радиотехнической разведки. Генерал Джонсон, говорят после этого случая так орал на совещании, что даже треснул один из экранов передающих его изображение в штаб сил альянса.

Наконец Джон нагнал Сержанта и они наконец добравшись до руин какого-то здания смогли наконец встать в полный рост только за тем чтобы тут же пригнуться и броситься бегом прочь. Отчего они бежали Рядовой не понимал, так как перед тем как его позицию накрыло залпом НУРСов от проклятого вертолёт комми их рота вполне успешно продвигалось вперёд — противостояли им нерегулярные части кровавого диктатора, а какой-то сброд из народного ополчения.

— Сэр? Почему мы отступаем, Сэр? — обратился он на бегу к сержанту.

— Мы не отступаем рядовой, а отходим на ранее подготовленные позиции, — не оборачиваясь к нему пробормотал мордатый, — к ополченцам подошло подкрепление из советских солдат и командование решило накрыть этот район парочкой томагавков...

От услышанного Джон, подпрыгнул и припустил так что чуть не обогнал сержанта, повторяя раз за разом, — о чёрт! Черт! Черт, они решились на атом!

— Спокойно рядовой, ты ещё поживешь, — успокоил его сержант, услышав бормотание Джона, — ракеты будут с кассетной БЧ и нас не должно накрыть, — бодро сообщил он, едва слышно добавив в конце, — если только яйцеголовые умники из центра управления не налажают.

Их разговор прервал быстро нарастающий свист, закончившийся громким “Бум” от которого земля выскочила у них из-под ног и Джона в очередной за сегодня раз чувствительно приложило головой о кучу битого кирпича.

Петро Кузнецов осторожно тронул рычаги и пятидесяти тонная машина осторожно выглянула из-за остатков здания где пряталась до сих пор. От их взвода осталось только две машины — его и Мыколы остальные были подбиты бандитами. Несмотря на все достижения Союза в деле танкостроения, их рота день за днём несла потери в технике и солдатах из-за того что бунтовщиков снабжали противотанковыми гранатомётами просто в ужасающих количествах. Благо хоть они ими не умели толком пользоваться и раз за разом мазали, так же как и мазали несмотря на всю их хваленую электронику из стингеров по прикрывающих их роту отделению “крокодилов”. Правда сегодня прикрывающим их летунам не везло. С утра стоило им выдвинуться в квадрат они нарвались на засаду из настоящих солдат знающих за какой конец ЗРК надо держаться, так что один из вертушек была сбита практически сразу, а остальные расстреляв все боекомплекты по позициям противника ретировались на базу, а коробочки взвода в котором служил Петро двинули выручать лётчика.

Так как танков осталось всего два, а парни из мотострелков отстали, то приходилось быть очень осторожным, особенно в условиях городской застройки. Хорошо хоть все многочисленные города и сёла (а их тут было гораздо больше чем на родине Петро) были малоэтажными, два — реже три этажа вот и всё здание, но зато и деревни так же состояли из довольно красивых кирпичных домиков. Командир танка младший сержант Коля Кузнецов, имел привычку постоянно проговаривать вслух свои мысли. Вот и сейчас Петро краем уха слышал как командир по внутренней связи бормочет о том что ему крайне сильно не нравится окружающая обстановка. С этим механик-водитель был полностью согласен, дымящиеся руины мирного городка это совсем не то что представляешь себе при поступлении на службу. Хотя каждый из них, избравших военную профессию, готовился к тому что придёт время взять в руки оружие, и отправиться на фронт, всё равно каждому было не по себе. Особенно когда гибнут товарищи с которыми ты вчера перебрасываются шутками и ужинал в одной палатке.

Следуя приказам, танки медленно покатали по наиболее широкой улице, при этом их командиры прильнув к прицелам зенитных пулеметов следили за небом — как показала практика, при отсутствии своих вертолётчиков, небо тут же занимали чужие. И если их можно отогнать несколькими очередями из НСВТ, то как правило после них прилетали “бородавочки”, после которых наступал абзац.

Радиомаяк подбитого летуна показывал что они уже близко когда тишину сгоревшего города разорвал грохот выстрелов.

Сначала в конце улицы выскочили несколько уродливых автомобилей, и наводчик в танке Петро только заорал “контакт” как вслед за ними выкатилось несколько приземистых бронемашин, которые сходу принялись обстреливать советские танки.

— Жми направо, — заорал командир, одновременно дав гашетку пулемета — если не зацепить, так хотя бы сбить прицел машинам противника.

Петро стараясь поставить машину “елочкой” рванул рычаги бросая сорока тонную машину под прикрытие руин ближайшего здания. В этот момент оглушительно рывкнула их Д81, заставляя корпус тяжёлой машины содрогнуться. Попал в когонибудь их наводчик или нет Петро не увидел. Зато увидел как мимо их машины проносятся дымные следы от

противотанковых ракет. “Повезло...”, только успел пробормотать он как тут же прикусил себе язык — рядом что-то оглушительно взорвалось, впрочем, это было не что то, а вторая машина.

Командир их экипажа что-то отчаянно орал в рацию, но Петро его не слушал, дергая за рычаги он заставлял буквально танцевать тяжёлую машину, уворачиваясь от снарядов и ракет противника. Вернее уворачиваться то было не возможно, но он хотя бы берёт борта, подставляя под удар прочную лобовую броню, стараясь чтобы угол атаки всегда был максимально острым. Митька наводчик лупил не переставая, и судя по нескольким очагам чадного пламени наносил врагу определенный урон.

Но, к сожалению, им везти не могло. Сначала их машине сбили гусеницу и танк как раз пытавшийся резко рвануть вперёд закрутило на месте. Петро бросило на рычаги и он не успел ничего сделать как в борт моментально прилетело сразу два снаряда. Броню они, к счастью, пробили, но весь экипаж знатно оглушило, да ещё в дополнение к кислому запаху сгоревшего пороха добавился запах каленого железа и сгоревшей проводки. Впрочем, это была наименьшая из бед, так как от попадания заклинило башню, и машина не могла ничего ответить. Противники словно дикие звери почуявшие кровь, принялись лупить из всего наличного вооружения в неподвижного гиганта, доставившего им столько проблем.

Что то кричал командир, Петро дергал в иступлении рычаги, когда очередной снаряд залетел под погон башни и вызвал детонацию оставшихся в боеукладке снарядов. От взрыва с танка сорвало башню и откинуло её на несколько метров в сторону.

Всё это наблюдал со стороны Алексей Савельев — последний оставшийся в живых из экипажа сбитого вертолета. Сжимая от бессилия кулаки он наблюдал как отряд сил противника терзает наши танки. Помочь он ничем не мог, всё что у него было это пистолет из НЗ и яростное желание отомстить. Глядя как закончив с коробочками, машины в непривычном камуфляже устремляются к тому кварталу где он припрятал радиомаяк он жестко улыбнулся, любого кто попытается сунуться к обломкам вертолета ждал неприятный сюрприз. Он прекрасно знал матчасть, а в кассете нурсов ещё оставалось несколько снарядов. Так что приготовить ловушку ему не составило особого труда. За то что пострадают люди из спасательной команды он не переживал на борту машины он написал углем несколько коротких слов понятных только русскоговорящим людям и сообщающих об опасности.

— Что это такое?! — грозно уставился человек с погонами бригадного генерала, на замершего перед ним человека с ворохом бумаг.

— Сэр, отчёты сэр! — бодро отрапортовал тот.

— Не делай из меня большего идиота, дубина! — яростно рыкнул седовласый мужчина с одной звездой на погонах, — я вижу что отчёты! Что это за цифры! Почему наши потери в три раза выше чем подтвержденное количество уничтоженных комми?!

— Но бюро статистики..., — начал оправдываться стоявший перед ним капрал.

— Я знаю чем занимаются эти бездельники и мамочкины сынки! Я сам проходил там практику! Почему наши парни оснащенные по последнему слову техники несут такие потери даже при трёхкратном численном перевесе.

Капралу Дональду оставалось только развести руками. Готовясь предоставить отчёты генералу он сам подробно изучил все бумаги и у него сложилось впечатление, что этим русским и поддерживаемым ими армии правительства югославии, то есть “кровавой тирании” он тут же поправился — не следовало даже мысленно считать иначе, словно кто-то помогал. Всегда соотношение потерь было в их пользу. Хотя если более глубоко залезть в аналитику то становилось ясно что это был лишь из-за того что комми сражались до последнего, там где силы, антикоммунистического альянса отступали (а по правде сказать бежали бросая оружие и матчасть) эти сумасшедшие словно вгрызались в землю и бились до последней капли крови, напоследок минируя себя и трупы товарищей. Из-за этого среди “миротворческого контингента”, как назывались их силы в официальных документах, даже утвердилось негласное правило не проверять раненых и убитых противников, а забрасывать их гранатам или расстреливать издали из чего-нибудь крупнокалиберного.

Свои соображения касательно причин значительного перекоса в статистике он и изложил бригадному генералу. Генерал Байден, сам долго листал бумаги, и наконец встав у окна своего офиса долго смотрел в него.

— Приготовьте мне проект приказа, — просил он не оборачиваясь.

Капрал Дональд, тут же достал планшетку и приготовился записывать.

— Приказываю, с завтрашнего дня приступить к выполнению директивы Б-15, вскрыть хранилища и начать поставки на аэродромы Агент Орандж, а полевой артиллерии снарядов серии Уайт.

— Но сэр..., несмело начал капрал.

— Никаких, но! — резко оборвал его генерал, — мне чертовски надоело смотреть как гибнут наши ребята, и если эти, — тут он сделал пространный жест рукой, — так сражаются за эту землю, то мы заставим её гореть у них под ногами.

Алексей Савельев, уже третьи сутки пробирался в сторону своих. Тут не было чёткой линии фронта, и казалось все воевали против всех. Он несколько раз видел отряды мужчин в камуфляже, но не решался к ним выходить — было совершенно непонятно к какой стороне конфликта они принадлежат. Хотя они могли оказаться, и вообще какиминибудь бандитами и мародерами и для которых сбитый советский лётчик представлял определенный интерес в качестве ценного приза. По части ходили слухи, что за советскими солдатами идет настоящая охота — коварные янки щедро платят за каждого доставленного к ним пленника, поэтому он не мог рисковать.

Из-за оставленного возле разбитой машины передатчика он не мог связаться со своими, а за все три дня скитаний так и не встретил ни одного советского воина, но зато неоднократно замечал технику и солдат противника. Всё это придавало ему сил идти дальше, благо с собой у него был предусмотрительно взятый из вертолёта НАЗ.

Наконец на четвёртые сутки своих скитаний он вышел к указателю сообщавшему, что до городка, где разместился штаб их группировки осталось пятнадцать километров. Получив эту информацию Алексей воспрял духом — близость штаба обещала безопасности скорое воссоединение с боевыми товарищами.

Но чем ближе подходил пилот к городу тем спокойнее становилось у него на душе. Буйная балканская растительность, благодаря которой он оставался незамеченным всё это

время, начинала демонстрировать признаки увядания и болезни. Деревья сбрасывали свою листву, кусты стояли все поникшие, а трава и вовсе выглядела так, как будто её обработали горелкой. Сначала Савельев списывал это на отсутствие дождей, затем на последствия бомбардировок или артиллерийских ударов, но чем дальше он шёл, тем больной выглядела природа. А когда к печальному внешнему виду окружающей растительности добавился и едва заметный химический запах с каждым пройденным километром становится всё сильнее, пилот с ужасом понял куда, зашел.

Ведь им не раз рассказывали про звериную сущность капиталистических захватчиков, и про то что они ради своих интересов готовы на любые преступления, а он пропускал это мимо ушей считая скучной пропагандой от косноязычного политрука. Но теперь видя следы явной химической атаки он понял куда привела его беспечность. Развернувшись он стремглав бросился прочь. С ужасом осматривая себя на предмет язв, нарывов и проверяя как работают легкие. Вспоминая учения по противохимической защите он на бегу принялся рыться в содержимом НАЗа. К его великому сожалению там не было противохимического пакета, а простая аптечка была укомплектована только бинтами, да раствором йода.

Выбравшись из зоны заражения он нашёл какую то лужу оценив её содержимое как пригодное для питья (в воде плавали головастики и прочая живность), принялся протирать тело и одежду чтобы по возможности смыть химическую отраву.

Закончив с санобработкой он серьезно задумался — если дело дошло до химического оружия, то конфликт переходит в очень горячую фазу — тут и до тактических ядерных ударов недалеко, а значит ему надо во что бы то ни стало попасть к своим, иначе он рискует вляпаться в совсем нехорошие вещи. К счастью, у него была идея как ускорить своё возвращение.

Анатолий Анатольевич Житков сидел в своём кабинете и перебирал тоненькую стопку бумаг. Приказы, распоряжения, служебные — документов день ото дня становилось всё меньше и меньше, как будто жизнь на заводе замирала. И это было странно так как он не далее месяца назад подписал распоряжение о переходе производства на круглосуточный режим работы — местная комсомольская ячейка объявила социалистическое соревнование какая из конвейерных линий выпусти больше автомобилей за квартал. Анатолий Анатольевич тогда только усмехнулся подписывая приказ — несмотря на все его старания производство продукции хронически сбило. А число выпускаемых машин удавалось удерживать в рамках спущенных планов только откровенно закрывая глаза на брак.

Брак, был главной бедой завода, что бы не делал его предшественник, и он сам всё равно качество продукции оставляло желать лучшего. И в этом виноваты были не только криворукие бракоделы на конвейеры, но и “доблестные” смежники поставляющие метизы с такой резьбой, что иного выхода, кроме как забивать их в отверстия, не было. Да дело было и не только в метизах — краски, листовой материал, ткани на обивку, абсолютно всё имело огромный процент брака, а затевать долгие споры, рекламировать негодные материалы значит остановить конвейер. А за такое его точно если не отправят лес валить, то точно снимут с должности, лишат всех наград и осрамят на всю оставшуюся жизнь.

Хотя в последнее время начальник бюро внешней приемки перестала жаловаться на качество приходящих материалов. Генеральный директор уже начал думать что она

смирилась с этим обстоятельством и просто не заявляет об этом на совещаниях, но отчеты предоставляемые ему демонстрировали снижение уровня брака.

“Неужели они решили просто не регистрировать эти факты” — подумалось ему. Нажав кнопку на селекторе он попросил секретаря вызвать к нему начальника ОТК.

Через несколько десятков минут к нему в кабинет зашёл седовласый мужчина.

— Здравствуйте, Игорь Михайлович, — поздоровался он с вошедшим мужчиной.

— И вам доброго здравия, — ответил Начальник ОТК присаживаясь за стол перед директором.

— Ответьте мне на один вопрос, — ехидно взглянув на сидящего перед ним человека, начал Житков, — как у нас на предприятии обстоят дела с браком?

— Да как вам сказать, — развел руками Дубровин, — согласно утвержденным стандартам, выявляем, наказываем...

— Почему по отчётам количество бракоизвещений снизилось на порядок, а карточки разрешения на допуск мне вообще перестали поступать? — с нажимом произнёс директор.

— Тут такая ситуация...

— Ну же смелее, — подбодрил Житков, — не съем же я вас.

— Брака стало меньше потому что его перестали делать, — выдал на одном дыхании мужчина.

— Это как так? — искренне удивился директор.

— Всё началось с того что на завод с очередной партией специалистов прибыл один парень по общесоюзной комсомольской инициативе.

— Комсомольской инициативе? — нахмурил брови Анатолий Анатольевич, — это тут причём? Ничего не понимаю...

— Вот и мы сначала не поняли, а потом всё так завертелось!

— Ну ка поподробнее...

Михаил Прокопьевич работал на железной дороге не уже три десятилетия и имел такой громадный опыт, что мог замечать малейшие детали недоступные другим обходчикам. Вот и сейчас идя вдоль состава и постукивая молотком на длинной ручке по колесным парам, боковым рамам и буксовым узлам он определял на слух не только неисправности вагона, а даже его загрузку и в некоторых случаях содержимое. У одного из вагонов он остановился нахмурившись, что то в отзвуке его инструмента ему не нравилось — не должен был полупустой вагон из состава идущего на запад так отзываться. Решив проверить свои догадок он подошёл к откатным дверям и принялся внимательно рассматривать пломбу.

Как он и предполагал пломба была сорвана — контрольную проволоку кто-то аккуратно разрезал, а затем скрутил замаскировав место соединения грязью. Прикинув по номеру состава куда он направляется, Прокопыч (как его называли коллеги) смекнул что это может означать.

Смело распахнув дверь, не обращая внимания на жалобно тренькнувшую проволоку он заглянул в полутьму вагона разгоняя её штатным фонарем. Ему не пришлось долго искать, среди ящиков занимавших добрую часть пространства он разглядел пару тряпичных куч, самого безобидного вида.

— Не притворяйтесь ветошью! — крикнул он в их сторону, — я вас прекрасно вижу. Давайте, вылезайте.

После его слов кучи тряпок зашевелились и из них показались взлохмаченные головы двоих ребят. Парня и девушки лет шестнадцати — семнадцати на вид.

— Эх, вы! — начал корить их обходчик, — небось комсомольцы уже, а зайцами ездите, пломбы охранные срываете! Не стыдно вам?

— Мы на фронт едем! — немного испуганно, но зато с чувством собственного достоинства ответил парень, — нашим помогать.

— Подрасти сначала помощник, — махнул рукой Прокопыч, — да и коль уж решил на фронт попасть, зачем девку то с собой взял?

— Я не девка! — храбро вступила в разговор девушка, — я тоже комсомолец и сдала все нормы ГТО на золотой значок!

— Эх вы, — покачал головой мужчина, найдётся кому воевать, а вам учиться надо, деток рожать, да на заводах работать. А война... война вас подождёт...

Тут он словно опомнился, — вы мне зубы не заговаривайте! Брысь из вагона! Сейчас отведу вас в диспетчерскую, а там вас уже к мамкам и отправят. А мне ещё акты составлять, вагон заново опечатывать...

— А можно тогда забрать ГРИШУ? — переглянувшись спросили ребята.

— Гришу? — нахмурился Михаил, — вас тут трое что-ли? А ну Гриша, выходи!

— Он сам по себе не ходит, — едва сдерживая улыбку ответил парень.

— Что?

Но он только махнул рукой и достав из кучи тряпья которой то ли ночевал то ли, прятался какой, то пульт с уходящими в кучу коробок кабелями свитыми в единый жгут, принялся щелкать на нем кнопками и переключателями. Тот час словно по его команде (а скорее именно по ней) из-за штабелей с армейскими ящиками начало подниматься нечто.

Михаил Прокопьевич за свои без малого полстолетия видел немало. Видел вставшие на

дыбы паровозы, видел новейшие козловые краны, и достижения в область отечественного производства сельхозтехники. Но ему ещё н доводилось видеть чтобы это всё было объединено в одной машине. То что сейчас тяжело ворочалось среди ящиков, раздвигая их больше всего напоминало смесь зерноуборочного комбайна и козлового крана, а издаваемые им звуки прочно ассоциировались с электровозом.

— Это ещё что за..., — не сдержался Прокопыч когда на него явственно “посмотрела” голова чудовища с тремя огромными ярко-красными глазами и вся утыканная какими-то отростками, шипами и нащепками неправильной формы.

— Это ГРИША! — с гордостью заявил парень.

— Мы сами его сделали, — добавила девушка с явным восхищением смотря на ползущее к выходу страшилище.

— Какой нафиг Гриша, — оторопело пробормотал Прокопыч пятясь к выходу от лезущего на свет гиганта.

— Самый обычный серьёзно ответил парень, — Гигантский Робот Инженерно-Штурмовой, мы собрали его по схемам из невода, всем кружком собирали — хотели на выставку отправить, но потом решили что надо помочь нашим бойцам на фронте. Ведь они сражаются с капиталистическим ордами.

— Долг каждого комсомольца — приложить все силы к процветанию нашей великой родины и защите её рубежей, — серьёзно продолжила девушка.

Страхолюдина наконец выбралась из вагона наружу и выпрямилась в полный рост. При свете дня Прокопыч смог рассмотреть механизм лучше. Больше всего это походило на гипертрофированного человека сделанного из решетчатого каркаса. Внутри его конечностей были заметны различные провода, тяги и троса. Содержимое “туловища” рассмотреть не удавалось из-за пущенных в нахлест, наподобие рыбьей чешуи множества пластин прикрывающих его со всех сторон.

— Да ребята..., ну вы отчебучили..., — у обходчика прост не было слов. Он, конечно, ожидал увидеть зайцев желающих попутешествовать по стране в недрах вагона или даже рвущихся на фронт “сынов полка”, но не вот это вот.

— Стойте тут! — строго он приказал им, — я сейчас.

Он бегом бросился к ближайшему распределительному пункту путевой сигнализации и раскрыв железный ящик тут же схватил трубку телефона прямой связи с диспетчерской.

— Пятая слушает, — усталым голосом ответили ему на том конце линии.

— Холмогоров Михаил Прокопьевич, — назвал себя обходчик, — вызовите патруль к четвертому разъезду, на пятый путь.

— Что у вас случилось? — из голоса диспетчера пропала вся сонливость.

— Зайцев, что на фронт собрались, снял, — ответил мужчина.

— Чего Прокопыч со сопляками справиться не можешь? Совсем старый стал, — по голосу диспетчера было понятно что она улыбается.

— Патруль вызови, — Михаилу было н до смеха, — тут ситуация...

— Ладно жди, — сейчас вызову, — пообещала девушка.

Прокопыч вернулся к вагону у которого понуро стояли ребята.

— Да, детишки, столько лет на железке работаю, а такого чуда не видел, пораженно сказал мужчина, он всё ещё не мог прийти в себя от увиденного, — это сколько ж такая махина весит?

— ГРИША, несмотря на свои габариты и начинку весит совсем немного — всего триста

килограмм, — оживилась девушка стоящая рядом с механическим уродцем, — всё благодаря композитным материалам и литью в вакууме...

— Сколько мы с этими вакуумными насосами провозились, — пробормотал парень, — я же говорил проще было лить на вибростоле! Гораздо быстрее бы получилось...

— Тогда бы мы не получили такого модуля упругости у преднапряженных элементов!

Было похоже, что эти двое продолжают ранее начатый спор и могут заниматься этим неограниченно долго. Прокопычу, глядя на них сразу вспомнилась его Марфа Сергеевна — с которой они тоже могут спорить до хрипоты по любому поводу, но всё равно до сих пор, как и когда то в молодости, нежно любят друг друга. У стоящих перед ним молодых людей тоже дело шло к венцу, во как они сверкая глазами и импульсивно выкрикивают свои идеи.

Как раз в разгар их дискуссии к вагону подошел отряд из нескольких солдат под руководством небритого капитана.

— Так что у вас тут происходит? — сразу взяв быка за рога, обратился он к Прокопычу.

— Да вот, зайцев снял с поезда, — указал на ребят мужчина, — забрались в опломбированный вагон хотели на фронт попасть, врага бить как Гайдар!

— Плохо что вагон вскрыли, — серьезно сказал капитан, — а ещё хуже что разгружать начали военное имущество, — он кивнул на стоящего рядом с открытой дверью Робота.

— Эй, — тут же возмутилась девушка, — ГРИША это наше имущество! Мы его сделали и на фронт везли, чтобы он империалистов бил! Мы же не настолько глупые чтобы самим на передовую лезть.

— Достижения советской инженерной мысли это и есть самое лучшее оружие! — патетично воскликнул парень, явно рисуясь перед опешившими солдатами.

— Сами сделали? — выпучил глаза капитан.

— Конечно сами, — кивнул парень, — весь школьный кружок моделистов-конструкторов старался. Сначала мы его к выставке готовили, но затем как Сенька рассказал что на его брата похоронка пришла с фронта всем кружком решили что негоже больше советским солдатам гибнуть, пусть воюют роботы. Поэтому мы изначально инженерную машину оснастили бронёй и несколькими дублирующими системами дистанционного управления и робот приобрёл качества штурмовика.

— И сделав его вы решили отправиться на фронт?

— Ну да, — согласно кивнул парень, — чего тянуть, за одно и испытания боем проведем.

— А вам не пришло в голову, что на войне гибнут...

— Мы же не на передовой сидеть, будем, а вдалеке в бункере управления, а под вражеским огнём ГРИША будет...

— На войне не только погибают, но и убивают, — вкрадчиво продолжал капитан.

Парень с девушкой переглянулись и небритый военный с удивлением заметил вспыхнувшую в их глазах решимость.

— Знаете, — со странными интонациями в голосе начал парень, — сейчас среди молодёжи, конечно, много всякой патлатой, хипующей плесени, мутных фарцовщиков и прочих элементов которых хлебом не корми, а дай поваляться на диване с бутылкой вермута... Но есть и те кто может что то делать руками и думать головой. Нас на самом деле много, просто на фоне плесени нас не видно... Да и мы всегда не хотели внимания, но с появлением невода, ребята с общими увлечениями наконец смогли объединиться, причём не по переписке через почтовые ящики журналов, а в режиме реального времени. Все вместе

мы понимаем что на нас лежит ответственность за будущее страны — если мы так и будем сидеть тихо то страной завладеют ловкие проходимцы всю жизнь привыкшие ловко врать и договариваться с “нужными людьми”. Поэтому, как говорил классик, “пока сердца для чести живы...” мы делаем всё что в наших силах, чтобы потом на старости лет нам было мучительно стыдно что не уберегли, не сумели, не решились. Мы живём здесь и сейчас! И будем делать то что велит нам наш долг граждан самого великого государства в мире!

Закончив свою речь парень гордо приосанился — было видно, что он несколько не сожалеет о содеянном.

— Вы, конечно, можете нас задержать, доставить в отделение милиции, может даже судить, но наших принципов вам не изменить, — поддержала его девушка.

Капитан видя такую решимость даже немного опешил.

— Но ведь пара человек и один, пусть даже и мощный и невиданный механизм не смогут ничего изменить...

— А кто вам сказал что мы одни? — удивлённо вскинул брови парень, — я же сказал что чертежи и схемы мы брали из невода. Это значит что кто то их начертил, и разработал, кто-то собрал по ним изделие, испытал его, исправил ошибки и внёс правки. ГРИША ведь не экспериментальный образец, а вполне себе серийная модель. На чертежах по которым работал наш кружок была литера “О1”. Единственное, что машина в реальном бою не опробована, но несколько подобных механизмов вовсю трудятся на некоторых предприятиях и в сельском хозяйстве.

Капитан некоторое время смотрел на них с непроницаемым выражением лица, а затем махнув рукой и оставив рядом с ребятами солдат, отправился к телефону. После долгих минут ожидания и кучи перенаправлений он наконец-то дозвонился до нужного ему абонента.

— Григорьев? Майор Григорьев? Ало, — практически кричал он в телефонную трубку, — Ало! Узнал меня, старина?

— Евсеев? — отвечал ему абонент с другого конца линии, — Ты откуда звонишь?

— Со станции одной железнодорожной, но не в этом дело, тут в общем есть одна проблемка...

Он как смог, объяснил суть своего предложения, и описал проблемы которые надо было решить со стороны майора.

— Ну ты старик даёшь! — захохотал голос с той стороны, — ещё по училищу помню какой ты безбашенный. Поэтому ты до сих пор и капитан!

— Ну елки палки, — в сердцах воскликнул капитан Евсеев, — мы люди или твари дрожащие? Я считаю что так будет правильно, ты тоже разумный и адекватный человек, что ещё надо то?

— Ну, как минимум мнение начальства по этому вопросу будет...

— Да плевать на старых маразматиков, — с жаром в голосе перебил его мужчина, когда они вникали в какой-нибудь вопрос? Для них главное чтобы всё было тихо и спокойно чтобы они и дальше могли сидеть в своём болоте!

— Ну не все из них старые маразматики, — сердито ответили ему, есть и вполне молодые кадры...

— Которые сволочи и лизоблюды, — продолжал напористо убеждать своего собеседника капитан, — ты пойми, задави мы сейчас инициативу у молодёжи, так они и больше пытаться не будут, а всякая сволочь и шушера, всегда себе тропинку найдёт! Вот и

получим в итоге что нормальные люди будут сидеть и молчать, а плесень всякой буйным цветом цвести!

На той стороне долго молчали, а затем решительно произнесли, — а знаешь, давай так и сделаем как ты предлагаешь, действительно живём один раз, а хуже, чем сейчас уже не будет!

Поговорив ещё несколько минут и обсудив детали, капитан повесил трубку и вернулся к вагону.

— Значит, так ребята, загоняйте эту шуковину обратно в вагон, и пойдёмте к остальным, не в товарном же вагоне вам остаток пути проделывать.

— Вы нас не арестуете? — с удивлением произнёс парень.

— Нет, — решительно рубанул ладонью, перед собой, воздух, капитан, — вас арестуешь так умудриться из-под стражи сбежать и всё равно на фронт отправитесь, только тогда будут пострадавшие и всякое-такое безобразие. Уж лучше вы спокойно на место в поезде придёте, а там уже по месту смотреть будем.

Вся компания отправилась к голове поезда. По пути парень шепнул девушке, — вот видишь, всё наладилось, а ты всё говорила “давай дирижаблем полетим! Давай дирижаблем полетим! В тесноте зато без приключений!”.

— Ну вот и посмотрим кто быстрее добрался, — ответила ему таким же шёпотом девушка, — остальные то небось уже на фронте всю врага громят, пока мы тут по отстойникам и запасным путям путешествуем.

Объект 314, стоял рядом с небольшим рвом и курил сигарету. Внутри у него наконец то за долгое время царил покой и умиротворение. Этого ним не бывало с тех самых пор как федеральные агенты выследили его словно стая псов койотов и схватив поместили в ту дурацкую психиатрическую лечебницу. Конечно, ещё был суд, экспертиза и прочие дурацкие вещи которые промелькнули мимо него как одно из тех видений, что частенько посещали его голову после затяжки какой-нибудь дурью. В психушке было фигово — чертовы негры санитары вымещали на нем всю злость, что копили на нормальных белых людей. Но когда он оказался в тренировочном лагере этой суки Блэкхоуп то понял что всё что было с ним раньше это цветочки. Что там с ним только не делали. Сначала его засунули в дурацкие железяки, затем чертовы садисты вырезали из него половину ливера, запихали внутрь кучу всякого дерьма и даже пытались залезть в мозг, для чего насверлили в черепе кучу дырок и напихали туда своих проводов. Но у них ничего не вышло. Он Объект 314 (его имя, что дала при рождении матушка почему то стерлось из воспоминаний), всем им покажет! Сейчас он докурит, выкинет окурок на тела этих чертовых комми, и пойдет по своим делам. Например, в квадрат 15-Б, где по донесениям была замечена пехота противника. Но это его собственное и абсолютно не навязанное решение.

Выбросив окурок и захлопнув лицевой щиток, фигура полностью закованная в тяжелые металлические латы развернулась и быстрым шагом, совсем неожиданным на первый взгляд для такой огромной горы железа принялась удаляться от неглубокой канавы заполненной окровавленными телами. Но не успел Объект 314 пройти и пары десятков метров как его чуткие сенсоры заменяющие тому что когда то было человеком, уши уловили странный звук. Тут же активировав целеуказатель на стрелковом комплексе и вытащив из ножен широкий и длинный меч он принялся озираясь ощупывая всеми доступными сенсорами окружающее

пространство. Наконец определив направление откуда исходил звук он, поднял голову к небу.

Из разрыва облаков показался кусок серо-голубой туши воздушного судна. Мысленно достроив недостающее он с удивлением уставился на довольно большой дирижабль (метров пятидесяти длиной) который в данный момент пролетал над ним. Но не сам факт летающей машины был удивителен и даже не кривоватая надпись “КИРОВ” на его борту, а то что вместо гондолы к воздушному судну был прикреплен большой металлический человек. И этот человек явно смотрел на него. Смотрел очень не добро, совсем как тот федеральный агент, что застал его возле той маленькой фермы в Луизиане где он славно повеселился с тупыми деревенщинами и развесил их потроха на близлежащих деревьях.

После того как меня вытащили из подвала прошло несколько дней. И эти дни были наполнены событиями как никогда.

Для начала, сразу как меня извлекли из подземелья оно было затоплено с помощью временной напорной линии из городского канализационного коллектора — мои спасители предполагали что бандиты скрывающиеся под личинами сотрудников КГБ (Ну не станут же настоящие защитники страны пытаться в подвалах детей?!) попытаются броситься в погоню. Затем меня доставили в больницу вокруг которой силами дорожного управления и коммунальной службы был возведен настоящий оборонительный редут и организовано оцепление. Благо хоть эти меры не понадобились. Врачи диагностировали у меня только неопасные для здоровья раны. Конечно, пальцы на руках и ногах у меня были отструганы точно карандаши, а всё тело покрывали оспины небольших ожогов, но всё это было не смертельно так что наложив несколько повязок и помазав какой-то вонючей мазью меня отпустили. Вернее передали на руки сопровождающим.

Сам я в то время пожалуй ничего не мог, даже говорить — сорвал голос пока, кричал. Конечно, я в некоторых пределах мог управлять физическими процессами происходящими в теле реципиента, но блокировать проводимое на меня воздействие было за пределами моих возможностей.

Так что тот день закончился для меня в штабе городского комсомола. Там была небольшая комната с несколькими диванами где можно было отдохнуть, а то и переночевать на тот случай если собрание комитета затянется за полночь.

Вместе со мной в штабе осталась Алина и несколько парней из ветеранской организации. Судя по поблёскивающим конечностям и частям тел они были из тех для кого я организовал в гаражной мастерской небольшое производство протезов.

На следующий день ко мне было устроено настоящее паломничество. Первыми, конечно, примчались родители реципиента — Алина сообщила им что со мной не всё в порядке. Мама когда увидела меня всего в бинтах тут же принялась ахать и охать, да и отец сильно переживал и всё пытался узнать как это я так сумел пораниться. Но Комсорг ловко их заболтала (чувствовался немаленький опыт) выставила прочь аргументировав что мне нужен покой. Так что они даже не успели поинтересоваться почему это я не в больнице и почему всё здание в котором размещался штаб по периметру окопано широким рвом заполненным кипящей водой. Неравнодушные жители из коммунальных организаций всю ночь крепили оборону — видимо их так впечатлило то что они увидели в здании городского отделения КГБ, что они ожидали буквально битвы районного масштаба. Но как то всё обошлось (на самом деле ничего не обошлось, но об этом я узнал позднее).

Вслед за родителями ко мне начали приходить одноклассники, товарищи из школьного кружка, знакомые из других школ и вовсе не знакомые ребята, которые тем не, менее слышали обо мне и даже принимали участие в моём спасении — передавали по эстафете донесения, наблюдали за обстановкой, опрашивали свидетелей и тормозили родителей чтобы те что-нибудь узнали или сделали.

Всем этим паломничеством руководила Алина, словно это не я был её замом, а она моим помощником.

Посетители приносили мне фрукты и сладости вместе с пожеланиями выздоровления и

спрашивали чем они ещё могут помочь. Я для каждого находил несколько добрых слов и просил их быть честными и ответственными людьми, не бояться бороться за правду и поступать так как велит совесть — больше просьб у меня не было. К сожалению, от того что со мной делали я ещё не восстановился и при малейшей попытке подключиться к нейрооблаку или просканировать нейрообраз когонибудь из окружающих людей, меня тут же скручивало от мощнейшего спазма. Так что мне оставалось только надеяться что со временем мои способности восстановятся, а пока из всех инструментов у меня оставался только разум. С ним конечно тоже были определённые проблемы — в голове плавала муть от запаха вонючих трав и частых ударов по лицу, но постепенно я приходил в норму.

Алина, помимо того что хлопотала вокруг меня, успевала ещё и координировать ещё несколько комсомольских отрядов в других районах города. Как оказалось сотрудники КГБ меня активно ищут так что несколько человек замотанных в бинты в сопровождении комсомольцев переодетых в дворников и электриков постоянно мелькали в разных районах города. Это удавалось ей благодаря “Неводу” — системе родившейся из межЭВМной связи.

Поначалу те приставки телевизору, что удалось сделать кооперации нескольких школьных кружков были исключительно локальными “машинами в себе”. Затем кто-то предложил записывать накопленную на одной машине информацию на магнитофонные кассеты, чтобы передавать её между машинами. Затем было создано несколько конвертеров сигналов для телефонных линий и даже городской электрической сети. Но всё это было не очень удобным в использовании, требовало точной настройки и глубокого понимания физики процесса. Да и было устроено не очень надёжно, так как часть информации терялась на телефонных АТС, и трансформаторных подстанциях, так что вскоре все перешли на радиосвязь. Правда оказалось что на длинных, средних даже коротких волнах и так уже полно всяких сигналов, а и со стороны соответствующих организаций за ними осуществляется контроль, так что пришлось переходить на ультракороткие волны и полностью оккупировать частоту в 24 Гигагерца. Дальность такой связи была не высока, но за счёт того что в каждом доме была как минимум одна приставка, то устанавливая соединение по типу “мост” можно было связаться с любым абонентом сети.

Именно благодаря появлению этой общегородской сети и стало возможным моё спасение. Но городом вся сеть не ограничивалась. Так как приставки миниЭВМ быстро стали популярными у радиолюбителей и простых школьников которые получали их обменивая на вторсырьё, а то и делая сами по открытым для всех схемам которые сотнями штук рассылали по почте всем желающим, то и в других городах тоже стали появляться локальные сети из обладателей компактных устройств.

Объединить несколько городов придумал один из учеников соседней школы Рома Тельников. Для этого он с другими ребятами построил в одном из гаражных кооперативов расположенных за городом довольно интересную конструкцию. Основой для неё послужили наработки его отца который частенько ездил в командировку в Комсомольск-на-Амуре где работал над каким-то “страшно секретным”. Но как водится в таких случаях домашние всё равно примерно представляли чем занимается их муж и отец. А так как отец у Ромы был инженером радиоэлектроникой и поддерживал занятия сына в радиокружке то он и подсказал ему способ как они могли бы держать связь, во время командировок, практически через весь союз.

С помощью ребят над гаражным кооперативом довольно быстро появилась ажурная конструкция из множества металлических мачт связанных словно сетью антенным

проводом. Это была первая антенна загоризонтной высокочастотной связи.

После этого расширение “Невода” — как обозвали систему межЭВМной связи за антенны похожие на рыболовные сети, началось с невиданной скоростью. Город за городом, посёлок за посёлком подключались к общесоюзной вычислительной сети. Сначала десятки и сотни, а затем уже и сотни тысяч добровольцев и энтузиастов, рассчитывали, проектировали и паяли всё новые модификации как самих миниЭВМ, так и различных модулей для них. Там где не справлялся один человек многочисленное сообщество быстро приходило ему на помощь. Тут же в сети образовывались клубы и кружки по интересам. Теперь когда ни расстояние, ни доступность связи (что не сравнить ни с почтой, ни с телеграфом и уж тем более с междугородними телефонными звонками) больше не мешало людям в стране началась так называемая бытовая революция.

То что раньше было уделом маленькой рубрики “советы домашнему мастеру” в какомнибудь журнале или городской газете, или выходящей скромным тиражом тоненькой книжке на плохой бумаге, теперь получило название “Полезняки”. Благодаря подробным и обоснованным не только на личном опыте, но и на расчётах компетентных специалистов, мог покрыть титановым напылением кухонный нож, сделать в стене отверстие для анкера не используя ни перфоратор, ни дрель с молотком и даже избавиться от кротов на садовом участке гуманным и стопроцентно эффективным способом.

Так же теперь люди могли обмениваться вещами находя партнеров по обмену по всему союзу.

Конечно, Неводем попытались воспользоваться и нечистые на руку дельцы и фарцовщики, проворачивая “мутные” схемы, а то и вовсе пытаясь организовать в сети незаконную торговлю. Сообществ сразу возмутилось таким попыткам, и нечестные пользователи были сразу исключены из сетевых объединений граждан. Но доморощенные коммерсанты всё равно лезли в сеть различными способами добывая терминалы доступа. Конец этим попыткам положило изобретение довольно забавного устройства. Оно представляло собой браслет надеваемый на руку и имеющий с внутренней стороны несколько групп контактных площадок. Помимо контактов в неё было несколько терморезисторов. Вместе с этим браслетом было выпущено глобальное обновление для всех миниЭВМ которое позволяло получать полный доступ ко всем ресурсам сети только для пользователей работающих в таком браслете. Сам браслет считывал множество параметров пользователя — пульс, давление, температуру, электрическую проводимость кожи и некоторые иные. Из этих параметров формировался уникальный для каждого человека профиль который в виде длинной записи в регистре распределенном в цепочке непрерывных блоков выстроенных по определённым правилам. При этом связь между блоками обеспечивалась не только нумерацией, но и сумму ячеек данных посчитанную функцией свёртки. Все эти данные хранились распределено среди всех машин сети так что изолировать и как-то изменить их было нельзя.

Благодаря этому все нежелательные пользователи быстро обнаруживались и навсегда исключались из сообщества адекватных людей. После чистки пользователей в сети остались только те кто приносил пользу сообществу и поддерживал его принципы. А принципы были довольно простыми — каждому по потребностям, от каждого по способностям. Так как первыми пользователями и фактически родоначальником сети были пионеры и комсомольцы, верные принципам коммунистического общества то многие заложенные в архитектуре сети особенности были продиктованы именно идеями всеобщего благо и

коллективной добросовестности.

Кроме того что Алина координировала работу по сокрытия моего истинного местонахождения она также занималась и выяснение причин произошедшего. Но с этим было всё сложнее. Официальные власти или не шли на контакт или были попросту не доступны для оперативного решения вопросов. Так как в больших кабинетах сидели в основном ретрограды преклонных лет до зубовного скрежета боящиеся всего нового, естественно ни о каком подключении их к Неводу не могло быть и речи, а личная встреча была невозможна по той причине, что они попросту не принимали обычных людей. Так Алина даже будучи городским комсоргом не могла поговорить ни с начальником МВД, ни с главным прокурором, ни даже, с председателем исполкома. Единственное чего она добилась так это получить запись через две недели на подачу заявления о предоставлении места на встречи городской комиссии по делам муниципалитета с председателями инициативных групп граждан. Всё это естественно было неприемлемо, так что после некоторых споров мы решили ехать в Москву.

— Ты пойми, — убеждала меня девушка, — те кого ты заинтересовал, так просто от тебя не отстанут, да и водить их за нос бесконечно не получится...

— Да и не только немного поправиться, — слабым голосом пытался возразить ей.

— Да даже когда ты поправишься, всё равно ничего не сможешь с этим сделать.

— Кое что смогу! — как можно увереннее произнес я.

— Я уже видела что ты можешь, — внезапно спокойным голосом произнесла она, от чего я весь внутри похолодел, — но даже твоей способности есть предел.

— Моей способностью..., — осторожно произнес я наблюдая за её реакцией.

— Способностью пробуждать в людях совесть, — серьёзно произнесла девушка, — я уже всё узнала от ребят в радиокружке.

— Ну коль ты знаешь, то давай не будем больше об этом, — я поморщился показывая что эта тема мне неинтересна. Хотя на самом деле в этот момент лихорадочно рассуждал что бы такое выдумать если Алина всё же решит узнать подробности. Ведь она на основании крайне неполных данных пришла к абсолютно неверным выводам.

Но к моему счастью она всё же переключилась на другую тему, а мне чтобы она не вернулась к предыдущему обсуждению пришлось соглашаться с каждым её предложением.

— Поэтому нам надо добраться до московского отделения комсомола. Там у меня есть несколько знакомых, и с их помощью мы как минимум сможем попасть к кому-нибудь из начальства компетентных органов. Ведь ты сделал столько полезных вещей, а эти... эти..., — она не находила слов, чтобы выразить своё возмущение. Судя по всему ей рассказали что происходило в подземелье, — уверена там разберутся ведь это всего лишь ошибка и перегибы на местах.

К сожалению, я не был так уверен, что это инициатива местных кадров. Всё происходящее носило следы системы. А значит это централизованная политика, построенная именно с этой целью.

— Хорошо, но как мы туда доберемся? — попытался немного приземлить девушку, — ведь меня разыскивают по всему городу, а значит все вокзалы перекрыты.

— Помнишь Славу Гредягина? — хитро улыбнувшись спросила она.

Покопавшись в памяти я припомнил высокого и кудрявого словно молодой бычок парня, первого хулигана и бездельника на районе. Несмотря на свой аморальный образ

жизни он тем не менее состоял в комсомоле позоря эту организацию самым фактом обладания комсомольским билетом. Его вместе с другими таким же хулиганами и великовозрастными бездельниками я жестко обработал сделав идеальным комсомольцами и отправив нести свет учения, прилежности и дисциплины в другие города в рамках всесоюзной комсомольской инициативы.

— Помню такого, он вроде бы уехал поднимать производство на какой то кирпичный завод в дагестане.

— Вот! — важно подняла палец девушка, — у него есть брат, Дима Гредягин, очень порядочный и ответственный мальчик увлекающийся авиамоделизмом. К сожалению, Слава не признавал его увлечений и постоянно мешал — ломал модели, высмеивал увлечения и всячески шал. После того как брат уехал и у него появилась эта твоя миниЭВМ, он сумел здорово подвинуться в своём хобби и даже нашёл единомышленников. Один из них работал на некоем заводе № 156, он и подсказал Диме несколько интересных решений, благодаря которым он смог построить что-то типа автожира...

— погоди, а ты откуда об том знаешь? — перебил я девушку.

— Так ведь и у меня есть миниЭВМ, и я состою в товариществе нашего города и периодически читаю новости. А о Диме и его летающей вороне не писал только ленивый.

— Причём тут вообще это, — окончательно запутался я.

— А притом что для поездки москву нам не нужны никакие вокзалы, да мы и не поедем в буквальном смысле этого слова.

— погоди, не хочешь ли ты сказать..., — начал я.

— Ага! — она радостно улыбнулась Алина, — я всегда мечтала о полёте! Так что давай отдыхай, набирайся сил, а завтра, ну или в крайнем случае послезавтра мы вылетаем!

— Думаешь сможет так добраться до самой столицы?

— Наверно это будет непросто, — согласилась она, но мы и не будем лететь прямо в москву, нам главное выбраться из города. И там уже сядем на поезд на какой-нибудь небольшой станции.

Этот план был вполне выполним, так что я согласился с ним. Дело осталось за малым — более или менее прийти в себя и как можно скорее восстановить свою способность по подключению к нейропространству.

К моему счастью на неделе зарядили дожди и погода стала совсем нелётной, так что у меня было время немного подготовиться. За несколько дней я наконец вернул свои способности, правда внутренней энергии позволяющей влиять на нейрослепки людей у меня осталось очень и очень мало, так что я пока отложил до лучших времён часть своих проектов, благ мне было чем заняться.

Паломничество ко мне продолжалось, хоть и не в таком количестве. Но всё равно каждый день ко мне приходило довольно много людей. С каждым я старался поговорить, как то помочь, хотя не забывал я и о решении своих вопросов. Так ребята из нашего радиокружка принесли мне несколько нейроусилителей собранных по разным схемам и в разных форма-факторах. Особенно один из них пришёлся мне по душе — выглядел он как толстенький металлический обод с тремя вертикальными зубцами собранными в одну группу. Надевался он на голову и с ним вид у меня был, по словам Алины, как у “Кощея-бессмертного”. Всё-таки нервно-психическое истощение сказалось не только на моём разуме, но и на физическом состоянии тела реципиента. Так что я действительно выглядел как сказочный злодей — тощий, с выпирающими костями и горящими диким энтузиазмом глазами. А в

стальной “короне” на голове вид вообще был сюрреалистический.

Но наконец погода наладилась, я достаточно окреп, и восстановился, так что пора было вылетать, тем более что Алина заявила что равнодушными гражданами рядом со зданием где я нашёл убежище, были замечены агенты КГБ.

Следующей ночью, мы под покровом темноты вышли из здания и погрузились в тихо приземлившийся рядом с нами аппарат.

Я с большим удивлением осматривал машину на которой нам предстояло совершить свой вояж. Конечно, в силу определённых причин, я был в курсе современных технических новинок, но во автожир размером с легковой автомобиль и похоже аналогичной вместительности видел в первый раз. И несмотря на окружающую темноту в некоторых элементах корпуса приземлившегося перед нами аппарата угадывались вполне себе заводские кузовные элементы. Вообще как будто весь корпус был взят от детища ижевского автозавода, неведь каким образом попавшего в наши края. Но как бы то ни было, мы погрузились внутрь довольно просторного салона, закрыли за собой дверь.

Сидящий на водительском месте парень серьезно глянув на нас посоветовал пристегнуться. И стоило только нам защелкнуть замки ремней безопасности, как водитель, а наверно правильнее будет сказать “пилот”, резко двинул вперёд рычаг газа заставляя двигатель занимавший место в багажнике, буквально взречь толкая машину вперёд. Тут же винт над нашими головами принялся раскручиваться с хорошо слышимым шелестом и машина набирая скорость устремилась по улице. Но вскоре достаточно раскрутив несущий винт от потока набегающего воздуха аппарат наконец оторвался от земли. Заложив крутой вираж пилот развернул машину и подняв её выше устремился прочь из города.

В салоне помимо пилота нас было трое. Кроме меня и Алины с нами был Павел — брат моей одноклассницы. После того как я немного воздействовал на него и помог решить проблему с отсутствием ноги он взялся за ум и принялся активно развивать городское общество инвалидов. Вернее он принялся ликвидировать самих инвалидов путём избавления их от физических недостатков. Вместе с несколькими школьниками и примкнувшими к ним рукастыми пенсионерами они организовали артель по производству различных протезов которые не просто играли роль восстановления функций человеческого организма, а были настоящими аугментациями их физических возможностей. Так он сам получив первую версию протеза ноги наконец смог нормально ходить. Вникнув в механику и электронику совместно с ребятами улучшил его так что смог бегать, прыгать даже ловко танцевать. Но и на этом он не остановился, а продолжил работу над усовершенствованием свой ново конечности.

Конечно, подобный подход был не применим ко всем членам общества инвалидов Кто то получив протез пальцев или экзоскелет с нейроуправлением для парализованных ног. На этом успокаивался и был счастлив просто вернуться к полноценной жизни перестав быть обузой для родных и близких. Но некоторые, подобно Павлу стремились стать лучше, чем они были до того как стали инвалидами. Именно из таких людей в основном и состоял отряд что, вытаскивал меня из застенков, а затем и прикрывал разыгрывая спектакль, чтобы скрыть моё настоящее местонахождение.

Павел напросился с нами, чтобы обеспечить безопасность на случай если я опять попаду в какой-нибудь переплёт и меня потребуются выручать. Несмотря на то, что это было полностью его инициативой (с моей стороны не было ни намёков ни тем более нейровоздействия) я нисколько не возражал, хотя Алина выглядела недовольной и даже что то буркнула себе под нос, что мол “некоторые лезут совсем не в свои дела ”.

Наш полёт продолжался до того как начало светать, так как мы вылетели из нашей области то могли больше не опасаться облавы.

Приземлившись на пустынной такой ранний час дороге, пилот выпустил нас из аппарата и помахав на прощание рукой улетел обратно, обдав напоследок облаком пыли.

— Идём по графику, — бодро сообщила Алина, — направляясь по дороге к виднеющемуся вдалеке сооружению.

Нам с Павлом ничего не оставалось кроме как последовать за ней. Хотя конечно мы были посвящены в общие черты плана, тем не менее всех подробностей мы не знали.

— А ты уверена, что мы сможем купить там билет? — указав на постепенно приближающуюся платформу поинтересовался я, — что-то незаметно здания вокзала.

— Нет там никакого вокзала, — махнула рукой девушка с самым беспечным видом.

— Как же мы тогда поедем?

— Не считайте меня совсем уж глупой! — строго посмотрела она на нас, — конечно я купила билеты на себя и Павла.

— А мне что зайцем ехать? — опешил я одновременно прикидывая хватит ли мне накопленных сил, чтобы убедить проводницу не проверять у меня билет.

— А ты поедешь по билету Вити Перестукина — твой одноклассник любезно согласился сдать в аренду тебе своё имя и документы, — она достала из внутреннего кармана куртки пакет с пачкой документов и билетов.

За разговором мы и сами не заметили как дошли до платформы стоявшей почти что в чистом поле — с противоположной от нас стороне, метров в двухстах были какие то хозяйственные постройки, похоже тут было село с каким то производством, так как помимо платформы на железке был разъезд и домик путевого обходчика.

Спустя некоторое время к станции подошёл поезд. Только завидев его вдали Алина проинструктировала нас.

— Стоянка тут всего минуту, так что залазим в ближайший вагон, а потом идём через поезд в наш.

— А какой наш? — резонно поинтересовался я.

— Четырнадцатый. Купе восьмое и девятое. Павел в восьмом, мы с тобой в девятом.

Когда к станции подкатил состав всё произошло, как предсказывала девушка. Быстро запрыгнув в ближайший вагон мы пробирались по узким коридорам на свои места и усевшись на полки принялись обустраиваться.

Мои способности немного восстановились так что, на всякий пожарный, просканировал нейрооблако остальных пассажиров. При этом заметил одну интересную особенность. Хоть и облако было довольно фрагментарным, что характерно для группы людей не связанных какой либо общей идеей или деятельностью, всё равно между ними было кое-что общее. Почти в каждом кусочке единичного сознания крутилась мысль о колбасе.

Этот феномен заинтересовал меня и пока Алина занималась обустройством купе, получала постельное бельё и выслушивала правила поведения в вагоне от проводницы, я немного погрузился в анализ нейрослепков.

Как оказалось почти каждый из пассажиров в вагоне, какие бы дела у него не были в столице планировал купить мясных полукопченых изделий для того чтобы каким либо образом доставить их родным или знакомым. При этом особенностью приобретения этих продуктов именно в москве было то, что в других городах союза её практически не было. Во всяком случае такого качества и в таких количествах, чтобы покупать её свободно, а не “добывать” через знакомых или ещё каким-то странными путями.

Поставив себе отметку в мысленном списке дел, что следует решить проблему не только

с оснащением жителей товарами народного потребления (впрочем эта проблема уже потихоньку начала решаться), но и с ассортиментом и объемом продовольствия. Хотя совершенно непонятно откуда берется этот самый дефицит, коль по всем средствам массовой информации сообщается о рекордных урожаях и надоях. Это подозрительно и даёт основания сомневаться в объективности этой информации.

В остальном наш путь прошёл довольно гладко, тем более что ехать было недалеко и уже на следующее утро мы подъезжали к самой столице.

В целях конспирации ехали мы не до конечной, а до одной из станций в подмосковье. Так что в отличие от большинства пассажиров встать нам пришлось на час раньше и быстро умывшись так же быстро сойти с поезда на очередной минутной остановке.

Вот только выйдя из вагона мы обнаружили довольно зловещую картину. Помимо небольшой кучки встречающих, таких же, как мы ранних пташек на платформе стояло несколько мужчин в серых двубортных костюмах насквозь казенного вида. Алина попыталась сделать вид как будто мы ничего не понимаем и принялась легкими тычками направлять нас с Павлов в противоположную сторону. Но я только махнув вниманием по их нейрооблаку. Сразу понял что они по нашу душу и уйти от них не удастся.

Чтобы не провоцировать конфликт, я успокаивающе положил руку на плечо девушке и прошептал: "мы не будем убегать, пойдем им навстречу". Тяжковздохнула Алина подчинилась, видимо решив что все старания предыдущих дней проделаны зря. Но я в отличие от неё не отчаивался. Хотя я и не проводил углубленного сканирования, тем не менее, не обнаружил на поверхностном слое их нейропространства никакой агрессии.

Стоило только нам подойти к этим товарищам ближе, как один из них представился.

— Здравствуйте. Я товарищ Иванов, — серьезно произнес он оглядев нас с ног до головы, — мне приказано сопроводить вас.

— А куда вы нас сопроводите, — голос Алины дрожал, было видно, что она здорово робеет

— Куда следует, — довольно грубым голосом отозвался один из них. Но на него тут же строго посмотрел товарищ Иванов и тот под его взглядом заметно стушевался.

— Извините его, — доброжелательно сказал мужчина представившийся Ивановым, — он у нас недавно и ещё не отвык от старых привычек.

— Но, тем не менее заданный моим товарищем, — я взял Алину за руку, — вопрос всё ещё актуален.

— Не переживайте, нам поручено сопроводить вас на встречу с одним заинтересованным лицом.

Следуя за провожатыми мы сошли с платформы и пройдя сквозь небольшой вокзал вышли на улицу где нас ожидали два припаркованных автомобиля.

Глядя на машины я почувствовал изменений нейрослепка не только у Алины, но и у Павла. Хотя по мне ничего такого в чёрных и довольно не плохо выглядящих автомобилях не было. Сев внутрь, мы тронулись в путь.

Практически с самого начала пути наш небольшой кортеж съехал с трассы и принялся петлять по узким лесным дорогам. Но не смотря что ехали мы всё через какие-то леса дорога был асфальтированной и полностью пустой. Хотя последнее было наверное заслугой многочисленных знаков запрещающих движение, но упорно игнорируемых нашим водителем.

В пути я как мог ободрял заметно нервничающую девушку. Правда старался делать это

незаметно для наших сопровождающих. Хотя у них вроде как нет на наш счет негатива, не стоит им показывать что они хозяева положения, ведь я мог, несмотря на то что ещё полностью не восстановился, заставить их полностью изменить свою модель поведения и не только стать нашими самыми горячим сторонниками. Но и буквально отдать за нас свои жизни. Хотя надеюсь до этого не дойдёт, ведь это не только неэтично, но и довольно опасно для меня — если перенапрячь свой дар то его возможно потерять. Как минимум мне так казалось, поэтому я предпочитал просто ждать и смотреть как будут развиваться события.

Машины ехали так долго что я не выдержав ожидания незаметно сам для себя заснул, и судя по всему Алина тоже последовала моему примеру.

Разбудила нас резкая остановка и довольно громкий звук работы какого то механизма. Открыв глаза я увидел что несколько солдат отводят тяжёлые металлические створки открывая проезд на территорию какого-то ухоженного парка.

Прежде чем автомобили пустили внутрь, в салон, с каждой стороны заглянуло двое мужчин, оглядев пассажиров и внутреннее пространство цепким взглядом. А протянутую, нашим сопровождающим, им бумагу они изучали наверно минут пять, но наконец удовлетворившись освободили проезд. Машины немного покружив по дорожкам остановились у ладного, бревенчатого домика.

— Приехали, можете выходить, — произнёс товарищ Иванов.

— И куда это вы нас привезли? — с подозрением спросила Алина.

— Думаю вам стоит выйти и вы всё сами увидите, — с усмешкой ответил мужчина.

Я в этот момент пребывал в состоянии лёгкого транса стараясь восстановить как можно больше психической энергии, так как понимал что как бы не развивались дальнейшие события, она мне сильно пригодится. И хоть в окружающем нейрооблаке не чувствовалось враждебности, я всё равно был настороже. Возможно заражаясь подозрительностью и ожиданием неприятностей от моей подруги.

Действительно за прошедшее время девушка мне стала действительно близка, и хоть у неё были странные взгляды на жизнь и ещё обуревали более странные желания (я признаться несколько раз при сканировании окружающего пространства невзначай зацеплял и её нейропространство), тем не менее она хорошо относилась ко мне и желала только добра.

Поднявшись по ступенькам высокого крыльца, мы провожаемые взглядом товарища Иванова вошли внутрь избы. За дверью была просторная прихожая, оканчивающаяся дверью ведущей, по всей видимости в основную часть дома. Вдоль стен стояли деревянные лавки, а возле окна на одной из стен стоял широкий стол. За столом в окружении нескольких стопок бумаг сидел мужчина в военной форме без погон. Стоило нам зайти как он поднял голову от лежавших перед ним бумаг и серьезно посмотрев на нас обратился ко мне.

— Даниил Викторович, пройдите, вас ожидают, — переведя взгляд на Алину с Павлом, указал рукой на одну из лавок, — а ваши спутники пока подождут вас тут.

Алина было вскинулась что-то сказать, но я успокаивающе положил её рук на плечо.

— Всё в порядке, подождите тут.

— Но Даня...

— Верь мне, — шепнул я наклонившись к ней, — всё будет хорошо, я чувствую это.

Конечно, я обманывал её. Единственное что я чувствовал так это то что стены комнаты, куда, мя, приглашали абсолютно непроницаемы для нейровоздействия. Как будто пространства за стеной просто не существовало. Но собравшись с духом я подошёл к двери и распахнув её, решительно шагнул внутрь.

Следующей комнатой оказалась гостиная. Огромная комната была обставлена в охотничьем стиле. С потолка свисали люстры в виде тележных колёс, на полу были расстелены шкуры животных, а на стенах висели их головы и рога.

У горящего камина расположенного по центру комнаты, располагался большой диван, так же застеленный шкурой. На диване развалившись сидел немолодой мужчина.

— Даниил Викторович, — довольно невнятно обратился он ко мне, присаживайтесь, пожалуйста, — он указал на стоящее напротив кресло.

Осторожно пройдя и стараясь не наступать на шкуры мертвых зверей, я прошел к камину и с опаской опустился в кресло.

Сидеть в нём оказалось на удивление удобно несмотря на то что оно было довольно глубоким и сидел я в нём точно в пуховой перине.

— Вы с поезда ничего не ели, — утвердительно произнёс мужчина, — не откажитесь перекусить?

— Спасибо, я не голоден, — отрицательно замотал головой.

— Не переживайте, ваших спутников накормят, — он успокаивающе махнул рукой, видно принимая мой отказ за робость и волнение о товарищах.

— Больше чем еда меня интересует причина Вашего приглашения, — продолжил отказываться я. Хоть, конечно, перекусить я был не прочь, так как мой собеседник был полностью прав — со вчерашнего дня у меня во рту маковой росинки не было, но есть в такой ситуации было бы очень глупо.

— Ну хоть выпейте чаю, — кивнул он, и повернув голову куда то в угол обратился к кому то невидимому, — только чай.

Тотчас из неприметной дверцы в углу комнаты вышла миловидная девушка в фартуке и чепчике и выкатив небольшую тележку принялась споро сервировать стоящий рядом со мной столик. “Только чай” включал в себя большую чашку ароматного, исходящего паром напитка, им же наполненный чайник литра на два, несколько тарелок с бутербродами, тарелку с канале, большое блюдо с разнообразной выпечкой и две корзины с фруктами. После того как стол был накрыт возле меня она поставила на откидную подставку в диване рядом с моим собеседником маленький поднос с единственной чашкой и вторым чайником.

Несмотря на то, что девушка сервировавшая столик было довольно миленькой и одетой довольно смело — когда она наклонялась я, при желании, мог бы далеко заглянуть в её богатый “внутренний мир”. Но меня больше интересовал мужчина напротив.

Окна в комнате были занавешены тяжелыми шторами практически не пропускающими свет, так что она освещалась только одной из люстр да горящим камином. В этом довольно тусклом и колышущемся свете я пытался разглядеть черты лица моего визави.

Было видно, что этот мужчина не молод — отекшее лицо, седина в волосах, по старковски густые брови, всё показывало немалое число прожитых лет. Но когда я глядя ему в глаза попытался подключиться к его нейространству, чтобы считать поверхностную информацию, то едва удержался чтобы не вскрикнуть. Такого мощного нейрослепка я никогда не встречал. Да и само нейространство кардинально отличалось от всего того что я видел раньше.

Если проводить аналогии, то у остальных людей оно было словно коробка из-под обуви, реке ящик или чемодан, то тут я словно попал в огромный зал. Большую его часть заполняло что-то вроде дыма или тумана, но не размеры были главным. А то что нейрослепок сидящего передо мной человека был словно сделан из жидкого огня — не было ни малейшей

возможности, не то что попытаться изменить его, а даже просто прикоснуться чтобы что-то считать.

Я тут же прервал лёгкую медитацию и схватил со стола чашку с чаем.

— Я вас внимательно слушаю, — обратился я к мужчине. И если только войдя в комнату я его не узнал, то сейчас до меня начало доходить кто сидит передо мной.

— Даниил Викторович, — продолжил он разговор, невнятно проговаривая окончания слов, — до нас дошла информация о вас и ваших начинаниях, а также о возникшем конфликте, — он многозначительно поглядел на меня, — мы с товарищами посоветовались и решили пригласить вас на беседу...

Я продолжал ждать окончания фразы, но сидящий передо мной мужчина почему-то начал шлёпать губами и прочищать горло. Подождав пару минут за которые ничего не поменялось, я опять вошел в состояние лёгкой медитации и предпринял очередную попытку подключиться к его нейрооблаку.

В этот раз мне показалось что дымка заполняющая нейропространство стала гуще и как-то плотнее, поэтому я как смог начал разгонять её волевым усилием. Естественно не касаясь нейрообраза хозяина окружающего пространства.

Тол из-за моих усилий, то ли ещё по какой причине, но наконец взгляд моего собеседника прояснился и он продолжил.

— Так вот, мы с товарищами находим неприемлемой ситуацию когда происходят нападения на здания служб обеспечивающих порядок и безопасность! Кроме этого Мы находим нецелесообразными занятием коммерцией...

— Вы меня конечно извините, — мягко перебил его, — но похоже, что вас и остальных товарищей дезинформировали, все мои начинания исключительно некоммерческие и направлены только на благо...

— На ваше благо? — сидящий перед мной мужчина с усмешкой поднял бровь.

— Нет, на общее благо, — горячо возразил я, — я считаю что каждый должен стремиться к лучшему, двигаться вперёд и совершенствоваться, как себя, та и своё окружение!

— Совершенством себя или своего окружения вы называете участие парней и девчонок в войне? — он недобро подобрался и вперил в меня тяжелый взгляд.

— Да, — абсолютно серьезно ответил ему, — пусть не эти дети начали эту войну, но они её закончат! И я сделаю всё для того, чтобы их погибло как можно меньше. А вот вы что сделали для этого? — тут уже настала моя очередь обличительно смотреть на собеседника, — Организуете органы помощи ветеранам современных войн? Обеспечиваете их современным лечением и протезированием? Выступаете за максимальную интеграцию искалеченных войной людей в общество? Или, может, разворачиваете компанию по созданию их положительного образа в СМИ?

— Социальные институты советского государства..., — начал говорить мой собеседник, но с каждым словом его дикция всё ухудшалась и ухудшалась, та что я уже ничего не мог понять. Не помогла и очередная попытка подключения к нейрооблаку — оно как будто бы было всё затянато какой-то хмарью.

Не выдержав я достал из-за пазухи припасенный обруч нейроусилителя и на глазок прикинув развёртку нейропространства моего визави тут же настроил регуляторы усиления и встав с кресла нахлобучил обруч на голову мужчины.

Сразу после этого он оборвал свою невнятную речь, ещё несколько секунд по инерции шлёпая мясистыми губами, а затем прикрыл глаза видно погрузившись в свои мысли. Нейрооблако представшее передо мной, буквально на глазах начало избавляться от дымки, а его нейрообраз с каждой секундой разгораться всё ярче и ярче.

Наконец он открыл глаза и несколько минут просто молча смотрел на меня.

— Хм, товарищ, это был довольно безрассудный поступок, — тут он пожевал губами, — хотя надо признаться довольно смелый, — он погрозил мне пальцем, — больше так не делайте, хотя мне надо задуматься о компетенции некоторых товарищей из спец полка охраны...

Я продолжал находиться в полу медитации наблюдая как нейространство собеседника очищается и кажется даже увеличивается в объеме охватывая всё большее пространство.

— Так о чём это мы говорили, — вдруг встрепенулся мужчина.

— О том что я занимаюсь коммерцией и посылаю детей на убой, на фронт разгорающейся мировой войны, с сарказмом ответил ему.

— Вы тут товарищ давайте без этого, — нахмурил он брови, — Всё таки у меня имеется точная информация...

— Полученная от тех кто запирает детей в подвале и пыгает, обмазавшись куриными потрохами?

— Надёжные товарищи...

— А вы сами хоть что то знаете из личного опыта?

— Щенок, да я, лично, в войну...

— Сколько лет с тех пор прошло? — перебил я его, — попав в номенклатуру вы хоть что то видели не через доклады, а лично?

— Для этого есть надёжные товарищи!

— Это те из-за которых вы не могли пары слов связать и в свои 74 выглядите так как будто вот-вот отдадите концы?

— Много ты понимаешь...

— Я, может, и немного, но я понимаю людей из которых и состоит союз, которые своим каждодневным трудом крепят его мощь и оборону, которые, елки-палки, готовы отдать за него жизнь! А получают в ответ жалкое существование и притеснение со стороны кучки мерзавцев и ничтожеств всякими нечестными путями перебравшихся в руководство и что ещё страшнее в управленческую элиту! И я как могу это, исправляю! Пусть на уровне гаражных самоделок и агитации на маленьких предприятиях. Но я делаю!

— Я услышал Вашу точку зрения, Даниил Викторович, — на мой спич Леонид Ильич отреагировал довольно спокойно, — и думаю что соответствующие выводы будут сделаны. Так что вы езжайте домой и не беспокойтесь я внимательно разберусь в ситуации. Тем более что вы действительно интересный молодой человек и ваши “гаражные” поделки, несомненно, заслуживают пристального внимания. Так что, возможно, мы с вами ещё встретимся.

Завершив таким образом беседу он практически выпроводил меня. Ничего не оставалось как попрощавшись выйти из комнаты. Каким то образом мои товарищи уже были проинформированы и стояли у выхода дожидаясь меня. Ни слова не говоря им я вышел из домика и спустившись с крыльца сел в подъехавший автомобиль.

Поездка обратно проходила в полном молчании. По начала, конечно, Алина попыталась спросить меня как прошёл разговор и вообще с кем я говорил, но я ожёг её злым взглядом, и она замолчала вероятно обидевшись. К сожалению, разговаривать в присутствии сопровождающих было бы верхом глупости, так что мне пришлось, хоть и невольно, но обидеть девушку.

— Раз все собрались, то пожалуй начнём, — мужчина в годах сидя по правую руку от председателя, еще раз внимательно оглядел собравшихся и взялся за карандаш, — согласно регламенту первым выступит представитель промышленного сектора, Вячеслав Васильевич — вам слово.

Со своего места поднялся крепко сбитый мужчина и принялся говорить изредка заглядывая в лежащую перед ним бумажку.

— По последним данным промышленными предприятиями СССР за прошлый год произведено станков, в том числе универсальных и карусельных....

Его доклад с довольно равнодушным лицом слушал председатель собрания. Впрочем, как и остальных докладчиков. Леонид Ильич оживился только когда очередь дошла до представителей силовых министерств.

— ... даже несмотря на нехватку призывников из-за сравнительной малочисленности поколений, рожденных в середине-конце 1960-х, тем не менее нам удастся поддерживать достаточную численность воинского контингента даже на фоне обострения ситуации на румыно-югославской границе, — читал с листа докладчик в военной форме.

Дождавшись последнего доклада, председатель обратился к собравшимся.

— Выслушав ваши доклады я хочу обратить ваше внимание на некоторую ущербность приведённой вами информации.

Эта фраза заставила многих сидящих за столом недоуменно переглянуться. Практически все они уже свыклись с мыслью что председатель политбюро скоро покинет свой пост по вполне естественным причинам, предвестниками которых было его физическое состояние. Теперь же сидящий перед ними человек демонстрировал чёткую дикцию и ясный взгляд. Даже его лицо немного изменилась — исчезла одутловатость, спали отёки, часть морщин разгладилась. Конечно, это произошло не одновременно, а в течение последней недели, но для тех кто видел его достаточно редко перемены произошедшие с ним были довольно заметными. Все так же подметили и тонкий обруч который нет-нет, но проглядывал из волос председателя. В первый раз когда его заметили на голове генерального секретаря, окружающие только обменивались понимающим улыбками подозревая мужчину в окончательном впадении в маразм. Но улучшающаяся день ото дня дикция, уверенность в походке и словно просыпающийся разум заставили окружающих сильно задуматься.

— Но, Леонид Ильич..., — попытался вклиниться в его речь один из присутствующих.

— Вам пока слова не давали! — жёстко оборвал его председатель, — Всё что было представлено в ваших докладах и так выдаётся в виде общей сводки. Меня же интересовало реальное положение дел! Именно для этого я и просил вас подготовить доклады. Ане сделать выписки по своим направлениям. Вот вы например, — он упёр взгляд в министра внутренних дел, — докладывали о росте криминогенной обстановке, но почему то ничего не сказали о росте плановых, — он выделил голосом последнее слово, — показателей раскрытых преступлений.

— Но ведь число раскрытых преступлений..., — начал оправдываться Николай Анисимович.

— Растет на фоне соответствующего увеличения числа самих преступлений.

— Мы прилагаем все силы..., — опять начал Щёлоков.

— Чтобы повысить число самих преступлений! — резко сказал председатель, — вы вообще знаете чем занимаются ваши сотрудники непосредственно работающие с людьми? Знаете что большая часть раскрытых преступлений это случаи бытового насилия и мелкого воровства и хищения? Министерство внутренних дел должно заниматься обеспечением безопасности граждан, а не маргинализацией людей!

От избытка чувств он даже хватил кулаком по столу. От этого большинство присутствующих вздрогнули — они не привыкли видеть Леонида Ильича в таком состоянии.

— И такая ситуация практически по каждому направлению! Министерство транспортной промышленности ни черта не может обеспечить население автомобильным транспортом. Министерство здравоохранения толком насытит село квалифицированной медицинской помощью, министерство внешней торговли совместно с МИД Вообще мышей не ловят!

Он упёр указательный палец в изрядно побледневшего мужчину, — то что мы помогаем нашим американским товарищам в борьбе за социалистические идеалы, отличное решение, но почему мы ради этого обделяем своих собственных детей? Почему в ответ на братскую помощь далеким социалистическим режимам мы не получаем в ответ дары от наших темнокожих побратимов? Они вполне могли бы высылать столь редкие в Союзе апельсины, бананы и прочие дары природы, коль мы снабдили их оружием, автомобильной техникой и своими специалистами. Нет ли тут просчета МИДа? Или не просчета, а прямого манкирования обязанностями или даже прямого вредительства?

Леонид Ильич ещё долгое время распинался перед слушателями. Практически для каждого у него нашлось несколько укоризненных слов. Хотя конечно больше всех досталось силовому блоку.

— ... молчите? Нечего сказать? — устало сказал председатель обводя глазами притихших собравшихся.

— Но позвольте, — встал со своего места министр внутренних дел, — то о чём вы говорите полнейшая чепуха! — его поддержал гул одобрительных голосов, — все мы прекрасно осведомлены о состоянии дел в стране, отчеты поступающие из профильных ведомств...

— отчёты..., — горько произнес председатель, — вы все, да и я признаться тоже, бесконечно далеки от простых людей, которые год за годом строят коммунизм мечтая о светлом будущем для своих детей. Причём те дети уже вот-вот сменят нас с вами. И кому из них мы передадим эстафету? Что в партии что в комсомоле — большая часть товарищей только и мечтает что получать преференции даваемые должностью и положением. Войти в число номенклатуры и припеваючи жить на гособеспечении — вот мечты тех кого мы продвигаем во власть. Те же кто истинно предан стран и делу Ленина почему то пребывают на самом дне социальной лестницы. А решишь они заявить о себе как тут же встречают резкий отпор и гигантское сопротивление именно со стороны госорганов, хотя среди таких же простых людей они находят самую обширную поддержку. Доходит даже до того что добровольцы, мальчишки и девчонки отправившиеся помогать нашей армии на фронт задерживаются сотрудниками КГБ и обвиняются чуть ли не в государственной измене.

— Но ведь нельзя же думать что простые люди могут делать что-то лучше, чем компетентные органы. А что касается тех странных школьников лезущих на войну с кучей странного железа, это вообще ни в какие ворота...

— Мы с вами строим коммунизм! К-О-М-М-У-Н-И-З-М, — по буквам проговори.

председатель, — или вы забыли? Власть должна принадлежать трудовому народу! А по вашим действиям выходит что бюрократизм ставится во главу страны...

Тут он заметил что его практически не слушают, практически все собравшиеся о чём то перешёптываются друг с другом и смотрят на него со странной смесью страха и жалости.

— Леонид Ильич, — обратился к нему всё тот же министр внутренних дел, — мы смотрим вы устали, утомились от напряженной работы. Мы предлагаем собрание считать оконченным, а вам немного отдохнуть.

Сказано это было сквозь кривую ухмылку, так что председатель понял что продолжать собрание бесполезно.

— Хорошо, — согласно кивнул он, — на этом предлагаю собрание закрыть. Я вас пока оставлю мне действительно надо немного отдохнуть.

Развернувшись он быстро вышел из зала, провожаемый шепотками собравшихся.

Быстрым шагом идя по коридорам здания, Леонид Ильич напряжённо думал. Как раз последнее ему удавалось с каждым днём всё лучше и лучше. Похоже та встреча с парнем со странным взглядом была настоящим чудом. Хорошо что он поддавшись какому-то наитию, прочитав докладную записку о резонансном инциденте решил организовать встречу с его главным фигурантом. Та встреча принесла гораздо больше чем он рассчитывал. Вместо того чтобы мягко купировать росток возможно сильного течения, теоретически способного расколоть страну (аналитики не зря ели свой хлеб), он неожиданно осознал для себя кое-что. Словно с его разума сняли шоры, и он смог оглядеться по сторонам. А уже когда к нему на разговор надёргали различных людей (разговаривать правда пришлось из-за ширмы, чтобы избежать инцидента как в первый раз когда он пробовал поговорить с продавщицей из универмага), то ему на рассказывали такого, что кровь стыла в жилах. Конечно, он и раньше в отчетах о надоевших миллионах литров молока и выплавленных тысячах тонн стали видел людей, но то как они живут было для него не совсем ясной картиной.

Возможно это собрание не стоило проводить или вести себя так резко, но судя по кулуарным разговорам весь кабинет готовился к его скорой кончине и переделу власти. К своему глубокому сожалению в последние несколько лет он занимался чем угодно, но не подготовкой своего преемника, а значит страну ждёт кутерьма со сменой лидера и очередное изменение курса развития. На то как его будет видеть новый лидер.

Так что пожелание ему “отдохнуть” следует воспринимать буквально. Что то изменить в стране ему не дадут. Но он воевал не за тёплый кабинет и персональную дачу для дочери и внуков, а за счастье всего народа. И если кто то забыл что за счастье надо сражаться то он об этом напомним!

Дойдя до своего кабинета он некоторое время рылся в сейфе запихивая часть документов в портфель, а затем поднял трубку одного из телефонных аппаратов стоящих на столе.

— Начальника охраны пригласите ко мне в кабинет, — попросил он секретаря.

Дождавшись когда его старый знакомый зайдёт он сообщил чтобы, готовился выезд с минимальным кортежем.

— Вы ведь знаете моё отношение к незапланированным поездкам, с мягким укором спросил его мужчина.

— Знаю, но ситуация не терпит отлагательств.

— Куда хоть построить маршрут?

— Маршрут, — Леонид Ильич, шумно выдохнул словно принимая для себя какое-то

решение, — маршрут простой — в останкино! На Академика Королёва.

Визит Леонида Ильича на новенький телерадиокомплекс, только-только переданный Гостелерадио СССР наделал много шума. Конечно, он тут уже был несколько раз, но прошлые визиты были заранее согласованы и подготовлены кучей людей с обеих сторон. Теперь же просто идя по коридорам центра в сопровождении всего одного сотрудника кремлёвского полка КГБ он вызывал буквально ступор у всех встречающихся ему людей.

Больше по какому-то наитию чем по памяти он добрался до кабинета директора. Правда обогнать распространяющиеся подобно молнии слух о своём приезде, всё равно не смог, поэтому у дверей кабинета его уже встречали.

— Здравствуйте! Не ожидали вас увидеть, — учтиво склонил голову перед ним Игорь Ершов — директор телецентра, — проходите...

— Дело не терпит отлагательств, — серьезно заявил Леонид Ильич подходя ближе и крепко пожимая протянутую ему крепкую ладонь.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил директор.

— Пока нет, но скоро думаю случится.

— Неужели капиталисты всё-таки решились..., — немного побледнел сорокалетний мужчина.

— К сожалению капиталисты тут играют лишь косвенную роль, — невесело усмехнулся Леонид Ильич, — но я прибыл сюда не затем, чтобы болтать. Пройдемте.

Пара мужчин в сопровождении мало чего понимающего сотрудника госбезопасности отправилась вглубь центра.

— Куда мы собственно идём? — задал вполне очевидный вопрос директор.

— Насколько я помню, студии записи прямого эфира располагаются почти что в геометрическом центре здания.

— Ну да..., — осторожно потянул директор, — а зачем нам туда надо?

— До начала двенадцати часового выпуска “последних известий” ещё” двадцать минут, так что я думаю вы успеете подготовить студию, — ответил ему Брежнев, бросив взгляд на наручные часы.

— Подготовить студию? — с ужасом в голосе переспросил Ершов.

— Задрапируйте пространство позади стола государственным флагом и переключите на студию все каналы и радио эфир.

— Эээ..., — завис директор, — но ведь, Леонид Ильич, вы ведь понимаете что существуют определенные процедуры...

— Игорь Владиславович, — вдруг неожиданно жёстко посмотрел на него Брежнев, так что директору на мгновение показалось что из глубины его глаз вот-вот выпрыгнет тигр, — вам не кажется что в данном случае когда приказы вам отдает лично генеральный секретарь, все процедуры и согласования становятся абсолютно излишними.

Не то от того тона с которым с ним общался Брежнев, не то от того что он совсем не походил на старую развалину с трудом читающую по бумажке, к чему привык Ершов, но от слов генерального секретаря его пробиравало буквально до костей. Так что получив такой жёсткий ответ он тут же развил лихорадочную деятельность. Вылавливая сотрудников с удивлением смотрящих на них и жмущихся к стенкам коридора, он отправлял их с поручениями. Так что вскоре весь телецентр гудел как рассерженный улей. К одной из

студий в срочном порядке тянули дополнительные кабели и спешно перенастраивали оборудование.

Наконец добравшись до студии они с трудом протиснулись мимо огромной кучи видео и звукозаписывающей аппаратуры. Само помещение ещё недавно было студией где записывали последние вести, сейчас же задрапированное несколькими красными лагами и зачем-то здоровенными вазами с искусственными красными гвоздиками смотрелось довольно странно. Но выбирать не приходилось, поэтому Леонид Ильич только тяжело вздохнул сел за стол разложив перед собой несколько листов бумаги достанных из портфеля.

К нему тут же подскочило несколько человек. Пока гримёр торопливо махала кисточкой нанося слой пудры на лицо, помощник оператора быстро бормотал: “эфир через три минуты. Сразу после заставки новостей мы дадим эфир. Активная камера по центру студии прямо под табло “прямой эфир”. Телесуфлер вам не нужен?”

— Нет, речь у меня короткая, обойдусь без подсказчиков, — скупой улыбнулся Леонид Ильич.

Выдав ещё несколько советов помощник отбежал в сторону вместе с гримером и остальными людьми расставлявшими микрофоны и наводящими последние штрихи.

Наконец загорелось табло “прямой эфир” и множество людей в студии стоявших за камерами в ожидании замерло, как и сотни тысяч по всему союзу увидевших на экранах телевизоров вместо привычного ведущего, самого Леонида Ильича.

— Дорогие Товарищи, — обратился к телезрителям и радиослушателям генеральный секретарь, — Я должен обратиться к вам с важным заявлением, в нашей стране происходят некоторые негативные процессы. В этом есть вина как соответствующих органов, так и всех граждан. Да вы не ослышались, негативные процессы протекающие в стране проходят при полнейшем попустительстве и пассивности её граждан. То есть нас с вами. Я не снимаю с себя вины за это, но и прошу меня понять — Партия в своём текущем виде находится в изрядном отрыве от граждан.

При зрелом размышлении можно предположить что страну в самом ближайшем будущем ждут самые негативные потрясения. При этом не только партия оторвана от народа, но и органы МВД и КГБ. Более того они как раз выполняют самую негативную роль в происходящих процессах.

Вы, наверное, задаётесь вопросом, что же я имею в виду? Так вот, происходящее в стране называется расколом общества. Именно то с чем боролась великая октябрьская революция — когда оторванность верхов от народа вылилась в кровавое противостояние унесшее десятки миллионов жизней об отбросивших страну на многие годы назад в развитии.

Чтобы более такого не повторилась я принял тяжелейшее решение — провести глобальную реформу. Нам для сохранения страны от дестабилизирующих факторов следует сбросить балласт из дармоедов, бездельников и кровопийц.

Думаю вы все прекрасно понимаете кого я имею в виду. К сожалению, мою точку зрения не разделяют многие замшелые ретрограды, те самые бездельники и дармоеды до дрожи в коленях боящиеся потерять нагретые места. Поэтому они всеми силами будут препятствовать проведению реформ. Исключительно из-за этого я впервые в истории обращаюсь ко всем патриотам своей страны — проведение реформ ложится исключительно на вас.

Прямо сейчас я подписываю закон о приостановке деятельности МВД и части отделов КГБ, — он на камеру подписал несколько лежащих перед ним листков бумаги и подняв их продемонстрировал в объектив.

Обращаюсь ко всем сотрудникам этих органов — если вы солидарны с трудящимися немедленно прекратите свою деятельность, иначе вы будете признаны вражескими элементами. Обращаясь же к патриотам своей страны я прошу вас помочь мне сохранить свою страну, Именно на вас теперь ложится бремя поддержания законности. Именно народные дружины теперь должны обеспечивать общественный порядок. А поможет вам в этом комсомол. Именно активная молодёжь имеет шанс исправить накопившиеся ошибки. Ребята наступило ваше время!

Кроме того в самое ближайшее время мною будут подписаны ещё несколько важнейших документов касательно реорганизации планового типа хозяйственной деятельности. Но даже в рамках этих документов я призываю молодежь как можно активнее включаться в работу по реорганизации промышленности и сельского хозяйства. Именно вы молодые продолжателя дела Маркса и Энгельса способны вести страну к новым победам. Именно вы, не понаслышке зная все нужды и чаяния людей будете способны их удовлетворить.

Что же касается войны у наших рубежей развязанной кликой капиталистических душителей свобод прогресса я уверен мы победим! Тем более что некоторые из актива комсомола и пионерии уже приняли самое деятельное участие в процессе помощи стране и её воинам. Я не могу приказать истинным патриотам своей родины оставить фронт, но хочу напомнить что победа куется во многом в тылу, а на фронте должны находиться только те кто к этому готов и прошел соответствующее обучение.

Дорогие Товарищи наша горячо любимая родина находится на пороге глобальных изменений и её будущее в руках честных и порядочных граждан. Я верю таких большинство, так давайте вместе встанем на путь позитива и защитим будущее наших детей и внуков!

Завершив свою речь он нажал под столом на специальную педаль давая команду съёмочной бригаде на прекращение съёмки и режиссёр тот час переключил видеопоток на резервную студию, где сидел ведущий новостей.

Несмотря на весь свой профессионализм мужчина в строгом костюме последние несколько лет представлявший для граждан союза последние известия, едва не растерялся и не пропустил момент когда над камерой загорелся транспарант “прямой эфир”. Он, как и все только что смотрел выступление генерального секретаря и был изрядно ошарашен сделанным заявлением. Конечно, несмотря на хорошую работу, почёт, уважение и приоритетный доступ к некоторым дефицитным товарам, он всё же видел что в стране что-то назревает. Проклятый дефицит, показуха и всё большее проникновение прозападных идей в обществе на фоне практически полной оторванности власть имущей верхушки от реалий жизни простого народа и всё большем разложении чиновничьего аппарата не могли привести ни к чему хорошему. Хотя его, как наверное и всех граждан союза, изменения произошедшие с генеральным секретарем поразили до глубины души. Из старой развалины едва-едва бормочущий что-то по бумажке, про которого все не стесняясь сочиняли анекдоты и практически делали ставки на дату похорон, он преобразился в довольно бодрого мужчину преклонных лет. Про такого теперь нельзя было пошутить про “сиськи-масиськи” и “сосиськи-сраные”, теперь лидер партии внушал уважение.

Вот только после такого резкого выступления затонувшего очень чувствительные области и подписания указа о расформировании министерства внутренних дел с

перекладыванием его функций на добровольные дружины, наверное ему недолго осталось на своём посту. За это его однопартийцы если не съедят с потрохами, то точно скинут со своего места, попутно не постеснявшись обвинить во всех смертных грехах и заклеив все погаными клеймами типа “маразматик”, “дурак” и “сумасшедший”.

Но отогнал нечаянно нахлынувшие на него чувства и мысли и твердо посмотрев в камеру, как и несколько лет до этого сказал “Здравствуйте. В эфире Вести”.

После того как сделав заявление Леонид Ильич удалился из останкино, по всему телецентру тотчас пошли люди собирались в кружки и с жаром обсуждали только что услышанное. Мнения конечно у всех разделялись. Причём такие же обсуждения начинались и по всей стране. У многих в соответствующих органах работали родственники, друзья и знакомые. И многие понимали что несмотря на все перегибы на местах не следует стричь всех под одну гребенку. Если в службе и есть некомпетентные, коррумпированные сотрудники, то борьба с ними не стоит, чтобы останавливать деятельность всего ведомства. Хотя была и другая точка зрения — гниль следует усекать нещадно чтобы она не перекинулась на здоровые части и если система репрессивного аппарата собственных граждан изжила себя то следует её полностью ликвидировать. А с охраной общественного порядка от действий несознательных элементов действительно могут справиться и народные дружины. Тем более никто не запрещал бывшим сотрудникам органов войти в состав этих самых дружин. Что послужило бы отличным индикатором того кто действительно радеет о благе людей, а кто пошёл на службу лишь ради льготной пенсии, ведомственных санаториев, сецпайка и прочих преференций.

Но обсуждения шли не только в квартирах и у станков. В самом доме правительства потихоньку нарастала паника. Никто не знал что делать. Вернее, что делать знали все и каждый от только список конкретных действий был у каждого свой.

Коалиции, анти коалиции, группы и сообщества возникали и распадались словно морская пена во время прибоя. Ситуация осложнялась тем что никто не знал, где находится Леонид Ильич. Дошло даже до того что несколько членов политбюро собрались в одном из залов дома правительства и уже было хотели начать прямое включение в эфир с целью объявить недавнее выступление генерального секретаря провокацией западных спецслужб и призвать граждан не поддаваться панике и продолжать работать в прежнем режиме, но вдруг выяснилось что ни одного из телевизионных технико нет на месте. А сами члены ни разу не разбираются в кино-видео аппаратуре. Так что прямое включение не состоялось. Другая группа хотела, было ехать на останкино, чтобы тоже дать опровержение, но столкнулась с тем что почти половина водителей из служебного автопарка покинули свои рабочие места, а вторая половина пребывает в смятенных чувствах и отказывается выезжать за пределы гаража хоть на улицах и не наблюдалось ничего необычного. Не было ни тол людей ни каких-то волнений — ничего что хоть как то бы свидетельствовало о том находиться там опасно. Прохожие шли по своим делам, легковые и грузовые машины продолжали ехать по своим маршрутам. В общем всё было как обычно. Просто у всех кто понимал за собой нехорошие поступки на душе было неспокойно. Им везде мерещились осуждающие взгляды и перешептывания.

Но не только в московском доме правительства царил кавардак. В союзных республиках

брожение было гораздо сильнее. В силу национальных особенностей и природного кумовства в украинской, чечено-ингушской АССР и ещё нескольких других расформирование милиции сильно затрагивало интересы партийной номенклатуры. И учитывая это они не могли не отреагировать на заявление генерального секретаря.

— Это всё провокация, — раз за разом повторял про себя Владимир Васильевич Щербинский, идя по длинному коридору Дома Совета Народных Комиссаров, — не может быть чтобы генеральный секретарь отдал такой приказ... этого просто не может быть... Не мог же он потерять рассудок? Тем более до сих пор нет подтверждения из секретариата... Это точно провокация.

В этот самый момент в грозном в Здании Совета министров Чечено-Ингушской АССР по своему кабинету из угла в угол бегал Александр Владимирович Власов. Последние новости ввергли его в шок. Он столько сил вложил в развитие нефтяной области республики, а с последним заявлением пришедшим из москвы все его достижения грозили пойти крахом. На площади перед домом правительства уже начала собираться толпа. Горцы о чем-то глухо переговаривались и недоброжелательно смотрели в сторону его кабинета. При всём при этом его звонки начальнику милиции грозного оставались без ответа. Как будто ни его самого ни секретарей не было на рабочем месте. Благо хоть личный водитель всё ещё был в гараже и согласно указанию готовил автомобиль к выезду. Продолжал работать и аэропорт. Так что заказав себе билет на ближайший рейс в москву он отставив панику принялся собираться. Пусть бородачи выясняют отношения друг с другом — он уже не раз был свидетелем того насколько горячая у них кровь. Пока идут выяснения он вылетает в москву и там лично получит все необходимые инструкции.

Но ни в это ни на следующий день ситуация не намеревалась успокаиваться. И если большая часть Союза вполне спокойно отнеслась к заявлению генерального секретаря и начала понемногу переходить на новый порядок, то в двух самых конфликтных республиках буквально с каждым часом всё сильнее и сильнее вскипало недовольство. Возможно его причиной было то что недовольство было подавлено милицией которая теперь должна была сложить свои полномочия, а возможно и тем что многие теневые схемы лишались своих покровителей из милицейского начальства и рядовых сотрудников.

Доходило даже до того что на некоторых стихийно собирающихся митингах звучали призывы выйти из состава союза. Правда горячие головы быстро урезонили вполне закономерными вопросами о статусе новообразованного государства и ещё более сложными вопросами об экономике, финансах и прочих вещах слишком сложных для любителей популистских выкриков из толпы.

Хотя не везде находились разумные люди. В таких же стихийных митингах, что проходили на территории латвийской ССР, призывы об отделении звучали чаще чем где бы ни было, а редкие и робкие голоса призывающие задуматься о последствиях такого решения были практически не слышны на фоне восторженного рева толпы. Напрасно комсомольцы взывали к голосу их разума и говорили что приказом генерального секретаря расформированы только органы внутренних дел, а армия пребывает в готовности защищать территориальную целостность государства. И не просто готова это делать, но и всю этим

занимается на южных рубежах, так что не надо думать что если возникнет намек на раскол то танки и пехота останутся в стороне.

— ... дальше выпуск новостей продолжит прогноз погоды..., — Дания вместе с родителями сидел перед телевизором и напряжённо думал. Визит к представителю местной элиты на который он возлагал определённые надежды теперь уже не казался таким прекрасным решением. Конечно, он добился определённой деэскалации в своём противостоянии с органами репрессивного аппарата. Но не такой же ценой!

Определённые реформы в стране назревали, но он совсем не ожидал что кто-нибудь будет, вот так — рубить с плеча. Теперь же ему предстояло срочно что-то предпринять, всё-таки определённую ответственность за свои действия он чувствовал.

— Пойду в свою комнату, — сообщил я продолжающим пребывать в шоке родителям, — мне надо подумать.

Как то попытался замотивировать своё отсутствия перед взрослыми. Хотя мои усилия пропали втуне — они пребывали в оцепенении похоже полностью поглощенные своими мыслями — ещё бы только что м заявили что милиция больше их беречь не будет. Хотя конечно всё это ерунда. Сознательному и адекватному человеку и так не нужны никакие карательные и репрессивные органы. Он сам лично не будет совершать никаких противоправных действий, как и не будет посягать на чужое имущество, свободы и права. Так что думаю ничего страшного не произойдёт, как минимум за первые несколько дней, а там уже можно будет что-нибудь предпринять. Конечно, коль я, хоть и косвенный, но виновник, этих событий то мне и следует приложить максимальные усилия по нормализации обстановки. И на этот счёт у меня же были определённые мысли.

Придя в свою комнату, не мешкая тут же лёг на кровать и нацепил на себя шлем установки нейроусилиния подключенный не только к кластеру усилителей, но и к сети межЭВМной связи. Благодаря определенным, заложенным в базовую архитектуру персональных ЭВМ, схему мог использовать домашние терминалы как точки выхода своей нейропроекции.

Все пользователи сети были довольно активными людьми с определенным складом характера, ведь несмотря на все мои усилия по распространению среди населения общедоступной вычислительной техники, она все же продолжала оставаться уделом очень увлеченных людей. Но благодаря этому они были идеальными реципиентами для его плана.

Коль скоро люди поймут что милиции как таковой больше нет и до решения этого вопроса со стороны правительства, и не будет, то у многих несознательных граждан возникнет соблазн использовать эту ситуацию во вред. Чтобы избежать подобных случаев и укрепить позиции лидера, а он несомненно в этом нуждается, следует провести определенную работу среди пользователей сети. Работу, подобную той что я уже провел среди своих, так называемых агентов влияния — комсомольцев несущих идеи движения в массы и не просто несущих, а буквально, живущих по этим принципам. Это уже начало давать определённые плоды — как минимум несколько гигантских предприятий начали выпускать продукцию более соответствующую чаяниям потребителей и в гораздо больших объемах чем было запланировано госпланом (с ним ещё предстояло разобраться), что позволяло излишки обменивать на товары других предприятий или распространять их между работников самого предприятия повышая престижность работ на нём.

Задействовав соответствующие алгоритмы и схемы нейроусилителя я принялся подключаться к терминалам пользователей сети. При каждом подключении я соединялся с нейрооблаком пользователя интегрировал в его нейрослепок некоторые инструкции.

Они были довольно простыми, и благодаря изначально благодатной почве выстраивались в нейространство пользователя без каких либо проблем. Содержали они в себе довольно небольшой объём информации и были больше напоминанием чем жёсткой установкой.

Основой для них я взял тот набор, что прошивал в головах асоциальных элементов которых отправили на предприятия по всему союзу в рамках комсомольской инициативы. Естественно, сильно адаптировав, всё-таки сейчас я работал не со своими противниками, а с союзниками, так что мне надо было не сделать из них идеальных приверженцев комсомольского и коммунистического движения, а просто более, так сказать, “правильных” людей.

Вся их “правильность” заключалась в том чтобы они в первую очередь не боялись. Не боялись поступать правильно. Хотя они и так жили по правилам — не занимались хищением социалистической собственности, не применяли насилия к другим людям, не занимались само деструктивной деятельностью, и повышали уровень собственного образования, но теперь они не боялись говорить и демонстрировать это открыто. Ведь довольно тяжело говорить “я не пью” в коллективе где считается правилом каждую пятницу заливать в себя спиртосодержащие жидкости, а рассказы о совершенных актах вандализма или физического насилия в состоянии измененного сознания встречают восторженное одобрение. Или прямо высказать в лицо расхитителю социалистической собственности о неправомерности его поступка — требует довольно большого количества внутренней силы, особенно если точно знаешь о незамедлительно последующей бурной и негативной реакции на такое замечание.

Вторым правилом было стремление быть последовательным — если уж выбрал одну дорогу или линию поведения то нужно следовать ей до конца. Это довольно логичная модель поведения, но к сожалению довольно многие предпочитают прямо противоположное и меняют свои решения и мнения подобно флюгеру на ветру. Например, многие изучив дисциплину научного атеизма и даже сдав по нему ряд экзаменов, почему-то в глубине разума начали думать об идее всемогущего существа с неожиданным одобрением, и если бы у них возникла такая возможность то они несомненно бы влились в ряды бедных одурманенных людей называющих себя рабами этого существа. Изредка такие одурманенные мне попадались, но я не решался исправлять их рассудок, понимая что как только они поймут что занимались такой глупостью и добровольно себя унижали то это вызовет к ним страшную моральную травму которая ввергнет их и без того слабый рассудок в настоящую пучину отчаянья.

Ну и третьей установкой было чувство солидарности. Многие не обращают внимание на других людей когда им требуется помощь, считая что им поможет кто-то другой. Причём это касается не столько физической помощи (в этом ключе как раз почти все встреченные мною люди были довольно солидарны), сколько как раз моральной и духовной солидарности. Если кто-то один начинал выступать с требованием или предложением, чтобы и другие близкие к его мыслям и образу жизни люди выступали вместе с ним. Что-то подобное я наблюдал у некоторых этнических землячеств — там тоже все крепко держались друг за дружку, во всём поддерживали и помогали своим землякам. Но, к сожалению, основном эта поддержка носила противоправный характер, а сами землячества были чем то вроде организованных

преступных группировок. Разбить эту ситуацию я намеревался как раз этой установкой, чтобы друг дружку поддерживали профессионалы и специалисты в своей созидательной деятельности, а не разные маргиналы в деструктивных стремлениях.

Конечно, эта работа заняла у меня не час и не два, а практически целую неделю. Благо из-за происходящих в стране событий время у меня было полно — родители реципиента ходили как в воду опущенные и практически не обращали на меня внимания. Учителя в школе тоже словно пребывали в прострации и проводили уроки больше по инерции чем, стараясь, дать нам учебный материал. Хотя на фоне этого резко активизировала свою работу комсомольская организация — добровольцы с повязками дружинников патрулировали улицы, в зале ДК в котором обычно проводились собрания практически беспрерывно шли лекции. Их проводили убежденные седины, но ещё крепкие дедушки и бабушки. Они рассказывали об оперативно следственной работе, праве и юриспруденции, а также основам экономики, управлении персоналом и психологии коллектива. Причём эта учеба шла не только в нашей городской комсомольской ячейке, а по всему союзу. Обращение главы государства наделало много шума и сильно всколыхнуло общество. Теперь все понимали что в обществе нужны изменения и эти изменения может принести только молодежь, а для того, чтобы изменения были позитивными активисты из комсомола должны быть очень хорошо образованы. Причём образование у них должно быть не в разрезе истории коммунистического движения, а как раз в области эффективного хозяйственного управления.

Конечно, организовать это самое “понимание” было не так уж и просто, но благодаря моему новому нейроусилителю и разветвленной, буквально по всему союзу, сети персональных ЭВМ, выступавших эмиттерами нейроволн. Но в конечном итоге я справился. И лучшим свидетельством этого стали буквально с каждым днем происходящие в обществе изменения.

При отсутствии милиции, и росте самосознания отдельных граждан из наиболее образованных и технически подкованных граждан пользующихся заслуженным авторитетом у самых разных слоёв общества уличное хулиганство сошло на нет. Подростки теперь не били стёкла, пачкали стены или совершали акты насилия в отношении менее возрастных детей, а занимались сбором отходов, развитием своего физического состояния, ведь после появления в широком доступе чертежей и редких прототипов мобильных доспехов, практически каждый ребёнок грезил стать пилотом такой чудо машины. Особенно всех детей союза подбил на это репортаж показанный по центральному телевидению. В нём открыто демонстрировались кадры, как небольшой отряд добровольцев — ребят шестнадцати-семнадцати лет, сбежавших на фронт в этих самых самодельных доспехах, при поддержке пары дистанционно управляемых боевых роботов в пух и прах разбила колонну вражеских танков. Конечно, в репортаже скромно умолчали о том что колонна была на марше, и по некоторым сведениям это были неисправные машины следовавшие своим ходом к месту ремонта, но всё равно это было большое достижение для вчерашних школьников.

Кроме того, что молодежи от деструктивных занятий перешла учёбе и почему саморазвитию, ещё один класс населения взялся за ум. Те кого обычно с презрением называли маргиналами, пьяницами и трутнями тоже начали меняться. Сначала один человек в одной из десяти компаний, потом адепт перемен начинал появляться в каждой пятой компании, а когда они были уже почти во всех, произошёл естественный скачок от количества к качеству. Бездельники перестали проводить своё время за распитием спиртных

напитков, устройством дебошей, бытовом насилии и мелком хулиганстве, а принялись организовывать небольшие артели. Как оказалось многие из них отбросив оковы алкогольного рабства были очень неплохими специалистами в самых различных областях, начиная от слесарного и столярного дела, заканчивая сборкой космических аппаратов. Так что теперь в гаражах, сараях, или просто в квартирах кипела работа. Бывшие бездельники, пропойцы, тунеядцы и алкоголики изготавливали товары народного потребления. Причём им в этом деле активно помогали те же самые мини ЭВМ. В них были размещены как схемы чертежи и техпроцессы изготовления кучи вещей, так и заявки на приобретение той продукции. Так что теперь благодаря этой консолидации каждый пользователь “невода” мог сделать необходимую ему вещь будь то элементарная электромясорубка (сделанная из обычной с приделанным мотором от стиральной машинки), ремкомплект на лодочный или автомобильный мотор, или даже компактный летательный аппарат — поступали и такие заказы, тем более что малая авиация начала переживать настоящий бум. Благодаря тем же самым мини ЭВМ и микроволновым рациям согласование и осуществление диспетчерского сопровождения полетов стало элементарной задачей. Больше не надо было отслеживать вручную маломерное, низколетящее судно — всё это делала автоматика. Она же считала эшелоны и курсы, разводя пилотов по маршрутам не допуская столкновений.

Но кроме положительных изменений в стране, к сожалению, были и отрицательные. Причём большей частью их источником были как раз те кто должен был эти проблемы устранять. Выведенные за штат органов внутренних дел и комитета государственной безопасности, сотрудники занимались чем угодно кроме того, чтобы помогать строить новый справедливый мир.

Они пьянствовали, приставали к знакомым и случайным прохожим со слезливыми рассказами о том как с ними не справедливо поступили хоть они всю жизнь, не жалея живота охраняли покой граждан. При всём при том что они то как раз, будучи, при власти как могли саботировали свою работу, выполняли глупые распоряжения начальства об обязательном количестве зарегистрированных правонарушений, подделывая документы или провоцируя и подставляя невиновных граждан.

Хотя конечно так вели себя не все, часть из них оставшихся людьми сейчас как раз не занимались пьянством, а активно вливались в новое движение — участвовали в патрулях добровольных дружинников и проводили лекции по передаче опыта комсомольцам. Именно благодаря этим людям осуществлялся трансфер накопленного опыта и приёмов работы от устаревших органов репрессивного аппарата к простым людям. Не обходилось и без перегибов. Ветераны следственно-разыскного дела через раз сбивались и принимались воодушевленно вещать о том то если подозреваемый упирается, то ему надо надеть на голову противогаз и завязать узлом шланг — в таком случае он подпишет чистосердечное признание и дело будет закрыто. Конечно, ребята тут же осаживали их и сообщали что теперь, наступили новые времена и действовать надо исключительно в рамках закона. А если нет никаких способов раскрыть преступление кроме того как совершить служебное — то значит кто-то плохо работает. Причём не обязательно следователь, возможно требуется изменение законодательной базы разрешающей проводить более широкую оперативно следственную работу. А вообще все эти процедуры должны уйти в прошлое ведь ни один нормальный человек не будет совершать противоправных поступков, не из-за того что боится сурового и неотвратимого наказания, а исключительно потому что уважает и понимает чужие мысли и чувства.

Подобный подход конечно не работал на некоторых граждан которые как раз и были представителями определённых этносов. Они и до того старались проживать компактно и руководствоваться не законами Советского Союза, а какими-то дикими родоплеменными обычаями. Теперь с исчезновением патрульных милиционеров, закрытием милицейских участков и появлением большого количества артелей производящих дефицитную продукцию, которую не всегда удавалось реализовать бартерным способом, в следствии чего у них периодически скапливались большие объемы наличности. Эти деньги довольно быстро уходили на закупку материалов для изготовления следующей партии, но пока они хранились в обычных производственных помещениях это создавало большой соблазн для нестойких духом людей, от этого и происходили различные инциденты связанные с грабежами, разбоем и даже попытками обложить данью. Впрочем, всё это быстро пресекалось. Любое, даже самое крупно землячество не может противостоять целому городу в котором не остаётся равнодушных людей. Когда каждый встречный начинает корить и строго отчитывать абсолютно всех представителей данного этноса проживающих в городе, то даже самые упертые и порочные люди соглашаются жить по общепринятым правилам, а не своим средневековым ритуалам.

Но кроме проблем в обществе меня занимала и другая беда — конфликт в европе нарастал с каждым днём. И это начинало становиться реальной проблемой, ведь равнодушные ребята, а такими были самые лучшие представители комсомола, всеми силами стремились туда, чтобы помочь братским народам, помочь нашим военным и как можно скорее прекратить эскалацию конфликта. Но их старания приводили к обратному результату. Чем больше добровольцев ехало на фронт, тем больше противник посылал на передовую своих бойцов. А наши ребята гибли. И это надо было прекращать. Впрочем, как это сделать у меня была парочка идей.

Николай выглянул из-за руин разрушенного дома. Улица перед ним была практически полностью затянута каким-то жёлтым дымом., и рассмотреть что-либо дальше пятидесяти метров было нельзя. “Пронесет или нет?” — билась в голове у него одна единственная мысль.

Решив всё-таки рискнуть он выскочил из своего убежища и опрометью бросился на другую сторону улицы. Когда до ближайшего дома в котором можно было бы укрыться оставалось буквально несколько шагов, порывом ветра сдуло часть дыма затянувшего улицу разрушенного города и в просвете показались фигуры в футуристично выглядящих костюмах. “Латники”, — промелькнула в мозгу мужчины мысли прежде чем настороженно тишину разорвал грохот автоматной очереди.

Бросившись ничком на землю рядовой, словно ящерица заполз за ближайшую кучу мусора. Несмотря на найденное укрытие, себя в безопасности он не ощущал. Как рассказывали сослуживцы, “Латники” видели противника буквально насквозь. И ни дым, ни кучи мусора были для их взгляда преградой. А значит у него есть совсем немного времени пока капиталистические выкорыши не доберутся до него.

Сорвав с пояса последнюю гранату, Николай метнул её в сторону, где заметил мелькание высоких отливающих серебром фигур. Как только прозвучал взрыв он, вскочил и петляя словно заяц бросился к намеченному ранее укрытию.

До спасительного проёма темнеющего в полуразрушенном здании оставалось буквально несколько шагов, когда вздымая фонтанчики земли до него дотянулась таки автоматная очередь. Почувствовав что теряет опору рядовой последним волевым усилием оттолкнулся ногами и буквально влетел в проход ведущий куда то вглубь здания.

Покатившись по коридору он зашипел сквозь сжатые зубы — нога адски болела и на любую попытку пошевелить ею отзывалась новыми вспышками ещё более сильной боли. Глянув как по штанине расползается мокрое пятно, Николаю оставалось только тихо выругаться — теперь шансов уйти у него не осталось. Да к тому же он потратил последнюю гранату на отвлекающий манёвр. Так что даже продать свою жизнь подороже у него не выйдет — пули из штатного калаша американских монстров не брали — санинструктор Гена из их взвода болтал что-то про гелеобразную прослойку жира под металлической броней уродов. Но Коля его особо не слушал — гена был известным брехуном, так что мог что-нибудь напутать или перевернуть даже если ему что-то и рассказал кто-нибудь из знающих людей.

Вообще эти солдаты которых из-за странного внешнего вида прозвали “латниками” появились совсем недавно — неделя или две назад. Они сменили так называемых “бешеных” — странных солдат из корпуса морской пехоты США, которые действовали всегда в отрыве от своих сил. Впрочем, это было неудивительно, так как “бешеные” вообще не различали ни своих ни чужих, как впрочем, не отличали и военных от гражданских. Эти звери в человеческом облики были быстрыми и сильными. Бросались на солдат и даже технику советской армии ловко уворачиваясь от очередей курсового и зенитного пулемета. А стоило им попасть на броню или на расстояние вытянутой руки от человека как они тут же показывали почему их так называли. Обладая какой-то сверхчеловеческой силой они буквально разрывали людей на части. За один удар убивая или калеча человека, а сидя на

технике они срывали приборы наведения, ломали антенны и прочие навесные механизмы. Впрочем, несмотря на свою живучесть и способность переносить несколько попаданий в корпус из автомата их всё же можно было убить, так что терроризировали они в основном мирное население. Причём сцены их расправ были настолько ужасны, что фронтовые корреспонденты присланные из многих газет и журналов, чтобы освещать конфликт, просто не выдерживали.

Возможно что чрезвычайно жестокие кадры которые всё же размещались в просоветской прессе выходящей в западных странах и послужило причиной прекращения отправки таки солдат на фронт. Но вместо них появились гораздо более защищённые и разумные “латники”, они не бросались на танки с голыми руками, а действуя в группе с такими же бойцами или обычными солдатами, довольно умело воевали.

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у рядового пока он сжав зубы так что казалось вот-вот начнёт крошиться зубная эмаль полз по короткому коридору уходя из прямой видимости от дверного проёма. Завалившись в ближайшую комнату он занялся раной — принялся бинтовать место попадания пули и всадил прямо сквозь штанину иглу шприц — тубика с обезболивающим.

Лекарство подействовало буквально через несколько секунд, и благодаря тому что с отступлением боли в голове немного прояснилось он смог расслышать тихие голоса в соседней комнате. К его удивлению разговор велся на русском языке и судя по всему парень убеждал какую-то девушку покинуть позицию и отступить.

Так как разговаривали на родном для Николая языке, он рискнул предположить что рядом не враги. Осторожно приблизившись к проему ведущему в соседнюю комнату он заглянул в неё. Рядом с кучей битого кирпича и обломков бетонных плит, судя по дыре в потолке упавших сверху, сидела довольно странная парочка. Двое подростков, лет шестнадцать на вид одетых в помесь военной формы и какого-то футуристического скафандра, сидели у открытого чемоданчика и напряжённо спорили о возможности вести наступление.

Я говорю тебе — батареи второй секции практически не пострадали и их заряда хватит, чтобы запустить двигатель насоса низкого давления... — горячо убеждала своего собеседника девушка.

На одном движке НД, без достаточного давления в магистралях и гидроцилиндрах Гриша будет ползать как беременная корова, — возражал ей всклокоченный парень.

Но ведь будет двигаться! — с жаром продолжала говорить девушка, — а нам только и надо что вывести его на позицию, дальше я ручном режиме буду наводить орудие.

Сколько раз тебе повторять, — не успокаивался парень, — скорость, подвижность, натиск — вот три составляющих успешного проведения боя. А на низком давлении ни о какой скорости и подвижности не может быть и речи! Если только не привести его целиком на питание от батарей. Но их хватит на минуту — полторы активных действий.

Что ты тогда предлагаешь? Бросить его? — привела, судя по плаксивым ноткам в голосе, последний аргумент девушка.

Не знаю кто такой этот ваш Гриша, — подал голос Николай, — и причём тут давление, но отсюда надо уходить и при этом очень быстро — солдаты противника совсем рядом!

При первых звуках его голоса ребята вздрогнули и уставились на рядового со смесью тревоги и непонятного ожидания. Рядовой же, поразившись насколько сидящие перед ним ребята выглядели юными и беззащитными, подполз к ним поближе.

вы ранены, — всплеснула руками девушка бросаясь к нему, чтобы помочь, — Стас, помоги ему, видишь он же ранен!

ребята давайте быстро уходите! — зашипел на них Николай, — говорю же тут рядом амеры и они уже вот-вот придут сюда!

Как придут, так и останутся, — хмуро сказал парень оставаясь на месте и принявшись копать в стоящем перед ним чемодане. Рядовому показалось что там вообще установлена печатная машинка — больно уж характерный треск от нажимаемых клавиш шёл оттуда. Пока при помощи девушки он занимал стоячее положение парень всё так и не отходил от чемодана. И даже когда в коридоре послышались тяжёлые шаги и лязг металла он не на секунду не оторвался от своего занятия.

Николай же заслышав приближение противника только крепче стиснул автомат да постарался прикрыть собой поддерживающую его девушку. Мыслей в голове у него не осталось никаких — он ясно и чётко понимал что ему пришел конец. Пули “латника” не берут, а он сам не ведает жалости, так что застрелив его он убьёт и глупых детей непонятно как попавших на войну.

Но его предположениям не суждено было сбыться. Когда до прохода в помещения, где скрывались люди, американскому пехотинцу осталось сделать буквально несколько шагов, куча строительного мусора посреди комнаты внезапно пришла в движение.

Оглянувшись на звук осыпающейся бетонной крошки рядовой с изумлением смотрел как среди битого кирпича медленно поднимается неуклюжая и угловатая фигура.

В сторону, — коротко скомандовал парень, и рядовой почувствовал как девушка на которую он опирался, толкает его в бок.

Нелепо взмахнув руками Николай повалился на пол, направляемый девичьими руками. Именно благодаря помощи при падении он свалился на относительно ровный и чистый участок пола ничего себе не сломав и даже не сильно растревожив рану. А вот дальше события понеслись с невероятной быстротой.

Сначала, видимо заметив в проеме непонятную фиговину, открыл огонь вражеский солдат — поднимающаяся фигура покрылась россыпью искр от попаданий вражеского автоматчика, а затем непонятная фиговина напоминающая гротескную пародию на робота из фантастических книжек вдруг резко согнулась в поясе, словно сложилась пополам.

Ну всё сломалась, — мелькнула в голове рядового мысль.

Но это была не поломка на спине робота, был металлический короб, из которого со злым шипением стартовала мини ракета. В мгновение ока преодолев расстояние до врага она с тихим хлопком взорвалась разбрасывая по соседней комнате бурые куски кровоточащего мяса мгновение назад бывшего американским солдатом.

Буквально сразу же после этого в дверном проеме показался “латник” сжимающий в руках ручной пулемет. Машина смерти загрохотала выпуская пулю за пулей. Продолжающий стоять согнувшись робот зашатался от череды попаданий, но тем не менее выпустил из запячного рюкзака ещё одну ракету. Впрочем, на этот раз чуда не произошло и ракета негромко хлопнув оставила лишь закопченное пятно на нагрудной пластине нового врага.

Ну вот и всё, — прикрывая глаза подумал Коля, — сейчас нас всех превратят в решето.

Но как оказалось ничего на этом не закончилось, а только началось. Радиоуправляемый робот (а это было несомненно, так как парень сидя за кучей строительного мусора продолжал самозабвенно шерудить в своём чемоданчике изображая из себя пианиста) вдруг окутался клубами дыма и в сполохах пламени вдруг рванул навстречу супостату. Латник не

выдержал столкновения со здоровенной металлической тушей и увлекаемый роботом вылетел в коридор. И судя по вздрогнувшим стенам пробил своим телом не одну несущую конструкцию.

Из коридора часто застучали выстрелы, но они быстро оборвались после гулкового хлопка как будто от гигантской мухобойки.

Чем это н так жажнул, вслух спросил Николай, не сумев на слух определить тип использованного оружия.

Пневматический дротикомёт, — пояснила лежащая рядом с ним девушка, — мы специально разработали его для уничтожения противников в условиях ограниченного пространства.

Разработали? Дротикомет? — в голове рядового всё смешалось, — вы вообще ребята кто такие?

Ну... мы из кружка юных радио-робототехников... — что-то путанно начала объяснять девушка

Вика, — позвал девушку парень напряжённо вглядывающийся вглубь чемоданчика, — нет времени болтать, похоже на подходе танки, а реактивные ускорители у Гриши я потратил на того урода в металлической броне, хорошо хоть он был один.

Как это один?! — вскрикнул рядовой, я точно видел троих!

Тогда остальные двое... — начал было парень, но продолжить не успел так как стена за его спиной обвалилась и в образовавшемся проеме появилось дуло пулемета.

Они обошли нас, — вспыхнула в голове рядового мысль, пока он схватив девушку в охапку выкатился в коридор, стараясь не смотреть как крупнокалиберные пули, буквально рвут на части тело его случайного знакомого чьего имени он, так и не узнал.

В коридоре было пыльно и одуряюще пахло кровью, которой были забрызганы не только стены, но и потолок. Посередине этого хаоса окружённый изломанными телами солдат в форме морской пехоты США.

Николай, подхватив с тела одного из солдат тубус компактного гранатомета, быстро привёл его в рабочее положение. Не то чтобы их учили пользоваться оружием противника, но ребята из их роты частенько притаскивали использованные тубусы в расположение, чтобы сделать из них подстаканник, так что Коля, как и другие солдаты вдоволь насмотрелся на рисунки на корпусе гранатомета объясняющие как приводить его в рабочее состояние и совершать выстрел.

Вот и сейчас приготовившись к выстрелу он буквально запрыгнул обратно в комнату в которую заходили сквозь пролом в стене тяжёлые пехотинцы врага. Распластавшись на полу он навел прицел на ближайшего противника и нажал на спуск. На груди латника расцвел огненный цветок, а затем рядового накрыла волна нечеловеческой боли

Следующее, что он почувствовал было то как на его лицо что-то капает. Он попытался смахнуть капли, но у него ничего не вышло. Не получилось и открыть глаза, чтобы рассмотреть что происходит вокруг, не получилось и спросить. Единственное, что ему удалось это издать какой-то невнятный звук с вопросительной интонацией. Да и то своё достижение он больше осознал чем, услышал, как будто в возможности слышать он тоже был ограничен. Но тем не менее реакция на его потуги последовала практически незамедлительно — капать на лицо перестало, и как будто что-то коснулось его щеки. Впрочем, последнее он практически не почувствовал так как провалился в полузабытьё растратив на предыдущие действия весь свой невеликий запас сил.

Вика, сидящая рядом с телом едва знакомого рядового, убедившись что он всё-таки остался жив после того как она вытаскивала его из руин здания, бинтовала раны, переломы и ожоги, решительно вытерла слёзы и схватившись за кусок веревки привязанной к обрывку кровельного железа на котором лежал раненый потянула его дальше по улице. Сейчас у неё не было времени предаваться унынию, жалеть себя и проклинать судьбу — следовало спасти этого человека, а затем она вернётся. Вернётся и отомстит. Глаза девушки полыхнули решительностью и она покрепче перехватив верёвку ускорила шаг. До последнего известного ей места расположения советских войск было довольно далеко, а путь следовало проделать засветло, ведь теперь её не сопровождал надёжный боевой робот и добрый товарищ. Вспомнив Кирилла она опять чуть не расплакалась, но опять взяла чувства в кулак. Её месть будет страшной.

В это время я судорожно размышлял над темой создания устройства блокирующего нейросвязь. Если раньше я старался как можно больше растянуть линии связи, чтобы охватить как можно большее количество людей, то теперь передо мной стала обратная проблема. Я создал кучу нейросвязей с множеством разнообразных людей, что теперь постоянно ловил в фоновом режиме их наиболее сильные чувства и обрывки мыслей. А если учесть что образовывал связи с наиболее инициативными и вовлеченными в общественную жизнь людьми, которые в тот момент когда наша страна участвовала в военном конфликте на юге европы, они просто не могли не отправиться туда помогать спасать незащищенных гражданских и помогать нашим военным противостоящим американской военной машине. Но к моему глубочайшему сожалению в этом военном конфликте, они гибли, теряли друзей и получали ужасные травмы, что вызывало настоящий ураган чувств и эмоций передающихся мне о нейросвязи. Всё это конечно не только мешало мне в повседневной жизни, но и заставляло задуматься над тактикой действий участников конфликта.

Если раньше я размышлял над тем что любую армейскую операцию можно успешно завершить если обеспечить подавляющее техническое превосходство. Нельзя, конечно, сказать что армия местных отличалась какой-то невероятной отсталостью. Она была вполне на уровне, а в некоторых случаях и превосходила армии других государств по техническому оснащению, так что первоначально в моих планах было лишь немного усилить её ультимативными боевыми машинами типа гигантских боевых человекоподобных роботов (от чего-то мне казалось что подобные машины будут царствовать на поле боя за счет своей высоты и превосходящей всех противников огневой мощи). Но как показала практика, все эти измышления были не более чем фантазиями, ничего не понимающего в военном деле подростка. А те нейрообразы, что считывал из нейрооблака образованного от подключения к нескольким кадровым военным в котором моделировал подобную ситуацию, я счел всего лишь ошибкой из-за недостаточного опыта применения подобных машин. Но как оказалось все прогнозы были практически стопроцентно достоверны. Все гигантские машины, что напрягая все силы строили пионеры и комсомольцы на полулегальных стапелях и притащенные в зону конфликта, с моим практически ручным управлением (мне лично приходилось через кучу ретрансляторов и усилителей воздействовать чуть ли не на каждого встречного, чтобы обеспечить должный уровень лояльности и соблюдения конфиденциальности) был практически мгновенно уничтожены. Их расстреливали танки, по

ним били НУР-сами вертолеты и штурмовые самолёты, и даже пехотинцы врага умудрялись выводить их из строя при помощи не только ручных гранатометов, но даже пулемётным огнём.

Роботы имея только лёгкое противопульное бронирование и множество высоконагруженных узлов типа коленных, локтевых, плечевых и бедренных шарниров становились лёгкой добычей. Причём им не помогало преимущество в количестве орудий и весе залпа, так как палить из всех оружейных систем по одной цели было расточительно, а отслеживать и сопровождать абсолютно все цели не позволяла элементная база.

Но при этом вполне неплохо показали себя небольшие роботы, выполняющие функции огневой поддержки пехоты. Они были достаточно мобильны и незаметны, чтобы не стать лёгкой добычей врагу и в то же время могли как устраивать засады, подолгу ожидая появления противника не выдавая себя ни единым движением, так и вести встречный бой благодаря отсутствию страха и наличию достаточного бронирования. Они даже были эффективны против танков, в тех случаях когда имели в своём оружейном наборе боеприпасы с кумулятивным эффектом.

Как бы то ни было на фронте мои эмиссары продолжали нести потери. Особенно меня зацепило последнее происшествие, когда во время боя один из моих самых эффективных отрядов попал в серьёзную переделку и потерял большую часть состава. По правде сказать из всего, и так небольшого, отряда выжил один единственный человек. А подобное было абсолютно неприемлемо. Но больше всего в этом меня поразила та холодная ярость с которой выжившая девушка решалась продолжить воевать, чтобы отомстить за погибших товарищей.

Рассматривая с разных сторон её нейрослепок у меня родилась (вернее всплыла из глубин сознания) ещё одна идея. Чтобы не терять дефицитных соратников и одновременно не терять высокотехнологичного преимущества следует всего-навсего максимально удалить людей от поля боя. А чтобы не терять дорогостоящую технику — её вообще не надо использовать. Все её функции прекрасно выполнит миниатюрный снаряд имеющий огромную кинетическую энергию. Так что всё что мне остаётся разработать, а вернее соответствующим образом мотивировать на изобретение и изготовление людей обладающих нужными навыками и складом ума.

В принципе задача не представляется чем-то сверх сложным. Все сопутствующие технологии уже имеются. Так что мне надо всего лишь реализовать концепцию снайперской пары со сверхмощным и сверх дальнобойным оружием. Естественно оружие должно быть не пороховым, так как это не рационально по целому ряду причин (меня до сих пор коробит от того как местные смогли дойти до такого извращения), и не лучевым, так как даже при моём активном участии сё равно не удастся добиться на нормальной мощности луча, ни его толковой фокусировке. Так что остаётся не так уж много вариантов. Это либо ракетное вооружение, либо электродинамический ускоритель массы. И если против тяжелой техники эффективно как раз ракетное вооружение, то вот против пехоты противника, ничего лучше рельсотрона не найти.

На этот раз я всё тщательно смоделировал во многих сотнях имитаций, подключив к нейрооблаку как можно больше людей как с военным опытом, так и хорошим академическим образованием. И по результатам моделирования внес некоторые правки как в техническое оснащение, так и в тактику действия. Так что дело осталось за малым — произвести достаточное количество электроустановок.

Что же касается изготовленных, но не отправленных на фронт ОБЧР, так и их заготовок находящихся в различной стадии готовности, так и на их счет у меня возникли некоторые мысли. Которые я принялся тут же излагать в небольшом манифесте, чтобы отнести его на обсуждения с моими товарищами по комсомолу.

Дед Пантелей сидел на скамеечке возле ворот и щурясь смотрел на поле. Его дом находился в практически на самой круче большого холма вокруг которого раскинулось село Новоходково. Пантелей застал и царя и приход большевиков, пережил войну и теперь имел законное право сидеть утром и не спеша курить самокрутку. А работает пусть молодёжь Вот как например Васятка — он уже встал до восхода, и теперь начинает пахать. Да как ловко то у него получается.

Дед попыхивая самокруткой покачал головой. С его-то опытом удивляться казалось бы не стоит — всякого он за свою жизнь навиделся. И как при царях пахали, вдвоём — втроём в плуг напрягаясь — лошадка то не по карману беднякам была. И то как первые в селе трактора появились — от чадящих сизым дымом уродцев на калильном зажигании, до красавца Кировца, на которого, после покупки колхозом, не могло налюбоваться всё село.

Но Васятка вот другое дело. Там где на К-700 надо было сделать три ходки он управлялся за одну. На тех полях которые были расположены с обратной стороны холма и были слишком крутыми для кировца и их приходилось пахать по старинке на лошадках, Васятка справлялся играючи.

Вообще он полюбился всем в селе с первых дней, как его выгрузили с того странного дирижабля которым управляли школьники. Один из них странный парниша с таким пронзительным взглядом, что у любого кто смотрел ему в глаза шел мороз по коже, о чём-то долго беседовал с председателем запершись в конторе. Зато после их убийства Васятку мигом пристроили на заготовку силоса. Который он заготовил за неделю вместо выделенного месяца. Затем принялся корчевать лес на расширение пахотной площади, а теперь вот и пашет.

Старик ещё раз затянулся самокруткой и продолжил смотреть как в лучах восходящего солнца по полю медленно идет громадная металлическая фигура таща за собой целых четыре восьмикорпусных плуга. Ноги гиганта вязли в земле, даже несмотря на огромные чёботы сделанные из целых тракторных покрышек, но робот упрямо шёл вперёд.

В огромном помещении зала собраний, было на удивление пусто. Помимо президиума, занятыми были от силы три первых ряда. Председателем был Леонид Ильич. Оглядев зал внимательным взглядом, от которого у некоторых присутствующих шли мурашки по телу, он открыл чрезвычайный съезд ЦК. В своём вступительном слове он рассказал что страна переживает один из сложнейших периодов своего существования. Ведя войну практически на два фронта — хоть и вяло, но текущая операция в афганистане и разгорающийся конфликт в европе, Советский Союз испытывает колоссальное внешнее давление, которое обостряется ещё и внутренними проблемами. Заговор руководства КГБ и их сговор с верхушкой МВД, при тотальной коррумпированности сотрудников этих ведомств на фоне полной индифферентности населения вылился в то что само существование страны было поставлено под угрозу.

Это заявление вызвало определённый шум в зале, но Леонид Ильич остановил его властным жестом и продолжил. Далее он принялся перечислять наиболее острые проблемы в государстве и первой из них стояла оторванность высшего партийного руководства от народа. Громоздкий партийный аппарат в принципе не мог живо и оперативно реагировать на острые вопросы, а только показывать некую заторможенную реакцию на громадные социальные проблемы тянущиеся годами. Как например последний пятилетний план. Его утвердили в условиях абсолютно новых реалий с маниакальным упорством продолжают выполнять несмотря на то что обстановка изменилась кардинально.

В зале опять поднялся шум, но председатель обладал огромным опытом и сумел в очередной раз успокоить зал. Продолжив доклад он перечислил остальные проблемы и как социального, так и технического характера. При этом присутствующие отметили резкое улучшение состояния здоровья генерального секретаря, выразившееся как в исправлении дикции, так и в ясном взгляде из-под кустистых бровей, который он то и дело бросал на присутствующих.

После своего вступительного слова, он пригласил за трибуну, ректора института прикладной информатики, который то и дело сбиваясь на специальные термины, принялся зычным голосом излагать о разработке института — вычислительной нейросистеме управления и координации производства. Эта система позволяла, буквально, в режиме реального времени отслеживать номенклатуру подключенных к ней предприятий и корректировать объём выпускаемой продукции. Более того, имея доступ к техническим архивам предприятия и списочному составу работающих станков и установок, она могла переводить выпуск продукции с одного предприятия на другое, обеспечивая равномерную загрузку и ритмичную работу всех участков и подразделений каждого предприятия.

Выступление докладчика завершилось довольно жидкими аплодисментами, что явно не обрадовало председателя. Оглядывая зал, он то и дело усилием воли останавливал руку которой, хотел поправить скрытый в шевелюре обруч. Неожиданный подарок странного школьника буквально перевернул его сознание. Словно он открыл глаза после долгих лет блуждания в темноте. Конечно, нельзя сказать что он стал как то иначе мыслить или ставить перед собой иные задачи. Он, как и раньше желал только одного чтобы его страна, его родина, процветала, чтобы её населяли счастливые люди не знающие ужасов войны, голода и иных потрясений. Правда теперь он стал гораздо яснее осознавать к каким последствиям

приведут его те или иные шаги, словно его подключили к мощнейшей электронно-вычислительной машине способной моделировать сразу кучу вариантов событий чтобы можно было выбрать из них наилучший. Да даже то что он теперь стал размышлять об этих самых электронно вычислительных машинах, интересоваться нюансами их производства и проектирования, а не целиком и полностью полагаться на мнение помощников и референтов говорило о многом.

Но помимо способностей к моделированию ситуаций и интереса к научно-техническому прогрессу у него появились и иные необъяснимые способности. Например, он явно чувствовал что человек лжёт и кроме того каких тем он старается избегать. Именно поэтому он и не изменил своего решения по поводу глубочайшей реорганизации министерств государственной и внутренней безопасности — ведь все эксперты, генералы и советники убеждающие его в ошибочности этого решения и в том что страна развалится в считанные дни — нагло и цинично ввали, а на вопросы о полном выполнении сотрудниками своих должностных обязанностей и верности идеалам социал-коммунизма — демонстрировали столь явное негативное чувство отторжения что становилось ясно что они пытаются лишь защитить своё тёплое местечко нисколько не заботясь о выполнении своего долга.

Впрочем, помимо откровенных саботажников, да и по всем признакам преступников в этих министерствах были и действительно нормальные сотрудники радеющие за свою родину и желающие действительно работать на благо трудового народа. Именно их он старательно продвигал и держал рядом с собой справедливо полагая что они его не предадут и случись такая оказия будут защищать до последней капли крови, так как видят в нём лидера способного вывести страну из пике куда она сваливалась стараниями злопыхателей, агентов влияния врага и просто откровенных дураков не видящих ничего за пределами своего носа.

Так обстояли дела и с ректором института прикладной информатики — он был увлеченным человеком буквально живущими своими идеями и что немаловажно настоящим патриотом страны. Проведя с ним несколько частных бесед Леонид Ильич убедился что тот человек жизнь положит, но добьется реализации разработки своего института.

Сама разработка была довольно старым проектом совсем недавно получившим новую жизнь из-за вмешательства молодых людей попавших в институт в рамках некой “всесоюзной комсомольской инициативы” — общественного мероприятия когда наиболее активные, инициативные и креативные молодые люди разъезжал по всем заводам, фабрикам, совхозам и институтам страны внося новые идеи и решая “узкие” задачи за счет свежего взгляда на проблему.

Именно благодаря одному из комсомольцев пришедших в институт и с непомерным энтузиазмом сующимся в каждую группу и в каждый отдел эта разработка была вытащена на свет из одного застойного отдела где над ней работало несколько, как потом выяснилось, не самых заинтересованных в результате сотрудников. Молодой человек сразу увидел потенциал этой разработке и совершив буквально несколько телефонных звонков, получил один из новых терминалов распределенной сети “Невод”. Именно благодаря терминалу и множеству людей подключенных к сети он придал новую жизнь проекту. А доказав всю его полезность и продемонстрировав все возможности терминала Ректору описав перспективы в разрезе именно всеобъемлющего сетевого взаимодействия получил огромную поддержку.

На самом деле этот проект был одним из государственных заказов дальней перспективы

— так финансирование и обеспечение на него выделялось, а результата особо не спрашивали. Для отчётности хватало нескольких пространных многостраничных отчёта каждый год, чтобы подтвердить ход работ. Эти отчёты не содержали в себе ничего толкового и состояли по большей части из “воды” сдобренной небольшой толикой действительно ведущихся математических расчётов.

Комсомольский инициатор практически сразу в течение недели раскидал основные задачи по таким же молодым и инициативным математикам из выпускников школы и студентов ВУЗов и они уже с помощью терминалов, небольших подпрограмм (к текущему моменту приставки обзавелись энергонезависимой памятью и встроенным компилятором языка программирования), смогли буквально за несколько дней продвинуть разработку системы с полусырой, существующей только в теории, математической модели, к практически готовому набору формул и правил объединенных в одну систему на базе специально спроектированной ЭВМ. Её процессор имел ограниченный набор простейших команд и мог работать только по одному математически описанному алгоритму, но зато выполнял вычисления довольно шустро, так что после ввода исходных данных, выдача управляющих приказов происходила буквально в течение нескольких часов.

С огромным вниманием выслушав доклад Ректора, Леонид Ильич поблагодарил его и попросил референтов едущих протокол заседания внести информацию о начале опытной эксплуатации системы прямого управления производственными процессами на комплексе предприятий. В качестве экспериментальной площадки он предложил внедрить систему на предприятиях в самаре, попутно пошутив что некоторые граждане союза жалуются на низкое качество выпускаемой продукции волжским объединением по производству легковых автомобилей.

Международный автосалон в Токио. Стенд АвтоВАЗ.

— Представляем Вам новую советскую модель легкового автомобиля, — мужчина стоящий у стенда обильно украшенного красными полотнами с серпами и молотами, хоть и бегло говорил по японски и имел довольно узкий разрез глаз, но всё равно, по мнению посетителей, не походил на цивилизованного человека. Что то в нём вызывало отторжение у всех посетителей. Может его костюм со слегка кривыми строчками, из-под ворота которого торчала этикетка швейной фабрики “Большевичка”, может исходящий от него запах одеколна “Красная москва”, а может сидящий рядом со стендом мужчина с хмурым лицом, в аналогичном костюме, но с нарукавной повязкой “народный дружинник” и хмуро смотрящего на всех посетителей.

— данная модель сочетает в себе приятный внешний облик и комфортабельный салон, одновременно с самым передовым техническим оснащением!

На последней фразе один из стоящих вокруг презентационного стенда японских журналистов отчётливо хрюкнул едва сдерживая смех, однако представитель советского союза, даже не повёл ухом продолжая многократно отрепетированную речь.

помимо нового двигателя изготовленного с применением самых современных материалов, в этом автомобиле также установлена электронная система управления дроссельной заслонкой, что позволило реализовать тонкое и оперативное управление

поступающей в двигатель топливной смеси что позволило реализовать несколько режимов его работы. Так для деловых поездок можно использовать экономичный режим, для поездок по легкому бездорожью — режим село, а для людей увлекающихся автомобильным спортом — режим автоспорт. В каждом режиме двигатель потребляет разное количество топлива и развивает разную максимальную мощность. Но это не всё. Вся прелесть этих режимов в том что они тесно связаны с настройками коробки передач вернее не самой коробки, а механизма автоматического переключения передач.

Представитель АвтоВАЗа обвёл присутствующих торжествующим взглядом и продолжил, — водителю данного автомобиля нет нужды самостоятельно переключать передачи, выжимать педаль сцепления и всё время следить за оборотами двигателя — все эти задачи взяла на себя электронная система управления автомобилем. Но если вы подумаете что работа двигателя и трансмиссии это весь её круг задач, то очень сильно ошибётесь. В топовой комплектации автомобиля электрифицировано практически всё, — мужчина при каждой своей фразе указывал рукой на тот или иной элемент автомобиля, — электропривод стеклоподъемников — теперь не надо постоянно крутить рукоятки подъемного механизма, а достаточно нажать на кнопку системы управления, — электроприводы заслонок системы вентиляции — теперь достаточно выставить комфортную температуру в салоне и система управления будет её поддерживать регулируя потоки поступающего холодного и тёплого воздуха, — а также, — он многозначительно поднял палец в верх, — электропривод фар. Именно фар, а не шторок за которыми они скрываются. Как у некоторых иностранных моделей, — он бросил быстрый взгляд в сторону стенда Кадиллака, — теперь фары нашего советского автомобиля освещают именно тот участок дороги куда автомобиль собственно и едет. Причём освещение дороги нашими конструкторами организовано не устаревшими галогеновыми лампами, а новейшими светодиодами. В них пучок света собирается при помощи линзы высокой степени просветления и направляется четко на дорогу позволяя отказаться от устаревшей системы противотуманных фар, так как освещает пространство впереди автомобиля не взирая ни на какие препятствия в виде, дождя тумана или снежной вьюги.

— Салон автомобиля поражает не только своим комфортом, но и уровнем использованных технологий, — мужчина покровительственно посмотрел в сторону хозяев выставки, — причём технологии выражены не только в виде полностью светодиодной приборной панели, но и системы предотвращения столкновений выполненной на базе нескольких микроволновых радаров непрерывно сканирующих окружающее пространство. Кроме того салон машины выполнен из новейших синтетических материалов и отделан стабилизированным древесным шпоном.

Представитель советского Союза разливался соловьём рассказывая о новинке отечественного автопрома, с некоторым злорадством наблюдая как от каждого сообщенного им факта у представителей ведущих авто концернов и журналистов крупных газет и журналов, для которых и была устроена первая презентация, постепенно округляются глаза.

Конечно, когда на японскую выставку привезли закрытый контейнер и выкатили из него невзрачную тёмно малиновую машину, остальные техники готовящие соседние выставочные стенды с трудом сдерживали улыбки — на фоне двух, а то и трёхцветных автомобилей иностранных производителей с панорамными и складывающимися крышами, двухсот сильными V-образными моторами с инжекторными системами, скромный советский автомобильчик со своей рядной четверкой и допотопным карбюратором

совершенно не смотрелся. Но как оказалось дьявол скрывался в деталях. А вернее в электронной начинке, которой был буквально напичкан автомобиль. При этом представитель АвтоВАЗа умолчал о бортовой мини ЭВМ которая опираясь на показания многочисленных сенсоров и датчиков могла, в буквальном смысле этого слова вести автомобиль. Этот факт он приберег для первого тест драйва, как и то что, с весьма скромного объёма двигателя в 1,6 литра, советские конструкторы сумели таки снять немногим больше полутора сотен лошадей, так что “семёрка” как ласково прозвали её конструктора и испытатели НАМИ, еще покажет не один сюрприз за время выставки.

В связи с запущенными мною процессами, в обществе нарастало брожение. Так как Генеральный секретарь рубанул с плеча и расформировал министерство внутренних дел, начало поднимать голову движение асоциальных личностей.

Многочисленные, воры, мошенники, грабители и иные люди решившие, что преимущества возникающие при нарушении закона перевешивают возможное наказание в случае поимки, резко активизировались. Так что сознательные граждане и те из сотрудников расформированного министерства что решили соблюдать свой долг обществу несмотря ни на что, физически не могли справиться с таким объёмом работы. К тому же сложная ситуация назревала в исправительных учреждениях.

Вообще я когда впервые узнал о существовании подобных структур, впал в лёгкую панику — это насколько же сильный должен быть разрыв между представителями одного вида чтобы они смогли додуматься не только до преступлений против прав и свобод других людей, о и до пенитенциарной системы. Естественно первым моим желанием было искоренить подобный гнойник на теле общества, но чем глубже я погружался в этот вопрос тем более ужасающая картина мне открывалась, и тем яснее я понимал что это общество глубоко больно. Ему необходимо лечение. Но лечение не инвазивное — как если бы кто-то извне в один миг приказал переменить свое отношение к другим людям и прежде всего к себе, а естественное. Все граждане общества должны понять что порядочность, открытость, честность и готовность прийти на помощь другому это естественное состояние любого человека.

Конечно, моя роль в изменении общества была совсем небольшой, но я действуя подобно катализатору активизировал вялотекущие социальные процессы. Причём большей частью это происходило даже не специально, ко мне как будто притягивало крайне радикально настроенных личностей. Это не касаясь даже моей глобальной борьбы с крайне странными офицерами госбезопасности и сотрудниками внутренних дел, которые остервенело желали меня уничтожить несмотря на то, что я не давал им никакого для этого повода. Моя притягательность для разного рода не адекватов проявлялась буквально в каждом, простейшем действии — продавщицы в магазинах пытались обчитать и всучить брак (мне даже пришлось затратить значительные силы, исключительно на приведение в порядок вообще всех работников сферы торговли города в котором проживал), дворники приписанные к месту моего жительства не желали убираться, сантехники обслуживать коммуникации, электрики организовывать стабильные поставки сетевого электричества без просадок и перенапряжения. Правда для этого потребовалось проводить масштабную реорганизацию всего городского электрического хозяйства, что потребовало от меня

довольно сильного напряжения всех сил. Зато теперь наш город потихоньку превращается в самый настоящий рай радиотехника — стабильное напряжение в 220 вольт с максимальной дельтой в три вольта. Прекрасная земляная шина в каждой квартире подключенная к очень хорошему общедомовому контуру. И теперь все электро приборы работают в самом благоприятном режиме, уровень сетевых помех минимальный, а те что есть легко отсекаются соответствующими фильтрами, потому что гармоническая их составляющая больше не искажена наводками от криво проложенных, брошенных где попало и зачастую размещённых в тех местах где им быть не полагается, силовых линиях. Благодаря грамотной разводке прекратились аварии на подстанциях и соответственно ситуации когда несколько домов, а то и весь квартал оказывались отключенными от электричества.

Так что практически каждый день только и занимался что, вёл ожесточенное сражение с очередной антисоциальной системой, организацией или каким нибудь зловредным человеком. И последнее с чем я столкнулся — оказался криминал. Он объединял в себе как раз всё то с чем я боролся и против чего всегда выступал — целая система, организаций и ведомств только и делала что маргинализировала граждан собственной страны. Ведь так называемые “исправительные” учреждения исправляли людей в очень редких случаях действуя скорее вопреки, чем на благо, чему немало способствовало и само общество наделяя побывавших в нём граждан неким налётом загадочности и романтики.

Вот с этим я и решил вести непримиримый бой — необходимо ликвидировать эту фабрику разрушения человеческих судеб и за одно окончательно решить вопрос с преступностью. Как минимум в рамках одного города, а там если пример окажется удачным, способы и методы приведшие к этому результату можно будет внедрить и в остальных городах передав информацию по “Неводу”. Благо терминалов подключенных к нему становилось всё больше и больше с каждым днём. Именно благодаря постоянно растущему количеству терминалов домашних МиниЭВМ я и собирался разобраться с этим вопросом.

Сидя за столом стоящим на высокой сцене внимательно оглядываю зал. Сделать это не так-то просто ведь освещение в зале было направлено така раз на сцену, так что весь остальной зал был в полумраке. Но меня интересовала не столько визуальная составляющая присутствующих тут людей сколько их нейрооблако. Оно было несколько общим, так как все собравшиеся принадлежали к одной организации и в общем разделяли одно и те же идеи. Именно это и позволяло мне всего за одно подключение к общему облаку получить, хоть и ограниченный, но всё же достаточно уверенный доступ к нейространству каждого сидящего в зале.

А находящиеся тут люди были в основной своей массе довольно далеки от вопросов, которые я с товарищами хотел бы поднять на этом собрании. Людей больше волновала, война разгорающаяся в европе, часто приходящие “похоронки” и извещения о пропавшем без вести отце, муже, сне. Их мысли были о дефиците продуктов, и товаров народного потребления, о происходящих в стране реформах и событиях, и еще о тысяче частных и общих вопросов. Хотя в некоторых нейространствах нет-нет, да и мелькали отголоски идей, и установок, что я старательно вкладывал в некоторых из них. Или даже не напрямую в них, а в когонибудь из социальной или профессиональной группы, в которой по занимаемому положению в обществе или профессиональной деятельности состоял человек сейчас сидящий в зале.

Дождавшись когда секретарь собрания объявит о его начале и огласит регламент его проведения, сосредоточился на стоящей передо мной задаче. Именно сегодня на ежегодном съезде городского комсомольского движения, предстояло занять полагающуюся мне в обществе роль.

Как бы мне не хотелось оставаться “в тени”, и не заявлять о себе во всеуслышание, но приходится отступать от своих интересов в угоду общественный. Несмотря на моё большое влияние на принимаемые другими членами комсомольского ЦК, решения мне всё же требуется взять всю полноту власти в свои руки. Пока в этом городе, но думаю на собрании районного комитета всё пройдёт так же по моему сценарию.

К Тому что происходило на сцене я практически не прислушивался, всё равно общая идея была задана мною, частности мне не столь интересны. Но когда мне дали слово, не отключаясь от нейрооблака начал говорить свою речь. Особо старательно, как некоторые в таких случаях, не готовился, понимая что в зависимости от текущей ситуации придётся менять её на ходу, но всё же заранее накидал несколько тезисов. Начав с одного из них я отслеживал реакцию зала и плавно переходил к следующему следуя обратной реакцией сидящих передо мной людей.

Но хоть и высказывался про то что желали люди, тем не менее в своей речи старался донести главную мысль — хоть в воздухе витают мысли и идеи о перестройке общества, но идеи эти вредны, так как перестроить ни общество, ни мораль, ни даже производство невозможно действуя общими методами. Если что и надо перестраивать так это собственное сознание. Сознание каждого человека. Я напоминал им что вот уже на протяжении нескольких десятков лет ведущие партийные руководители обещают своим современникам что следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Но этот светлый момент почему-то всё никак не наступает. И дело не в том что постоянно

нужно бескорыстно и решительно помогать нашим друзьям из африки, южной америки и пустынь ближнего востока, и дело даже не во вредительских санкциях злобных американцев против нашей героической страны, и даже не в послевоенной разрухе и технологическом отставании от стран запада. Всё дело в каждом отдельном человеке. Пока каждый из нас не будет относиться бережно к общественному имуществу, не будет уважать чужой труд как самую величайшую ценность, пока не будет ежедневно и ежечасно ставить общественные интересы выше собственных — нам не достигнуть коммунизма. Ни нам ни нашим детям и внукам, а скорее даже наоборот — всё достигнутое нами (тут я имел в виду людей, что постарше, так как ни обладали наибольшим среди присутствующих авторитетом) будет разрушено и забыто. То что молодому поколению досталось без труда не будет им цениться. А будет восприниматься как должное, да еще и не очень хорошего качества. Тут я привёл пример с новомодными американскими джинсами, сигаретами и жевательной резинкой. В нашем городе выпускали замечательные штаны из плотной и прочной ткани идеально подходящие как для занятий в поле, огороде, гараже, а так же благодаря хорошему крою и довольно продуманному фасону, в таких можно было прогуляться и по популярным местам города с симпатичной девушкой. Вместо жвачки прекрасно можно употреблять еловую живицу (несколько школьников её собрали в довольно больших количества и упаковывали в довольно хитроумном аппарате в гараже, который помимо упаковки, также обрабатывал её соответствующим образом от чего она не так сильно воняла смолой и становилась менее липкой). Что же касательно сигарет — то тут я выступал против этой пагубной привычки и всем встречным курильщикам прививал отвращение к отравлению себя продуктами горения этих палочек. Так что альтернативы американским сигаретам кроме того как бросить курить, я предложить не мог. Но даже так практически любому предмету или вещи из категории “можно и заграничных” была наша отечественная альтернатива. Причём даже не сильно уступающая в каких либо качествах (понятие “красота” довольно субъективно) а по практичности и долговечность, так и вовсе превосходят зарубежные аналоги. Тем не менее многие люди буквально охотились за иностранными вещами, презрительно называя отечественны изделия “совок”. Конечно, во многом благодаря моему участию эта странная тенденция понемногу спадала, особенно способствовали этому волонтеры участники всесоюзной комсомольской инициативы благодаря которым в магазинах начали появляться товары, которым не было никаких западных альтернатив — те же терминалы распределенной сети, ножеточки, хлебoreзки, кухонные комбайны, рабочие штаны и комбинезоны. И все эти вещи несмотря на их массовое производство, были довольно широкого модельного ряда, над дизайном которого работали многие художественные училища и ВУЗы. Именно благодаря хорошему дизайну, качественной без брака и огрехов (тут роль в мотивации рабочих, представителями комсомола была неоценима) эти вещи охотно приобретались людьми и занимали в их систем ценностей место гораздо выше импортных вещей.

Также в своей речи я принялся излагать тезисы о недопустимости преступности. Ведь нарушения прав и свобод граждан самая ужасная вещь которая может произойти в обществе. Именно из-за этого общество и может расколоться если его составляющие будут противопоставлены друг другу. Именно поэтому пенитенциарная система должна быть уничтожена. Сама суть общества должна противиться созданию подобных образований.

Судя по реакции зала моё последняя часть заявления вызвало некоторое отторжение. В нейрооблаке, общем для всех присутствующих, тоже поднималась глухая волна

непонимания. Люди недоумевали, как это возможно обеспечить полное раскаяние преступников без колючей проволоки, злых служебных собак, вонюче баланды и огромной толпы надзирателей и тюремщиков, которые, вместо того чтобы стоять у станков, пахать землю и строить дома только и делают что избивают и унижают, таких же в общем то, как и они сами, людей. Но у меня были аргументы позволяющие надеяться на успешное принятие моих идей. Улыбнувшись, быстро коснулся волос, словно поправляя их и незаметным движением включил питание нейроусилителя, скрытого в причёске.

Надя с сомнением посмотрела на возвышающуюся перед ней конструкцию. Больше всего на свете она напоминала гору хлама (по правде сказать именно из хлама, обломков и мусора она и состояла), тем не менее именно с помощью этой штуковины она намеревалась выполнить свою миссию.

А миссия была довольно простой. Конечно, когда она с остальными членами кружка “радиоэлектронное содействие армии, авиации и флоту” пробиралась на передовую в голове у неё была чепуха. Причём она подспудно понимала это ещё дома, но их лидер Сергей — председатель кружка, был так убедителен, что она просто не смогла устоять. Как не смогли устоять ещё четверо её друзей. Девушка вспомнив об этом невольно покосилась в сторону, но воспоминания вновь захлестнули её. Она припомнила весёлые деньки как они всей компанией летели на самодельном дирижабле, как обменивались смешными картинками, что придумал Коля из кружка функциональных моделей — на экране переносного телевизора подключенного к терминалу “невода” из букв, цифр и запятых рисовать самые настоящие графические картины. У него здорово получались цвет и забавные человечки. Но сейчас она не знала что с ним, где он и вообще жив ли он. После того как их пути разошлись, а узловые точки распределенной сети в этой отсталой стране отсутствовали как класс, она больше ничего не знала о других группах ребят, что ведомые зовом долга бросились на фронт помогать нашим военным переломить хребет вновь поднявшей голову фашистской гадине.

Тяжело вздохнув она отошла от небольшого холмика из обломков кирпичей и бетона, что собрала за последний час над телом её последнего товарища. К сожалению, он не увидит результатов их труда. И пусть установка, что они смогли собрать не является полноценным орудием — отсутствуют полноценные система наведения и заряжания, но разок выстрелить оно всё же сможет, пусть и сработает лишь на целях в прямой видимости. Всё же поворот установки был возможен, но реализован он был на нескольких слабых моторчиках и большом количестве тяг сделанных из чего попало. Что надёжности системе не прибавляло.

Но стоило ей приблизиться к своему убежищу, как в небе раздался свист рассекаемого воздуха. “Вот сейчас”, — мелькнула в голове злая мысль. И сразу же куча хлама зашевелилась — под отчаянный визг моторчика перемещающего канала, конструкция начала крениться поворачиваясь в сторону цели. Одновременно с этим раздались хлопки пиропатронов активирующих химические батареи и конденсаторы заряда тонко засвистели. “Только бы успел зарядиться разрядник”, — думала девушка со всех ног бросаясь в убежище — если что то пойдёт не так, то оставаться на открытой местности натуральное самоубийство.

Она едва-едва успела к смотровой щели организованной с помощью пары зеркал

найденных среди руин, чтобы увидеть как оставляя за собой белый инверсионный след, по небу несётся самолёт.

Ошибки она не боялась. Это глазами сложно на таком расстоянии различить особенности конструкции самолёта, и опознать его как вражеский F-15 или дружественный МИГ. Но Автоматика сохранившаяся в обломках боевого механизма, за это время ставшего товарищем, могла сделать это легко и непринужденно. Всё-таки именно на это она и была рассчитана.

Практически мгновенно по звуковому и инфракрасному излучению, а также электромагнитному спектру определив принадлежность самолёта, управляющая ЭВМ выдала череду команд. Единственное, что осталось от некогда довольно большого военного потенциала боевого робота, это электромагнитная пушка, экранирующий кожух и большая часть механики привода которой сейчас состояли из найденного и кое-как приспособленного девушкой хлама. И сейчас орудие было практически готово к выстрелу. Оставалось буквально пара мгновений когда самолёт противника войдет в сектор стрельбы, но тут пилот, то ли что-то почувал, то ли просто решил изменить маршрут, начал поворачивать машину в сторону.

Надя с хрустом сжала кулаки глядя на то как инверсионный след изгибается уходя в сторону, но всё же поворот летательного аппарата был не столь резок и он всё же смог достигнуть области поражения электромагнитного орудия.

С оглушительным хлопком и ударной волной от преодоления снарядом звукового барьера, вылетевшая из орудия болванка унеслась навстречу вражеской машине. Девушку чуть не сбросило на пол её неказистого убежища, но она всё же сумела удержаться на ногах и со злорадным удовольствием увидела как бледный инверсионный след тянувшийся через всё небо внезапно оборвался.

Удостоверившись что самолёта врага больше не существует, она закусив губу провела ножом себе на предплечье ещё одну косую черту. Ещё один враг уничтожен — она будет мстить за каждого из её друзей. Враги умоются кровью и вдесятеро заплатят за каждую оборванную ими жизнь.

Тяжело вздохнув девушка поползла наружу. Сейчас ей следует сменить позицию, выстрел наделал много шума и поднял громадное облако пыли — будет нехорошо если какой-нибудь из отрядов врага решит проверить что тут происходит. А о том что делают эти уроды с попавшими в плен красноармейцами, она наслушалась достаточно. К сожалению, её робот не может передвигаться самостоятельно так что тащить его блоки её придётся на себе. Но она сильная и всё выдержит. С этой мыслью Надя принялась разбирать остатки боевой машины, чтобы перенести её на запасную позицию.

На этом моменте связь оборвалась и я наконец то смог отключиться от нейропространства несчастной девушки. Подобные ситуации когда спонтанная нейросвязь под влиянием сильнейших эмоций устанавливалась между мной и кем-нибудь из обладателей моих нейрометок, возникали не первый раз. И каждый раз я сильно переживал о судьбе несчастных детей. Конечно, основной причиной их присутствия на фронте был именно я. Но все этого я не желал. По моим расчетам все события должны были развиваться совсем по другому сценарию — железные войны должны были лихо громить шокированного и дезориентированного противника, беря под контроль один населенный пункт за другим. А вместо этого несчастные дети тихо плачут над могилами своих друзей и кладут свою жизнь на алтарь победы.

В отчаянье я сжал голову руками. Сидя за тысячи километров от театра военных действий я ничем не могу помочь тем кто верит в меня, надеется на меня и идёт по тому пути который я им указал. Я даже не могу как-то осознанно воздействовать ни на них ни на их врагов — расстояние слишком большое. Нейроволны даже с помощью огромных каскадных усилителей неспособны преодолеть такое расстояние. А та связь что изредка образуется исключительно односторонняя и не пригодна для ответного посыла управляющих инструкций.

Но тут мне в голову пришла замечательная мысль — если дело в расстоянии, и физически небольших размерах головного мозга местных обитателей, которые просто физически не пригодны для установления дальней связи, не стоит ли мне поискать более подходящий объект для подключения?

Из памяти реципиента и собственно полученных некоторых сведений, мне было известно, что окружающий меня мир населяют не только человеческие особи, но и множество самых разнообразных форм жизни. Некоторые из которых обладают поистине колоссальными размерами.

Решив поискать что-то подобное, тут же занялся перенастройкой домашнего нейроусилителя. Так как мне нужно было подключение на большое расстояние, то и работать предстояло на длинных волнах, поэтому вставил на задающем генераторе частоту в полтора мегагерца. Это позволит при длине волны в двести метров подключиться к чемунибудь (а вернее к кому-нибудь) с аналогичными размерами.

Единственное о чём я переживал, надевая нейрошлем, так это то что в нужном мне районе не окажется подходящих под мои задачи живых организмов. Но как оказалось, пережить мне следовало совсем по другому поводу. Подключиться к нейрооблаку какого-то странного существа удалось без особых проблем. Но вот то что последовало дальше чуть не сломало мне разум.

Нейропространство к которому я подключился было настолько чуждо, что мне приходилось на одной силе воли абстрагироваться от происходящих в нём процессов. Дело в том что то существо с которым мне удалось установить связь, в режиме реального времени контролировало все свои жизненные процессы — как по венам течёт кровь перекачиваемая сердечной мышцей, как в кишечнике перевариваются остатки прошлой трапезы, как щупальца облаком парят возле ротового клюва, готовые по первому сигналу мозга метнуться за добычей, оплетая её.

Именно эти щупальца так сильно и поразили меня. Как будто в этой твари я увидел что-то если и не родное, так довольно знакомые. Но сколько бы ни силился понять в чём причина этого ощущения, так и не смог.

Контр-адмирал Говард О'Брайен стоял на командном мостике и с холодным взглядом наблюдал за рабочей суетой экипажа вверенного ему корабля. Офицеры принимали доклады от операторов постов наблюдения, руководили полетами авиагруппы, принимали решения и в соответствующих случаях делали доклад. Мужчина в форме военно-морских сил США, любил свою работу. Она давала ему высокий статус как на службе так и в гражданской жизни, позволяла получить доступ ко многим материальным и что самое не материальным благам. Так например благодаря своему назначению он теперь был вхож в закрытый клуб деловых людей. На собраниях они обсуждали политику, принимаемые решения другими не менее уважаемыми людьми и последние новости. Но не это было самым главным в участии в подобном дискуссионном клубе. Помимо лёгкого решения многих жизненных вопросов, вроде приобретения особняка приличествующего его статусу и положению в обществе, качественной пластики для жены(ведь негоже чтобы рядом с таким уважаемым человеком быть морщинистая и обрюзгшая женщина), он получал доступ к некоторым привилегиям недоступным простым обывателям. Например, в том самом клубе где он встречался с почтенными господами были приватные кабинеты, в которых можно было исполнить свою практически любую фантазию. Именно о последнем таком посещении, перед отправкой в эту варварскую местность, чтобы взять к ногтю мерзких коммуняк и их прихлебателей, были все его мысли пока он с каменным лицом раздавал необходимые команды и выслушивал донесения.

Но вдруг какая-то неправильность в окружающей деловой суете привлекла его внимание. Разом выбросив из головы сладкие воспоминания об извивающемся на деревянной раме теле, заливающим рол из ран оставленных стеклом, он обратил своё внимание на пост гидролокационного наблюдения, чуткий слух уловил в рабочем шуме часть разговора, где оператор докладывал офицеру поста о странных показаниях сонара.

Практически сразу же после этого последовал доклад ответственного офицера об обнаруженной странной аномалии. Посреди их ордера стали появляться неправильной формы, плотные объекты с коротким сроком жизни и странными флуктуациями. Причем их засекли не только наблюдательные посты авианосца, но и постами наблюдения с кораблей прикрытия. Судя по всему это были косяки рыб. Но создавалось впечатление, что ими как будто кто то управляет заставляя демонстрировать необычное поведение.

— Повысить уровень готовности на одну единицу, — приказал контр-адмирал, — боевую работу авиагруппы продолжать в прежнем режиме.

Стоило ему отдать приказ как дежурный офицер тут же принялись отдавать приказы и звук работы корабля тут же изменился. Затопали по коридорам ботинки морских пехотинцев, часть отсеков прежде открытых принялись задраиваться, с нескольких орудий сдернули защитные чехлы и команды их БЧ переводили аппаратуру управления из дежурного в боевой режим.

— неизвестно, что задумали коммуняки, но необходимо быть готовым ко всему, — вертелась у него в голове мысль. Конечно, была надежда, что странное поведение косяков рыбы вызвано естественными причинами, типа сейсмической активностью морского дна или утечкой дизтоплива из танков какого нибудь корабля сопровождения. Но он понимал что шанс такого исхода ситуации крайне малы.

Он так и стоял с бесстрастным лицом слушая всё учащающиеся доклад о странном поведении рыбы, которая кишела практически у борта его корабля и уже хотел было дать команду разогнать глупую селёдку несколькими глубинными бомбами, когда над взлётной палубой взметнулось огромное щупальце со здоровенными присосками.

Кто-то из находящихся на мостике людей не выдержав такого зрелища тонко завизжал, но О'Брайен отреагировал довольно спокойно. Что-то внутри него подсказывало что придя с войной к Русским нужно ожидать от них самых нестандартных ходов. И если они вздумали натравить на его корабль своих монстров он найдёт чем им ответить.

— Отставить панику, — рявкнул он даже не глядя в сторону откуда раздавался крик, — задраить выходы на полетную палубу, оператором орудий непосредственной обороны, открыть огонь по противнику! Разнесите этого чертового кракена в клочья.

Тотчас ожили орудийные башни со многоствольной орудиями разворачиваясь в сторону необычного противника, и намереваясь кинжальным огнём разрезать плоть морского гиганта. Но Кальмар не стал дожидаться такого исхода. Пошарив одной из своих конечностей по палубе и смахнув за борт одного из техников обслуживающих самолеты он быстро вернул его под воду.

— Сбросит глубинные бомбы! Глубина подрыва 20! — крикнул один из офицеров видя что цель исчезла из поля зрения.

— Это ничего не даст, — тут же отозвался другой, — тварь прямо под нами!

— Дистанция минимум, — не унимался первый, — монстр в любом случае пострадает.

— Эскадренным миноносцам, сброс бомб, — подтвердил команду контр-адмирал. Идея ему понравилась — неизвестно как Совет приручили этого монстра с щупальцами, но близкий взрыв глубинной бомбы ему вряд ли понравится. А его корабль переживёт воздействие ударной волны, всё-таки он довольно крепкое судно.

Но в этот момент офицер связи крикнул привлекая внимание, — морская тварь напала на корвет прикрытия и пытается его утопить!

— Как монстр успел так быстро доплыть до другого корабля, — подумал контр-адмирал, но тут же понял что монстров было несколько и тот что пытался атаковать авианосец никуда не делся. Тут же подтверждая его мысли над ботом вновь взвилось несколько щупалец, которые тут же рухнули на палубу и принялись шарить по ней.

На этот раз операторы установок непосредственной обороны не оплошали и потоки свинца, сплошным потоком вырывающиеся из многоствольных пушек принялись рвать в клочья плоть глубоководных созданий.

Глядя на то как палубу заливают бледно-синяя крови и засыпает кусками бурой плоти, Говард О'Брайен испытывал странное чувство — с одной стороны, он и его корабль подверглись самой странной за всю его карьеру атаке, а с другой, он успешно её отразил.

Но не успел он в воображении представить как сам президент жмет ему руку и прикалывает на китель заслуженную медаль, как с постов связи посыпались доклады один за другим. Корабли сопровождения докладывали что морские твари принялись раскачивать суда, да так что системы обеспечения остойчивости не могли справиться со своей задачей.

— Что там на миноносцах? Заснули они что-ли? — зло вскинулся контр-адмирал.

— Нет подрыва бомб, — тут же отозвался один из офицеров напряженно продолжающий следить за экраном сонарного поста, — что-то их блокирует...

— Невозможно заблокировать глубинную бомбу..., — начал было давать ему отповедь О'Брайен, как вдруг в этот момент офицер связист закричал перебивая всех.

— С борта Гротона передают что их полностью лишили хода и сейчас тащат в глубину!

— Фогель совсем с ума сошёл? — выразил своё возмущение контр-адмирал, — пусть продует цистерны и всплывает...

— Невозможно, сэр, — бодро отозвался офицер, — они полностью опустошили балластные цистерны, но всё равно погружаются!

— Всем кораблям! — тут же приказал контр-адмирал, — самый полных й ход, рвать винтами этих тварей. Офицерам оперативного управления разработать программу дистанционного сверх близкого подрыва..., — он не успел закончить, как офицер связист доложил.

— Монстры только что утопили наш транспорт.

О'Брайен поморщился — твари оказались сильнее и быстрее чем он предполагал. Не это последняя потеря, — корабли АУГ набирали ход, а значит теперь монстры отстанут. А там и будет разработана программа подрыва БЧ ракет без наведения (монстры холоднокровные и практически не отражают радиоволны, а значит, стандартными алгоритмами невозможно дать на них целеуказание) и он сотрёт коммунистических выкорышек в порошок.

Но плохие новости на этом не закончились.

Сэр, — обратил на себя внимание один из офицеров, — от Гротона перестала поступать телеметрия, похоже мы потеряли его.

— Так быстро, — ошарашенно прошептал мужчина, он рассчитывал ещё как минимум на полчаса борьбы стального подводного гиганта с глубоководным монстром, — эти твари совсем...

И снова ему не дали закончить мысль. Из толщи воды подобно ракете взвилась гигантская туша чудовищного монстра. Технически это был обычный кальмар, ко вот его размеры. Порядка двухсот метров сизо-бурой плоти рухнуло на полетную палубу. Монстр отчаянно принялся махать щупальцами сталкивая с палубы стоявшие там самолеты, и редких техников с сигнальщиками.

— Мои самолёты, — завопил капитан первого ранга, командир авианосного авиационного крыла, до этого тихо стоявший в стороне и с любопытством смотрящий на весь происходящий бедлам.

— Командиру корпуса морской пехоты, — скомандовал контр-адмирал, — принять меры по очистке палубы!

Это решение оказалось не совсем эффективным, морские пехотинцы высыпавшие на палубу в безопасном отдалении практически не могли нанести никакого урона морскому гаду — пули штатных М-16 не могли пробить плотную шкуру гигантского головоногого, а выстрелы из противотанковых гранатомётов не детонировали просто погружаясь в его плоть — она была подобна толстой резине так что взрыватель рассчитанный на столкновение с бронёй танка не активировался.

Но постепенно природа брала своё и с каждой минутой движения гиганта становились всё медленнее и медленнее, пока он совсем не замер распластавшись на палубе подобно куску сырого теста. Но за время своей активности он сумел безвозвратно лишиться авианосец, двадцати машин и нескольких турелей, также в экипаже корабля образовалось почти сорок вакантных мест.

Контр адмирал стоя на мостике сжимал кулаки от ярости — этот непредвиденный ход коми, стоил его АУГ безвозвратной потере двух транспортов и одной подводной лодки, а

также четверти авиакрыла и почти ста человек из состава оставшихся на плавучих судах. Что с ним сделает командование за утерю Гротона — атомной подлодки проекта “Лос-Анджелес” он боялся представить. Но всё ещё можно исправить. Если усилить натиск и добиться каких-нибудь заметных успехов, возможно ему простят эту неудачу.

После своего эксперимента с попыткой подключения к нейространству гигантских головоногих я несколько дней ходил как сомнамбула — перемещаться в двух плоскостях при помощи всего одной пары ног было довольно непросто. После того как ощутил возможность медленного парения в толще воды и резкого полёта на реактивной тяге от струи выпущенной, из мускульного мешка, воды.

Но несколько плюсов от этой ситуации всё же было. Во-первых я отомстил за наших бойцов и ребят погибших на чужбине, во вторых заставил авианосную ударную группировку на несколько дней прервать поддержку наземных сил и уйти из квадрата эффективного применения, что в свою очередь дало нашим войскам передышку и возможность провести перегруппировку сил, ну а в третьих натолкнула меня на замечательную идею. Зачем собственно отправлять на поле боя живых бойцов (в качестве которых выступали вчерашние школьники) если с их ролью прекрасно могут справиться дрессированные животные. При этом если взять животных с примитивным нейространством (но хотя бы теплокровных, а то моллюски уж сильно отличаются от привычных мне аборигенов) то можно вполне выдрессировать их на выполнение определённых последовательностей действий. Причём даже можно установить некоторую вариативность как самих выполняемых действий, так и событий-триггеров. В этом случае не нужно даже тренировать каждую особь индивидуально — достаточно качественно обучить одну единицу, а всех последующих обучать просто копированием нужного куска нейрослепка. Благодаря примитивности нейространства животных такую операцию несложно осуществить даже не лично мне, а с помощью аппарата нейрозаписи. Пока конечно таких аппаратов нет, как и обученных животных, но ведь всё в моих руках. А юных комсомольцев с фронта надо убирать, как и советских солдат — им не надо гибнуть за торжество коммунистической идеи. Во имя коммунизма должны гибнуть его враги.

Один из бункеров объединённого командования, зал совещания, заседание объединённого европейского боевого командования вооружённых сил США.

За большим овальным столом в окружении секретарей, референтов и адъютантов заседают степенного вида мужчины и женщины в форме и костюмах стоящих как средняя боевая машина. Идёт активная работа, туда-сюда летают распоряжения — запросы — команды. На стене рядом со столом, за которым заседают представители командования, большая интерактивная карта Европы на которой множеством значков и символов отмечены военные и гражданские объекты, подразделения и боевые единицы. В одном из углов находится пульты операторов связи куда то и дело отходят дежурные и секретари, чтоб принять или передать очередную депешу, в противоположном углу установлена огромная мягкая тахта на которой полу лежит молодой парень лет семнадцати-восемнадцати на вид, в

окружении десятка юных девушек скорее раздетых, чем одетых. Но он так только выглядит, стоит заглянуть ему в глаза как можно увидеть там клубящуюся тьму, озарённую редкими вспышками странного света. Рядом с тахтой стоит столик уставленный различными блюдами, закусками и винами.

Кажется, он полностью поглощен своим окружением и попытками накормить его ягодами винограда, но вот стоило одному из адъютантов тихо прошептать на ухо чернокожему мужчине крепкого телосложения в мундире с четырьмя звёздами на погонах очередное донесение, как парень резко подскочил будто его подбросило пружиной.

— Стоп! — раздался не очень громкий окрик, но от него застыли абсолютно все — и многочисленная обслуга и сидящие за столом командиры военных и гражданских служб, — вы все ни на что не годные, мешки биомусора!

Парень обвёл присутствующим взглядом от которого каждый на кого он смотрел, покрывался испариной, начинал мелко дрожать и думать о самоубийстве. Молодой человек же не прекращая бросать во все стороны уничижительных взглядов быстрым шагом проследовал к одному из входов зала совещаний.

За его быстрыми шагами следило две сотни выпученных от напряжения глаз. Перед самым выходом из помещения он коротко бросил: “отомрите и продолжайте работать”.

Стоило ему скрыться за дверью как зал облетел единый вздох облегчения и люди находящиеся в нём продолжили работать, только избегая смотреть друг другу в глаза.

Парень же шагая по уходящему под уклоном вниз коридору размышлял над дилеммой — сколько бы он ни старался мне не могли толком начать работать У них всегда была огромная куча отговорок типа “технически невозможно”, “займёт непрогнозируемое время”, “мы не обладаем достаточными ресурсами” и самое его им ненавидимое “общество этого не поддержит”. Ему вообще плевать что там поддерживает или нет какое-то общество. Он им ясно дал цель и они должны реализовать её любой ценой не считаясь ни с чьим мнением, ни с затраченными ресурсами, как материальными, так и людскими. Но похоже, что если он хочет чтобы работа была сделана хорошо — её придётся делать самому. И он знает как это осуществить.

Спустившись сначала по длинному коридору до лифтовой площадки он долго ехал на трёх лифтах на самый низ подземного комплекса. Благодаря своему предвидению развития ситуации он выбрал именно этот объект за один из его супер защищенных уровней.

На этом этаже располагались лаборатории. Вот только в них не занимались ни производством смертельных газов, ни введением вирусов-убийц, ни даже изготовлением роботов что смогут (при удачном стечении обстоятельств) переработать на компост всё человечество. Тут вообще не занимались ничем смертельным, а как раз наоборот — тут исследовали жизнь. Жизнь человека как самую высшую ценность.

Добравшись до нужного помещения он остановился около прозрачной перегородки отделяющей рабочую зону от коридора. Внутри помещения несколько человек в белых халатах среди столов с разнообразной химической посудой, микроскопами, центрифугами и прочими научными приборами были заняты малопонятной постороннему деятельностью. Но смотревший на них парень знал не только тему их работы, но и текущий её этап. Причём чётко отслеживая действия каждого сотрудника.

Выбрав момент когда его присутствие никому не помешает и не сорвет процесс проходящих опытов и исследований, он прошёл внутри, причём ему даже не пришлось прикладывать карточку-ключ к электронному замку — он просто щелкнув открылся при его приближении (но рядом никого не было, поэтому это происшествие осталось незамеченным).

— Здравствуйте, — обратился к нему стоявший ближе всех сотрудник, — прошу прощения, но похоже вы ошиблись дверью, сейчас тут идет важная работа...

— Я пришёл именно туда куда нужно и когда нужно, — перебил его парень, — и эта работа идёт именно по моему распоряжению.

Он поднял взгляд на стоявшего перед ним человека в белом халате, лёгком респираторе и защитных очках. От того что мужчина, между прочим обладавший научность степенью и по роду работы не верящий ни в какую мистику, увидел в его взгляде, у него в буквальном смысле отнялись ноги. Сделав несколько шагов на дрожащих и подкрашивающих ногах до ближайшего стула он тяжело на него сел.

— В Чем дело Исаак? — обратился к нему другой сотрудник, заметивший аномалию в поведении своего коллеги.

— Всё в порядке! Всё в порядке! — практически крикнул мужчина, буквально подскакивая на стуле, — продолжай работу Джон.

Он тут же развернулся к продолжающему спокойно стоять у прохода парню, — что Вам угодно? — произнёс мужчина таким уважительным тоном что было ясно что любой приказ он выполнит не задумываясь и прилагая наибольшее усердие.

— Ваша группа сейчас находится на наиболее правильном пути, — начал спокойно говорить парень сойдя с места и быстрым шагом направляясь вглубь помещения, — в ближайшее время остальные лаборатории параллельных исследований свернут свою работу и их сотрудники поступят в Ваше распоряжение.

Он ненадолго прервался рассматривая установку, стоящую посередине помещения. Затем обошёл её кругом несколько раз и продолжил: “Вам необходимо форсировать работы по направлениям Б-3 и Н-12/2 по нумерации вашего лабораторного журнала, для этого вам и предаются значительные ресурсы в виде новых сотрудников и оборудования их бывших лабораторий”.

— Но работы по Н-12/2 требуют наличие генного материала, а лабораторные шимпанзе слишком....

Парень не стал его выслушивать, а просто закатал рукав и поднеся руку к лицу опешившего от какого научного сотрудника произнёс: “берите генный материал, берите с запасом”.

Всё то время пока мужчина, с несколькими ассистентами, набирал у него из вены кровь,

делал вырезки кожи и мышечной ткани, он не произнёс ни звука. Даже когда с помощью монструозного аппарата брали пункцию спинного мозга, ни один мускул не дрогнул на его лице.

После окончания процедур, парень просто встал и ещё раз обведя всех присутствующих взглядом, просто произнёс: “Вы все знаете что делать”. Сотрудники лаборатории только смогли кивнуть как заворожённые смотря в его глаза.

После этого он прошёл на узел связи и принялся отправлять сообщения одно за другим, при этом все операторы и контролирующие их офицеры беспрекословно выполняли все его распоряжения отложив остальные дела.

— Мэм, получено новое распоряжение, мэм! — обратился к высокой чернокожей женщине в форме майора морской пехоты, капрал с нашивками отделения связи, — по системе “небесный мост” только что получена шифротелеграмма. Отправитель указан “Золотой”.

Ребекка Блэкхоуп, оторвалась от изучения лежащих перед ней документов и подняла вопросительный взгляд на вошедшего в её кабинет капрала, — ну так давайте её сюда скорее, — она требовательно протянула руку.

— Мэм, прошу прощения мэм, инструкция по обеспечению режима секретности...

Женщина не дослушав оборвала речь мужчины взмахом руки и решительно встала из-за стола. Дел у неё еще много, а эти глупые “снежки” со своими дебильными правилами и инструкциями уже сидели у неё в печенках. Шагая по коридору в сторону комнаты засекреченной радиосвязи, она мечтательно улыбнулась — вот в её родном районе не было ничего главнее слова вожака (звание которое ей принадлежало последние два года перед тем как она подписала контракт, чтобы избежать проблем с федералами) и никакие законы и правила ничего не значили для главы района. Хотя конечно все остальные жители обязаны были их строго соблюдать под угрозой страшной кары.

Наконец прибыв на место она некоторое время потратила на ввод различных паролей — личного, выделенного её подразделений, ситуационного и пароля на текущую неделю, прежде чем аппарат ЗАС выплюнул ей в руки листок сероватой бумаги.

Расписавшись в показавшейся ей бесконечном количестве журналов она наконец смогла приступить к чтению того что там было написано. По мере чтения брови на её лице поднимались всё выше и выше.

Выйдя из комнаты она быстрым шагом направилась к себе в кабинет по пути достав телефон и совершив несколько звонков. Наконец устроившись за своим рабочим местом она развила лихорадочную деятельность — созвав всех адъютантов, секретарей и референтов (которых в связи с постоянным увеличением контингента становилось всё больше и больше) она принялась раздавать приказы.

В первую очередь следовало выделить дополнительный персонал на основную производственную базу, сделать новый заказ на оборудование и материал и заключить несколько контрактов с производителями техники и вооружения на разработку уникальных образцов.

Хотя в полученных приказах содержался и позитивный момент. Теперь наконец появилось чёткое распоряжение насчет бракованного материала, а то она уже устала

списывать с баланса подопытных и отчитываться за сотни кубометров газа, которое сопровождало выбытие сильно раненых или критически искалеченных сотрудников категории “D”.

— Смотри Джон, — обратился к молодому человеку полностью седой, но ещё крепкий мужчина в годах, — сейчас после поведения двигательного теста, мы сможем запустить калибровку гидросистемы и за одно проверим насколько твои расчеты соответствуют действительности.

Пара людей в гражданских костюмах стояла на третьем уровне монтажных лесов окружающих так называемый “проект Голем” — огромную машину высотой три метра, имеющую угловатый корпус, несколько блоков навесного вооружения включающего в себя как крупнокалиберное орудие, несколько блоков неуправляемых ракет и пару транспортно-пусковых контейнеров универсальных ракет земля-воздух-земля, а также множество странных архаизмов типа клинкового оружия и настоящего сумасшествия (по мнению Джона) — огромной цепной пилы, по типу той что используют для демонтажа железобетонных конструкций.

— На кой чёрт, на этот ходячий сарай навесили, мать её, цепную пилу? — в который раз он задал вопрос своему наставнику.

— Во первых, это было желание заказчика, — наставительно поднял палец один из ведущих инженеров Локхид Мартин, а во вторых это неплохое средство для демонтажа как техногенных завалов, так и вражеской бронетехники, не говоря уж о солдатах противника.

— Но сэр, это очень странно, продолжал недоумевать молодой парень, — когда я делал расчеты гидропривода то думал что это будет что-то вроде минного заградителя или инженерной машины, а это агрегат просто порождение больного мозга — судя по отсутствию люков для экипажа это дистанционно управляемый робот, причём на прямом управлении, потому что ребята из отдела программного обеспечения, не работали ни над каким “Големом”. Я это знаю абсолютно точно.

— Ты ещё молод, Джон, — покровительственно похлопал его по плечу седой мужчина, — поживешь с моё, будешь знать что о некоторых вещах лучше не думать.

В этот момент, прерывая их разговор, раздался звук сирены и голос кого то из руководства объявил о начале очередной серии предпусковых работ. Сотрудники Локхид Мартин быстрым шагом отошли вглубь монтажного цеха и заняли свои места за терминалами системы измерения контроля параметров объекта.

После некоторых дополнительных работ, объект “Голем” наконец-то запустился. Джон с удовлетворением смотрел за показаниями датчиков давления и перемещения, оказания которых демонстрировали правильность расчётов молодого инженера касательно скорости реакции гидросистемы на управляющее воздействие, а также требуемый уровень усилия на приводимые в движение части механизма.

Вот только когда первый восторг у него прошел и он стал более вдумчиво смотреть на цифры, он обратил внимание на то что управление гидроприводом ведется настолько филигранно, как будто за пультом управления сидит экскаваторщик с многолетним стажем (проходя практику на производственной базе Катерпиллар он насмотрелся на таких кадров которые могли многотонным ковшем экскаватора играть простенькие мелодии на детском

пластмассовом пианино). Повертев по сторонам головой он заметил ещё несколько странных фактов.

На камерах демонстрирующих машину с нескольких ракурсов не было заметно силовых проводов по которым бы поступало электричество для питания этой машины. Во вторых при здравом размышлении корпус машины был слишком велик для размещения в нём дизеля (да и не было заметно характерного сизого выхлопного дыма), а если учитывать что практически всё вооружение крепилось на корпус сверху, было решительно непонятно чем занято такое внушительное внутренне пространство. И наконец в третьих — руководитель испытания постоянно с кем то переговаривался, причём вёл разговор так будто беседует со слабоумным, и при этом показания датчиков на экране перед Джоном, менялись согласно его командам. Как будто этой машиной управлял слабоумный собеседник руководителя.

Но тем не менее процесс испытания шёл своим чередом. Боевая машина даже сделала несколько кругов по испытательной площадке довольно ловко шагая по серому бетону. Именно способ перемещения механизма больше всего поразил Джона ещё на стадии ознакомления с проектом — создавать шагоход в конце двадцатого века это нонсенс и дичь, но тем не менее эта несуряца стояла перед ним и довольно ловко ходила по небольшому пятачку.

— Ходить по ровному большого ума не требуется, — лениво текли у него в голове мысли пока он без интереса смотрел на показания датчиков, с этим справится и слабоумный (видимо для этого они и дали ему пульт управления), а вот что будет с этой пятидесяти тонной машиной на пересечённой местности, в болоте ил в условиях городского боя где узкие улицы будут завалены битым кирпичом, перегородены сгоревшими машинами, а с верхних этажей многоэтажек будут прилетать бутылки с зажигательной смесью и противотанковые гранаты.

Но к его удивлению, одна из стен окружавших опытный образец отъехала в сторону и машина довольно шустро проследовала в соседнее помещение где был организовано что-то типа полигона — несколько участков и техногенными руинами перемежались небольшими участками с различным покрытием — газон, перепаханная земля, болотина, песок и даже небольшой в диаметре бассейн судя по всему довольно приличной глубины.

По этой площадке металлический сарай стал довольно бодро перемещаться. Тут Джон отвлекся от происходящего на экранах общего обзора и уставился на монитор стоящего перед ним измерительного комплекса, так как показания датчиков демонстрировали близкий к предельному режим работы всей гидросистемы.

Убедившись что все его расчеты верны молодой человек опять стал смотреть на общий экран, а там как раз демонстрировалась сцена как боевая машина при помощи своей огромной цепной пилы старательно подпиливала армейскую хамви. Причём довольно успешно. Но то что произошло дальше, оставило в душе Джона глубокий след.

Стоило только цепной пиле окончательно располовинить раскачивающийся на рессорах автомобиль, как угловатый механизм крепко сжимающий в манипуляторе пилу вскинул его вверх и издал жуткий крик-скрип, причём у всех присутствующих создалось впечатление, что кричал человек испытывающий жуткую агонию.

Сразу же после этого испытания остановили и отключив всю телеметрию и камеры общего обзора, попросили всех лиц не имеющих допуска А1 покинуть помещение испытательной станции. Джон вместе со своим наставником и остальными прикомандированными сотрудниками вышел в общий зал. По пути все подавленно молчали

видимо прокручивая в голове причины откуда изнутри машины, управляемой с такой филигранной точностью и мастерством могут разноситься столь жуткий крик.

В конце концов на вечернем фуршете (испытания были признаны зачетными — об этом им сообщил один из офицеров) все выбросили из головы этот эпизод. Компания платит им деньги чтобы они делали свою работу, а не задавали глупые вопросы, и пытались догадываться о таких вещах за которые федералы отрут им голову.

Прошёл практически месяц с тех пор как я дал отпор капиталистам в средиземном море. Авианосная ударная группировка опять вернулась в тот квадрат откуда её самолёты опять принялись штурмовать европейскую землю.

Но этот месяц я потратил не зря. Наконец то читая новости на терминале домашней миниЭВМ, я с удовольствием отметил что во всём районе не был ни одних похорон, ни не было получено ни одного извещения о гибели в бою или пропаже без вести наших ребят.

К сожалению, по моему попустительству, подобное происходило довольно часто, а я всё никак не мог взять в толк из-за чего идут такие потери и всё наращивал и наращивал нейро давление на молодых парней и девчонок заставляя их постараться и сделать что-нибудь для фронта, для победы. К сожалению, я не предусмотрел что получившую психологическую накачку ребята не только занимались изготовлением различных боевых машин и оружия, но и лично отправлялись на фронт громить врага. А это было уже очень плохо — они должны участвовать в социальной жизни общества, учиться, да и приносить потомство наконец, а они просто-напросто умирали на чужой земле. Хоть их и защищала высокотехнологичная броня и мощные противопульные системы, всё равно гаражные поделки не могли идти ни в какое сравнение с фабрично изготовленным оружием и техникой предназначенной для убийства себе подобных. И из-за этого соотечественники реципиента гибли один за другим. И этот факт меня очень сильно огорчал. А если учитывать что практически каждый третий, если не второй, в момент смерти за счёт резкого выброса ПЭ связывался со мной как обладателем парной нейрометки, то мне транслировалось его последние мгновения, агония и жутко странное чувство угасания сознания.

Чтобы прекратить это я опять принялся оказывать воздействие на некоторых личностей каждую ночь инжектируя в их нейропространство нужные мне идеи. И это практически сразу дало эффект. Видимо моя новая доктрина не шла вразрез с их моральными установками, а как раз наоборот встречала их всемирную поддержку.

Так что скоро по всему союзу на поездах и электричках поехали угрюмые парни и девчонки. Их отлавливали военные, группы спецназа, а то и войсковая разведка и отправляли домой. Причём эти парни и девчонки в свои года уже сумели многое пережить — и потерю близких друзей и крушение надежд, бомбардировки, штурмовые налеты и даже немного присоединиться к боевому братству.

Но вернуть ребят домой это только полдела. Следующим шагом мне следовало пристроить их к какому-нибудь полезному делу. Но вот какому?

В раздумьях на эту тему я не одну ночь проворочался с боку на бок. Наконец, меня осенило — если они так хотят воевать, но не хотят терять друзей, то пусть воюют не по-настоящему. То есть, пусть управляют теми же танками, пушками и огромными боевыми человекоподобными роботами, но исключительно через терминалы доступа к “Неводу”.

Но для этого требовалась определённая подготовка. Конструкторские бюро созданные на базе школьных радио и авиамодельных кружков получили новую задачу — разработать технологию и реализовать её в металле, по увеличению зон покрытия распределённой сети “Невод”. При этом она должна не мешать в радио эфире ни военным, ни учёным, ни аграриям (которые тоже используют радиосвязь для организации обработки полей). Кроме того необходимо обеспечить полную её защищённость от воздействия противника — всё-таки при помощи этой сети будут управляться боевые машины и механизмы.

Мои усилия по приведению окружающей среды к комфортному для проживания разумных существ виду потихоньку начинали давать плоды. Несмотря на то что страна реципиента вела войну на территории сопредельных стран (поначалу она планировалась как операция помощи братскому народу в деле поддержания мира, порядка и территориальной целостности, но затем вылилась в противостояние армий двух политических систем), уровень жизни населения неуклонно повышался. Даже несмотря на весьма спорное решение о прекращении деятельности органов внутренних дел и государственной безопасности. Ведь если каждый человек будет радеть за общее дело и относиться к общему имуществу как к своему собственному то ему не понадобятся костыли в виде репрессивных органов. Конечно, этот процесс шёл довольно тяжело, но комсомольская организация делала всё возможное для скорейшего пробуждения обще классового сознания у народных масс. Благодаря распределенной сети миниЭВМ и громадного количества периферийных устройств для этих машинок ответственные комсомольцы могли вести строгий аудит практически любого предприятия. И только благодаря этому производительность многих заводов выросла на 500–600 процентов, а себестоимость продукции наоборот упала практически вдвое, а то и втрое. Всё дело оказалось в неэффективном руководстве, крайней не компетенции руководителей среднего и высшего звена, косности мышления, не заинтересованности работников в полученном результате и ещё множестве факторов, которые наслаиваются друг на друга заставляли успешные в общем то предприятия работать с крайне низкой эффективностью. Благодаря общественному беспристрастному контролю, причём контроль был не извне со сторон одного из прикомандированных комсомольцев, а осуществлялся самими работниками предприятия (вернее той его части которая поддерживала те идеи что я пытался привить местным) эффективность предприятий возрастала просто из-за того что работники больше не тратили время на согласование между отделами и цехами разных бюрократических вопросов, нужных лишь для того, чтобы как-то оправдать наличие излишнего штата бездельников отделах планирования, секретариата и прочих излишних для производства кадров. Да даже большая часть руководства предприятий оказалась не удел именно благодаря наличию подключения предприятий к единой сети. Теперь одно конструкторское бюро обладая доступом сразу ко всем архивам чертежей предприятий могло буквально с ходу проектировать новые изделия, причём из стандартных деталей, используемых для совсем других механизмов, но подходящих для новых целей. Это давало заметный прирост к производству и ремонтпригодности всей техники, так как большая часть деталей была унифицирована. Ещё одним плюсом повлиявшим на производство было то что теперь по схожему принципу работали и тех. бюро. Теперь не надо было изобретать специализированную оснастку, или выдумывать специфичные операции обработки тех или иных деталей — всё было в гигантском справочнике размещенном в сети. А после того как кто-то из увлеченных программированием молодых специалистов написал специальную программу для составления тех. процессов, которая в зависимости от детали или работы выбирала нужное описание из общего справочника — роль технологов вообще свелась лишь к проверке сформированных программой документов.

Благодаря этому почти все заводы лишились своих КБ и ТБ, роль которых на себя взяли несколько отраслевых институтов. Освободившиеся люди с высшим образованием

пополнили ряды учителей, преподавателей, операторов обрабатывающих комплексов с программным управлением и прочих тружеников интеллектуального фронта.

Конечно, не все из них были довольны сменой деятельности. Находились и такие (к моему глубокому сожалению таких было большинство) кто отнесся к происходящим переменам с изрядным недовольством. То что их ставки сокращают за ненадобностью, а им выдают направление на учебные курсы по переквалификации было встречено ими со скандалом. Некоторые даже умудрялись устраивать саботаж, чтобы доказать свою необходимость предприятию. В принципе это были довольно ограниченные и недалекие умом люди, так что и их вредительская деятельность не наносила особого вреда производству. Конечно, когда всё вскрывалось, а делалось это элементарно благодаря полной прозрачности всего производственного процесса.

С самими же саботажниками и остальными кто категорически не желал учиться и получать новую профессию из тех что необходимы стране и его народу поступал в отделения народной милиции на так называемое “перевоспитание”.

Вообще когда генеральный секретарь партии, а по факту правитель всей страны обратился к населению с информацией о прекращении деятельности двух немаловажных в жизни страны министерств с одновременной отставкой всех сотрудников, меня натурально охватила паника. Я хоть и признавал правильность этого решения и понимал причины побудившие его принять, но большая часть населения страны была просто-напросто к этому не готова. Первое время все словно замерли ожидая дальнейших действий, так что с охраной общественного порядка от дебоширов и пьяниц успешно справлялись созданные в авральном режиме патрули добровольцев, усиленные бывшими сотрудникам органов внутренних дел (из тех кто несмотря на свою работу оставался “человеком”). Но затем количество преступлений стало нарастать с катастрофической скоростью. Добровольцы не справлялись а бывшие сотрудники зачастую и были инициаторами преступлений. Грабежи, разбои, преступления против личности, кражи и хищения, а также ничем не мотивированные (по моему мнению) убийства совершались даже вполне добропорядочными людьми. Но у них что-то изменялось в сознании только при одной мысли о возможной безнаказанности. Зря дикторы по телевидению и радио только и говорили о суровом и неотвратимом наказании, а в распределенной сети миниЭВМ выкладывались факты о бессмысленности тех или иных преступлений. Несмотря на все увещания люди почему то продолжали считать, что коль больше нет сотрудников правоохранительного аппарата, то и законы отменили своё действие.

Именно в этот момент мне пришлось принять очередное тяжелое решение. Получив приказ по комсомольской линии, множество молодых рабочих и инженеров, за несколько дней оборудовали камеры предварительного заключения бывших милицейских участков, так называемыми нейроиндукторами. После этого всех дебоширов, буянов, и пойманных за любыми преступлениями людей тащили туда. В камере, буквально за несколько минут, человеку поступившему закон загружалась нейроматрица законопослушного человека.

Конечно, это было плохое решение, но только взглянув на статистику правонарушений за первую неделю после роспуска МВД, я не мог не решиться на это.

Матрица загружаемая в нейропространство правонарушителей, была очень ограниченная и рассчитанная на максимально широкие параметры нейрообраза среднестатистического человека. Но даже такая “рыхлая” матрица, в сорока процентах случаев вставала криво, и вместо мягкого неприятия асоциального образа жизни,

заставляла обработанных граждан как огня бояться любого нарушения закона.

Ситуация осложнялась тем, что практически девяносто процентов населения страны, понятия не имело об этих самых законах, подменяя их разными “правилами” и “понятиями”. Поэтому, действуя опять таки через комсомольскую организацию, пришлось устраивать всесоюзный законодательный марафон. На видных местах расклеивались информационные листки с текстами законов и комментариями юристов, в дворцах культуры и клубах шли лекции, а в кинотеатрах показывали наспех снятые ленты с выступлениями народных депутатов, судей, адвокатов и прокуроров, которые рассказывали о практике применения законодательства.

Благодаря этому не только повышалась общая грамотность населения, но и люди обработанные нейроиндуктором возвращались к нормальной жизни, переставали с криком отдергивать руки при попытке подать какой-нибудь предмет коллегам или домочадцам (так как для этого требовалось взять без спроса не принадлежащий им предмет) и при прочих мелких бытовых ситуациях. Также подвергшиеся обработке, несознательно, начинали распространять в своем окружении мысли о недопустимости противоправных действий.

Между тем военные действия в Европе только набирали обороты. В конфликт начали вмешиваться страны участники Североатлантического альянса. Под предлогом помощи населению они вводили сначала небольшие группы “миротворцев и наблюдателей”, с последующим увеличением их состава и поставками им военной техники и тяжёлого вооружения.

В ответ на увеличение численности войск противника и мне пришлось сделать свой ход. Будучи не только одним из крупных комсомольских функционеров, а также и администратором нескольких основных узлов распределенной сети, я бросил клич и запустил массовую акцию по привлечению школьников и студентов к работе операторами подвижных боевых комплексов.

Как показала практика военного конфликта в Афганистане и первых месяцев операции по восстановлению законного порядка в Югославии, советская армия способна выполнять любые задачи. Но цену выполнения, лично я платить был не готов. Гибель каждого советского солдата пятном ложилась на моё сердце, а гибель добровольцев из комсомола вообще заставлял меня скрежетать зубами. Так что я как мог, постарался сократить участие людей в военном конфликте.

У Советского Союза мощнейшая промышленность и самое лучшее оружие, именно на это, по моему мнению, и следовало сделать ставку.

Так как оставшихся после перевода на удалённое управление производствами, конструкторских бюро осталось не много, что их можно было пересчитать по пальцам, мне не составило особого труда вложить в нейропространство их руководства мысли о дистанционно управляемой технике. Одновременно с этим несколько групп программистов из НИИ прикладного программирования занялось разработкой программ имитации управления техникой. Благодаря нескольким запущенным по сети слухам множество школьников получив доступ к этим программам имитации стали использовать их в качестве игр. Хотя, на самом деле это и были фактически игры — программы содержали множество упрощений и упускали множество одних деталей, с одновременным вводом других, несуществующих вещей. Вроде статистики боя, возможности текстовый и голосовой связи с членами одной команды.

Вообще имитаторов было несколько — имитатор бронированной техники — танков,

БТРов, БМДшек, различных САУ и ПТ САУ, имитатор боевых вертолётов и самолётов, а также имитатор роботизированного пехотного комплекса.

В этих имитаторах можно было объединяться в команды и разыгрывать различные армейские операции против команд противников или техники управляемой специальным алгоритмом. Операции были различного типа — взятие высоты или населенного пункта, или наоборот удержание обороны, штурм укреплённого района, или захват бункера.

Постепенно пока программа имитации техники доделывалась, на заводах выпускали всё большее количество комплектов дистанционного управления военной техники, а в ремонтных мастерских и даже в поле эти комплекты устанавливались на танки, вертолёт и самолёты. Благо техники было в достатке. На огромном количестве баз, хранилищ и просто открытых стоянках хранилось просто фантастическое количество техники. Мне глубоко в душу запала фотография одного из полевых хранилищ которую сделал и загрузил в сеть один из техников проводивших модернизацию танков — поле где то в сибире, на котором стоят танки. Танки от горизонта до горизонта, покуда хватает взгляда.

Пока на территории союза проводилась реорганизация производства и модернизация техники на линии фронта дела шли день ото дня хуже. Из-за навязчивых мыслей беречь людей, у командного состава (их я обеспечил всем до кого смог дотянуться), наши войска отдавали территорию километр за километром. Что сказывалось на моральном духе бойцов. Конечно, он, и так, был не очень высок, а тут ещё постоянные отступления и перегруппировки, с многочасовыми пешими маршами, так как оказалось что войска противника имеют подавляющее большинство в технике. Причём техника у них была крайне странной — из нескольких гуляющих по сети фото можно было сделать вывод, что не только союз задумался о высоко бронированных шагоходах. При этом что-то в их машинах было странное — как будто я уже видел что-то подобное. Словно встретил старого знакомого — но никак не можешь вспомнить обстоятельства вашей первой встречи.

Шагоходы врага, были довольно странными — в отличие от машин изготавливаемых по чертежам инженеров которые создавали танки и боевые самолёты, они словно сошли с картин готических художников. Непонятные наросты и нащепки на броне, множество ревизионных лючков, дополнительных блоков. А так же каждая машина в обязательном порядке была оборудована странной конструкцией, которую в войсках прозвали “голова”. Он действительно размещалась в верхней четверти машин имела отдаленное сходство с головой гуманоида за счёт антропоморфных видео сенсоров, динамиков, газоанализаторов, и обязательной маски изображавшей обычно оскаленный череп или, что встречалось реже, морду какого либо животного, но тоже обязательно имеющего человеческие черты. Возможно из-за этого, а может по другой неизвестной мне причине, они внушали чувство страха своим противникам, сильно их деморализуя.

При всём этом, несмотря на мой печальный опыт применения на поле боя шагоходов, у противника они были весьма грозными машинами, несколько штук которых обычно образовывали ядро небольшой ударной группы из обычных пехотинцев и нескольких колесных броневых автомобилей. Возможно дело было в более специфическом опыте командиров низшего звена у противника, а может в том что машины врагов были вооружены не лучевым или электромагнитным оружием, а вполне обычными пулеметами, скорострельными орудиями и прочими стандартными для армии США системами вооружения.

Но наконец, когда первые несколько тысяч машин закончили переоборудование и

получили комплекты дистанционного управления, отступление наших войск наконец остановилось. Пришедшие на смену живым экипажам автоматические системы имели одно важное отличие — оператор управлявшие ими дистанционно мало того что не испытывали страха смерти, так еще и имели опыт нескольких тысяч виртуальных боев проведенных на машинах данного типа. Ведь допуск к настоящей технике получал только победители всесоюзных соревнований.

Мне стоило немалых трудов внедрить программы имитации в учебный процесс школ, но сдавшись под моим давлением, директора, и начальники РОНО всё же допустили их не только в качестве курса занятий для кружков, но и позволили занять несколько часов Информатики, технологии и даже начальной военной подготовки. Так что после этого по всему союзу почти все школьники после школы азартно взрывали и бомбили на своих домашних миниЭВМ цифровые образы техники НАТО. А после проведения нескольких всесоюзных чемпионатов, удалось собрать несколько команд настоящих виртуозов. И пусть м было от двенадцати до шестнадцати лет, но на полигоне, они на дистанционно управляемой технике громили вчетверо превосходящие их по количеству техники противников.

Так что после ввода подобных машин, на линию фронта, сначала отступление наших войск остановилось, а затем войска начали двигаться вперед. И это было неспроста. Танки, противотанковые самоходки, боевые машины пехоты, вертолёт и самолёты, в круглосуточном режиме благодаря нескольким сменяющимся командами, давили врага, действуя как слаженными группами, так и виртуозно в одиночку. При этом шагоходы противника, так хорошо показавшие себя в действиях с классических войск были малоэффективны против не испытывающего страха противника

С каждым днём сводки с фронта становились всё более и более радостными. Хотя и названия освобожденных населенных пунктов и областей были незнакомы большинству жителей страны, всё равно люди радовались такому развитию событий. Тем более что наконец-то остановилось пополнение кладбищ, где с металлических пирамидок под звездой смотрели на посетителей лица молодых ребят в форме. Вместо этого, наоборот, живые и здоровые ребята начали возвращаться из армии на заводы и фабрики, чтобы чинить разбитую в боях технику и изготавливать всё новые и новые комплекты удалённого управления и детали для очередного пополнения механизированной армии.

Помимо переделанных под дистанционное управление машин армия в Европе получала пополнение и в виде роботизированных пехотных комплексов — механической замен солдат. Ведь не только танки и штурмовые вертолёты должны участвовать на поле боя. До сих пор оставалось верным правило — земля не принадлежит какому-либо государству пока её не попирает сапог солдата армии этого самого государства. Именно потому объединёнными конструкторскими бюро и были созданы механизмы заменяющие живых солдат.

Конечно, это были не человекоподобные андройды, способные говорить и обладающие манипуляторами наподобие кисти человека. Боевые механизмы напротив были совершенно не похожи на людей — в базе своей то было просто платформа с двигателем, запасом топлива и необходимым минимумом гидравлики и автоматики, чтобы перемещать четыре конечности. База выглядела эдакой табуреткой с трёх суставчатыми ножками. А вот навесное оборудование уже определяло род войск и военную специальность комплекса. Так стрелки — оборудовались прицельным комплексом и держателем для автомата или пулемёта с механизмом ленточного боепитания, гранатомётчики — противооткатными упорами, держателем и системой перезарядки для ручного гранатомёта. Разведывательные платформы обеспечивались системами глушения звука двигателя и мощным разведывательно, радиолокационным комплексом. Платформы выполняющие полевой ремонт оборудовались мощными манипуляторами и комплектом инструментов.

Но большей частью платформы оборудовались именно в стрелковой модификации. Именно ими и управляли бесчисленные операторы, работая посменно они обеспечивали круглосуточное ведение боевых действий. Тем более что благодаря отлично написанным программным алгоритмам платформы могли, не требуя от оператора каких-либо специальных действий, перемещаться по пересечённой местности. ползать по руинам, а также подниматься по лестницам, в том числе приставным и веревочным. Это всё было возможно из-за наличия достаточного количества гироскопов и датчиков определяющих положение каждой конечности платформы в пространстве.

Правда по результатам нескольких недель эксплуатации в реальных боевых условиях выяснилось то платформам жизненно необходим манипулятор которым они могли бы взаимодействовать с окружающими предметам. А то, как оказалось, подниматься то по лестницам они могли, но вот открывать двери, брать некоторые предметы было невозможно. Конечно, оператор используя определенную смекалку и сноровку умудрялись делать эти действия переводя на полностью ручное управление конечности платформы, но то было не так уж и удобно, так что с некоторого времени абсолютно все платформы начали

укомплектовываться манипулятором по типу того какой стоял на ремонтных платформах, только рассчитанный на более слабые нагрузки, так как им не надо было натягивать сбитые с танков гусениц, а просто открывать шпингалеты, обрезать проволоку и выполнять иные задачи на которые была бы способна человеческая рука.

Глядя на то как механизированная армия подходит к прежним границам югославии, перемалывая, словно в жерновах, наёмные отряды, повстанцев и спецотряды армии США, главы остальных европейских государств начали активные действия. И если раньше они просто направляли ноты протеста в советские посольства и занимались демагогией с трибун ООН, то теперь они сменили свою риторику и принялись поставлять отряды якобы “добровольцев” в зону конфликта и даже заявили во всеуслышание о введении против СССР санкций. Правда все их санкции ограничились запретом покупать европейским компаниям ресурсы из Советского Союза, в частности нефть и газ. Часть компаний, при этом хитро переименовали свой собственный устав и территориальную принадлежность, а то и вовсе зарегистрировав в нейтральных странах дочерние компании, продолжили покупку энергоресурсов уже через них.

Но чем больше они отправляли в зону военных действий наемников, и вооружения тем больше их теряли разменивая жизни людей на разбитую и искореженную технику. Которая хоть и не была дешевой, но всё же на несколько порядков была дешевле человеческих жизней.

На генеральных ассамблеях и заседаниях закрытых клубов стали всерьез обсуждать возможность объявления всеевропейской войны СССР. Нельзя сказать что эти планы и сценарии развития были для Советского генералитета тайной за семью печатями. В генеральном штабе, напротив, очень хорошо понимали что военные успехи Красной Армии могут настолько напугать европейцев что они решат объединиться пред их общим врагом.

Но благодаря наличию твёрдой воли и явному рассудку советского лидера, в генеральном штабе даже не поднимались темы трудового соглашения с ультиматумами западных стран. Наоборот все планы предполагали окончательное решение остро назревшего вопроса о противостоянии советской и европейской системы политического и гражданского строя. Именно поэтому совещание за совещанием в генеральном штабе докладчики расчерчивали стрелками карту европы обозначая удары механизированных колонн по Риму, Парижу и Берлину. Вернее предполагалось что как раз таки Берлин не подвергнется никакому нападению, а самостоятельно, добровольно решить объединиться со всей восточной половиной. А вот остальные города и известные докладчикам бункеры и военные объекты как раз таки закрашивались шестеренками радиусов поражения ядерных зарядов.

Впрочем, их противники из западных штабов и объединений занимались тем же самым, только расчерчивая и раскрашивая карту советского союза.

В такой ситуации я как мог пытался стабилизировать обстановку, устанавливая во всех доступных мне коллективных нейрооблаках максимально спокойное течение нейротоков. На что способен человек нейротоки которого взбудоражены стрессом и ожиданием скорой всеобщей атомной войны — я прекрасно себе представлял. Потому что практически всё население Советского союза жило этим.

Благодаря занимаемому мною не маленькому посту в комсомольской организации мне удалось “продать” решение (ну как “продать” — фактически вложить в нейространство определенных людей нужные мне инструкции) о прямых поставках

фруктов из африканских стран, где режим был максимально дружелюбен к советскому государству. Правда в процессе организации этого, я узнал некоторые подробности, которые совсем не красили советскую международную политику. Так например в Народной республике Конго, конголезская партия труда пришла к власти в результате настоящего военного переворота осуществленного с финансовой и военной помощью своего старшего собрата. Но даже получив власть президент и национальное собрание не сильно жаждали чем-то расплачиваться за оказанную им помощь.

По моему настоянию, и с небольшой подготовительной работой, всё же было заключено двустороннее соглашение о поставках в Советский Союз продукции многочисленных африканских плантаций. Так что уже скоро во всех продмагах и универсамах начали появляться грозди желтых бананов, клубни батата и прочие продукты поставляемые союзниками. Каковые ранее только числились ими постоянно запрашивая технику, оружие, военных и гражданских специалистов и не давая ничего взамен кроме нескольких сотен чернокожих студентов занимавшихся по большей части не постижением наук в высших учебных заведениях, а производством смуглокожих ребятишек.

Но помимо привычных советскому вкусу фруктов на прилавках магазинов стало расти количество крайне дешёвых отечественных овощей и фруктов и всех видов консервов из них. А всё благодаря моей слаженной работе с генеральным секретарём ЦК. После того как он объявил о расформировании МВД и всех входящих в него комитетов и ведомств, я незамедлительно принялся мониторить глобальные нейрооблака. Именно благодаря работе с ними мне удалось снизить социальную напряженность и переключить тип деятельности у нового кластера безработных.

Так как по закону работать был обязан каждый совершеннолетний гражданин СССР (кроме нескольких исключений) то огромное количество бывших сотрудников было откомандировано в колхозы и совхозы — крепить продовольственную безопасность страны.

Естественно, многие не хотели этим заниматься и противились назначению и всеми силами пытались отказаться от выпавшей им работы. Но общественное мнение, и отряды особо ответственных комсомольцев обладающих способностью убеждения даже самых ярых противников нового порядка вещей, сделали своё дело. Получив столько рабочих рук (пусть даже и не всегда мотивированных) сельское хозяйство начало развиваться бешеными темпами. Теперь корма заготавливались в гораздо больших объёмах, коровы и прочая живность получив дополнительный надзор и уход стала гораздо меньше болеть, лучше набирать вес и давать больше молока. Да и само состояние техники и построек в селе многократно улучшилось. Теперь в поля не выходили кое-как едущие ржавые трактора наспех перемотанные проволокой — их ремонтом и обслуживанием занимались, пусть и не очень умелые и привычные к труду, но не пьющие мужчины обладающие просто огромным количеством свободного времени.

Правда с проблемой пьянства в сельской (да и не только в сельской) местности мне пришлось решать весьма кардинально. Если раньше я пользуясь личной ПЭ изменял направление нейротоков в головах окружающих меня алкоголиков, после чего харкал кровью и по нескольку дней отлеживался в постели, то теперь я выработал другую тактику. Теперь я лично не воздействую на пьяниц, а веду активную пропаганду недопустимости асоциального образа жизни и поведения. Свои доклады я зачитываю среди активных сторонников этих идей — так закреплять их в нейропространстве слушателей гораздо

проще, так как они и так были полностью на моей стороне. Но благодаря “особому” на них воздействию, они могли нести эти идеи в массы, с просто чудовищным уровнем убеждения. И благодаря именно их просветительской деятельности, население сёл и деревень массово переходило на сторону трезвости. Конечно, не всё, некоторые люди то ли обладали такой высокой невосприимчивостью к нейро пропаганде, то ли просто невероятной зависимостью от спиртосодержащих жидкостей, что они как пили и изготавливали в кустарных условиях алкоголь, так и продолжали этим заниматься несмотря на активное давление односельчан и заезжих лекторов.

Но не только сельское хозяйство испытывало невероятный подъём. Многие вяло текущие, а то и законсервированные стройки наконец получив достаточное количество рабочих рук резко активизировались. Так за рекордное время были достроены множество предприятий, жилых домов и объектов социального характера, типа детских садов, школ, домов культуры, и больниц.

Конечно, помимо разного рода разнорабочих и подсобников стране требовались и квалифицированные кадры. И именно их и начали выпускать все ВУЗы стран получив приказ об увеличении количества групп студентов. Естественно то не могло не понравиться педагогам, так как и нагрузка на них выросла многократно — не помогали даже увеличенные выплаты и премии. Но и тут мне пришел на помощь тандем из домашних миниЭВМ и распределенной сети связи их друг с другом. Теперь лектор могли читать лекции перед комфортным для себя числом слушателей, а внимало ему посредством межЭВМной видеосвязи. Так получать образование могли все у кого не было физической возможности приезжать из других городов на лекции.

Помимо контроля процессов в стране реципиента (всё чаще и чаще я начинал называть её моей страной) я старался, по возможности отслеживать ситуацию и в сопредельных странах. Это, с началом военных действий, стало одновременно и сложнее и легче. Легче в том плане что множество людей с моими нейрометкам с аппаратурой работающей, в том числе и в качестве усилителя нейроволн, начали во множестве появляться на всём протяжении линии соприкосновения. А с другой стороны, огромное количество народа испытывающих самые разнообразные эмоции, завязанные в основном на насилие и страх, создавали такие помехи и наводили столько хаоса в коллективное нейроблако, что либо разобрать в той каше не представлялось возможным. И уж тем более не было никакой возможности воздействовать на вражеских солдат и офицеров. Потому я помогал нашим войскам другим способом — как мог, укреплял тылы, чтобы солдатам было куда возвращаться. Чтобы их рома встречали счастливые лица родных и приветливые улыбки чиновников. Последнее особенно важно, потому что я уже не раз становился свидетелем ситуаций когда работники из когорты так называемых “слуг народа” превращались в самых настоящих “господ” и имели наглость пользуясь своим служебным положением всячески отлынивать от работы, параллельно унижая и притесняя обычных граждан.

В своём городе я, конечно, быстро положил этому конец просто воздействуя напрямую, усиливал у таких людей их профессиональные качества и заглушал личностные. Но мне было прекрасно известно, что один единственный город, пусть даже и довольно большой (по мнению местных) не может сделать никакой погоды на общем фоне. Потому в тур по стране, с обязательным посещением Горкомов и райкомов всех населенных пунктов отправилась очередная команда комсомольцев. Но так как все имеющиеся в городской комсомольской ячейке ответственные люди уже уехали проводить ликбез и читать лекции я принялся за

обработку оставшихся комсомольцев. Правда это были очень странные комсомольцы — им было по внешнему виду лет по сорок. Но мне было не привыкать работать со сложным материалом.

Как бы ни была тяжела обстановка на нейрофронте, я всё же смог вычленить кое-какие образы. Среди них были и сцены огромных подземных комнат и залов заставленных множеством ростовых колб. В них, словно ягоды в компоте плавали человеческие тела. При этом было видно, что все люди находящиеся в колбах на одно лицо.

Другим тревожным звоночком стал перехват нейрообраза уже из головы генерала нашего генерального штаба. В образе, полученном из вполне достоверного источника, частая цепь огромных, лязгающих гусеницами и изрыгающих чёрный дизельный выхлоп машин, давила французские виноградники и раскатывала в мелкий щебень столицы польши, литвы и прочих мелких городов. Населённые пункты на стороне противников, которые могли представлять опасность для живых солдат были не готовы к тому что по их городам вместо живых солдат, в которых можно кидать камни и кричать обидные слова пойдут механические комплексы, крайне нервно реагирующие на мельтешение людей и броски камней которые программное обеспечение через раз читало гранатами. Так что после нескольких инцидентов с пехотными комплексами, озверевшей толпой и пулемётом с ленточным боепитанием и управляемым огромным количеством подпрограмм, мне пришлось ощутить что происходит когда несколько тысячная толпа начинает таять словно снег под горячей водой, под мерный рокот тяжёлого пулемёта.

Валері Ренé Марі Жорж Жискáр д'Эстéн, двадцатый президент республики мрачно смотрел на военное командование собранное им на очередное чрезвычайное совещание. По правде сказать все последние совещания на всех правительственных уровнях носили приставку — “чрезвычайное”.

— Господа мы собрались здесь чтобы в очередной раз попытаться найти выход из сложившейся ситуации, — начал совещание президент, — я не буду упоминать из-за кого мы все оказались в подобном положении, — тут он бросил быстрый взгляд на министра обороны, — и даже не подумаю в чем-то обвинять наших союзников, — тут быстрый взгляд достался постоянному представителю НАТО при президенте, — но ситуация критическая.

— Ситуация остаётся управляемой..., — осторожно начал полномочный представитель альянса.

— Я видел ваши способы “управлять” ситуацией, — нахмурил брови президент, — и я не позволю превратить нашу прекрасную родину в радиоактивную пустыню!

— Современные средства ПРО гарантируют..., — опять начал представитель при тихом одобрительном гуле остальных военных.

— Я сказал НЕТ! — решительно рубанул воздух перед собой лысоватый мужчина, — я недавно говорил с Советским лидером, и он дал мне абсолютные гарантии что Советский Союз не применит против нашей возлюбленной франции атомного оружия если мы не применим его первыми. Так что давайте решать проблемы привычным путём!

В это самое время, когда огонь войны начал расползаться по всей европе, меня больше заботили выпускные экзамены. Не то чтобы я не был уверен, что их сдам. Меня нервировала обстановка вокруг них. Все мои приятели и приятельницы страшно переживали. А так как они все в той или иной мере несли мои нейро метки, то часть их чувств передавалась и мне. Только подключаясь к своему радио-нейрокомплексу мне удавалось немного передохнуть.

Вообще хоть я и разгрузил себя путём отправки по всему союзу пропагандистских бригад и чрезвычайно мотивированных комсомольских лекторов, всё равно мне лично приходилось следить за множеством нейрообразов, которе то и дело пытались уйти то в одну, то в другую крайность. Хорошо ещё что Лидер родного государства реципиента после того как я вручил ему нейроусилитель, стал лично участвовать в проводимой государством политике. Принимать решения, порой довольно жёсткие и следить за их выполнением, не просто мягко журить виноватых и бесконечно переносить сроки исполнения. В частности то вылилось в несколько громких новостных репортажей об “утрате доверия” некоторыми партийными лидерами и даже показательными расстрелами так называемых “предателей страны, идеалов социализма и принципов коммунизма”. Наверное, вся страна сидела раскрыв рот у экранов телевизора когда на прямой трансляции внепланового заседания политбюро были названы фамилии из тех что у всех на слуху, а затем солдатами кремлёвского полка эти самые носители фамилий выведены из зала. Но ещё больший шок все испытали когда на следующий день после заседания в “Правде” были опубликованы списки расстрелянных.

После этого вся страна гудела не одну неделю, но зато буквально через месяц на полках

магазинов появилась такое количество новых предметов широкого потребления, что всё прочее просто меркло. Правда тому предшествовало массовое увольнение старых директоров предприятий, которые привыкли к стабильности и были уверены, что при сохранении прежнего курса им не грозит потеря кресла. Теперь же когда под угрозой потери оказалось не должностное, а жизненное, они решили что пусть с этим всем занимаются замы. Замы были из той же категории людей — особо приближенные и заслуженные деятели. Так что и они не рискнули взять на себя такую ответственность. А вот молодые руководители из инженеров и конструкторов не боялись ни бога ни чёрта и были свято уверены, что приложив достаточно усилий можно сделать всё. Они не тормозили инициативу с мест и смело давали ход любым новым идеям и начинаниям, при этом не отказываясь от ранее взятых на себя предприятиями обязательств. Так автомобильные заводы помимо обеспечения плана по выпуску легковых автомобилей привычных моделей стали мелко серийно изготавливать и автомобили совершенно новых моделей, зачастую за авторством широкого коллектива самых разнообразных людей собранный “Неводом”. Лёгкая промышленность начала выпускать платья и костюмы широчайшего спектра фасонов и расцветок, а применение швейных машин с числовым программным управлением позволило многократно увеличить производительность труда швей. И такое наблюдалось абсолютно во всех областях. Всё это вкупе с буквально завалившей Союз плодоовощной продукцией из сопредельных стран которые рассчитывались за ранее поставленную помощь своими ресурсами подняло уровень жизни обычных граждан до такого уровня, что люди смеялись: “живём как обкомовские бонзы, а закончится война, так и на уровень политбюро поднимемся”.

**

Но происходящее в Союзе не могло не иметь и теневой стороны. Ведь природа не допускает пустоты — если прибыло в одном месте, то убыло в другом. Начав поставлять в Союз аграрную продукцию (по небольшим, но твердым ценам) и, следовательно, увеличив количество работающих в сельском хозяйстве множество африканских стран на это же количество снизило число солдат воюющих за очередную деревеньки и число рабочих гнущих пины на каучуковых плантациях соседних карликовых государств, что в свою очередь сказалось на поставках ресурсов в европу, англию и америку, вызвав очередной виток эскалации конфликта в европе.

Особенно данная ситуация напрягала одного человека уже прочно обосновавшегося в овальном кабинете и выселившего его прежнего обитателя — народного избранника в примыкающую каморку к секретарю. Ведь теперь он определял политику всего государства и никто не мог ему противиться попав под внимательный взгляд, глаз смотрящих казалось в душу.

Он всё последнее время недоумевал почему обладая такими колоссальными политическими и экономическими ресурсами всё ещё не может объединить это глупое стадо под одним началом. Ведь всем ясно, что в раздробленности нет смысла. Только обладая единоличным доступом ко всем ресурсам планеты можно перевести общество на следующую ступень. А глупые аборигены всеми силами сопротивляются ему. Порой даже складывается впечатление, что ему противостоит похожая сила. Но сколько б он не мотивировал учёных на создание “правильных” средств обнаружения ничего засесть не удавалось. Так что вскоре он признал что ему мешает лишь инертность проживающих тут дикарей. И переломит ситуацию можно лишь одним способом. Силой. Грубой и бескомпромиссной. И вскоре у него будет эта сила. Осталось подождать совсем немного. А

пока предстоит решать проблемы исходя из имеющегося инструментария, а поэтому нажав кнопку селектора приказал мужчине со стеклянным взглядом, сидящему в приёмной подписать документы из красной папки принесённой министром обороны.

С каким-то особым удовлетворением он прислушивался к доносящимся из селектора докладам о начавшейся погрузке личного состава в транспортные корабли. Ведь, чтобы вводить свой козырь, который прекратит всю эту глупую возню следовало как можно плотнее втянуть п всех участников в возню в песочнице под названием “европа”. Всё равно ни эта местность, ни проживающие там аборигены ему не нужны. Строить новое общество он планирует пользуясь совсем другим материалом.

А вот доклады о приведении в состояние особой готовности специальных арсеналов вызывало у него лёгкую меланхолию, и почему-то вызвало перед мысленным взором смутные картины перекатывающихся через материки и океаны волн огня, парящих в пустоте кусков камня объятых пламенем и прочих вещей от которых поначалу немного холодело в животе, а затем начинало шуметь в голове как от хорошего вина.

Седовласый маршал внимательно оглядел всех собравшихся, — товарищи партия поставила перед нами беспрецедентную задачу! Как вы знаете источником конфликта на европейском театре боевых действий являются не американские интервенты и инструктора военизированных бандформирований, а собственно американская военщина и их политические лидеры. Это сейчас наши солдаты сражаются и гибнут в европе, но целью врага была дестабилизация ситуации в нашей стране. Благодаря решительным действиям политического руководства выявлена и ликвидирована целая сеть агентов влияния спустившая корн в самые казалось бы защищённые ведомства союза, в его можно сказать, кровеносную систему. Но и на этом враг не остановился! По докладам разведки сейчас активно готовятся искусственные конфликты на ближнем и дальнем востоке, а сами США начали сбор резервистов и приведение своих ядерных сил в боевую готовность. Так что нам остаётся только одно. Нанести превентивный удар! Но удар не ядерными средствами поражения — тут дураков нет. Мы должны провести демилитаризацию Соединённых Штатов силами исключительно неядерного сдерживания.

Один из участников совещания пользуясь возникшей паузой в монологе командующего спросил: “Николай Васильевич, но ведь без объявления мобилизации нам не собрать ударную группировку, да ещё и доставка воинского контингента на другой материк, через океан, что в условиях современных средств поражения надводных кораблей просто превратит наших ребят в закуску для рыб.”

Начальник штаба Огарков, с лёгкой улыбкой взглянул на говорившего, — именно по этому я и собрал совещание в таком, думаю, странном для вас составе, — он обвёл собравшихся рукой, — начальников штабов сухопутных войск, войск гражданской обороны и военно-морского флота, а также представителей некоторых промышленных предприятий и институтов академии наук. Дело в том что промышленность в последнее время ударными темпами переходила на военные рельсы. Множество перспективных проектов были заморожен или вовсе отменены, а профильные институты и предприятия были перепрофилированы на выпуск совсем иной продукции. Хотя некоторые из вас уже столкнулись с комплектами телеуправления техники и роботизированными пехотными комплексами.

Глядя на то как некоторые из присутствующих генералов одобрительно кивают, он продолжил, — но не только этим занималась наша промышленность и наука. В кратчайший срок выполнив важнейший гособоронзаказ наш тыл обеспечил войска необходимым количеством комплектов спец аппаратуры, а штабы гражданской обороны, на базе ДОСААФ, профессиональных училищ, техникумов, и институтов сумели подготовить достаточное количество операторов спец аппаратуры. В данный момент с наших космодромов выводятся новые спутники связи типа “телемост”. Для международного сообщества они заявлены как телевизионно коммуникационные спутники. На самом деле это их не основная задача. Они были разработаны и запущены исключительно в интересах министерства обороны. С их помощью и будет осуществляться работа оператора. А сейчас прошу получить спецпакеты и отбыть по месту несения службы. По получению команды “Рябина” вскрыть пакеты и приступить к выполнению поставленных задач.

— Что? Рассказать тебе как всё это началось? — старый негр приложил руку к словно кислотой поеденному уху, а затем откинулся в кресле и уставился бельмами на месте глаз в потолок, — я тогда служил в службе охраны пляжа... Что зачем охранять песок на берегу моря? Тогда еще песок был не просто песком, а частной собственностью... тебе об этом на уроках истории расскажут. Так вот. Мы с напарником как раз патрулировали территорию возле Хилтона, когда из воды полезло нечто. Всё в водорослях ракушках, непонятной формы. Напарник мой схватился за пистолет, а я сразу смекнул что это красные... Нет дедушка старый ему можно так говорить, а тебе так делать конечно не стоит, и вообще не перебивай дедушку! Пока Билл, так звали моего напарника, вернее он был старшим патрульным, всаживал пулю за пулей в вылезшее из воды чудовище, я удирал оттуда во все лопатки. Так что когда БРМ сбросила транспортный чехол и оператор открыл огонь по нападавшему из ПКТ, я сумел удачно запрыгнуть в мусорный контейнер. Мусорщики в тот день задержались, так что начавшие подгнивать остатки сэндвичей, банановой кожуры и объедки хот догов удачно скрыли мой тепловой след и я сумел увидеть как весь пляж от горизонта до горизонта наполняется машинами. Много позднее я узнал что мне посчастливилось стать свидетелем форсирования атлантического океана сто двадцатой отдельной гвардейской механизированной Рогачевской Краснознамённой, орденов Суворова и Кутузова дивизии. Страшное это было зрелище, особенно когда вся армада двинулась к городу. Они конечно дали прикурить подразделениям национальной гвардии, что были расквартированы в городе.

Вечером я вылез из мусорного контейнера и собрался сделать ноги из города, но на дороге меня остановил патруль и быстро рекрутировал в морпехи. Воевал я правда недолго. Недели две. Но насмотрелся всякого. Особенно забавной была рожа у Сержанта Льюиса когда нашему отряду удалось подбить танк красных и мы вскрыли люк надеясь всласть спросить с танкистов за раздавленного танком Джо и расстрелянного Сэма. А внутри не было экипажа, только куча проводов, коробок с лампами и прочей ерундой. Джордж младший завопил: “парни, пока мы проливаем свою кровь, коммуняки сидят дома за самоваром с водкой и расстреливают нас словно уток в тире. Кто как хочет, а я продолжать это не намерен!” Вот тогда-то в танке и появился труп — наш отрядный АНБэшник вышиб ему мозги. Да, тогда во всех боевых подразделениях были специальные люди следящие за исполнением федеральных законов в области обороны и безопасности. Ведь когда по всему побережью штатов начали выходить войска красных, оказалось что наш дом некому защищать — большая часть солдат была расквартирована в европе, японии, в каких-то

пустынях. Так что под ружьё встали в основном простые парни из негритянских кварталов и спешно мобилизованные из федеральных тюрем. Хотя у чёрных парней было преимущество — нам браслет лояльности вешали на ногу, а не на шею как бывшим заключённым. А работу этого самого браслета контролировал Агент нац безопасности. Мы называли их пастухами.

Старик в кресле ненадолго замолчал, а затем словно вспомнив что он него просят, встрепенулся и продолжил: “Так вот... всё моё участие в войне закончилось когда в войска стали поступать солдаты президентского полка. Не знаю почему их называли солдатами, по мне так это были настоящие монстры — двух с половиной метров росту. Они всегда носили странную амуницию из полностью металлических клёпанных бронежилетов и касок с металлическими личинами. Кто-то говорил что вместо лиц у них звериные морды, но это всё брехня. Я видел остатки нескольких из таких солдат — обычные у них человеческие лица. Правда абсолютно одинаковые, как будто они все братья близнецы. Но уничтожать их орбитальными ударами, начали позже, а сначала они действительно остановили продвижение войск противника. Ещё-бы, каждый такой солдат мог оторвать танку башню!”. Тут дед зачмокал губами видимо осознавая что сильно приврал. “Ну или заклинить её. Во всяком случае они не знали усталости, страха, им не требовался сон и ночью они видели так же хорошо, как и днём. А когда корпорация боинг смогла довести до ума реактивные ранцы для тих солдат, все даже поверили что мы отобьёмся. Но красные нас переиграли. То что все полагали разведывательными спутниками на самом деле было орбитальным оружием. На борту каждого такого спутника было несколько сотен вольфрамовых штырей, которые он мог отправлять из космоса нам на головы. Скажу честно когда среди ночи с неба вдруг прилетает “красный привет” (мы называли их так потому что после себя они оставляли кратер который ещё некоторое время светился красным от расплавившегося до состояния стекла грунта) начинаешь думать совсем о другом.”

Но мы боролись, как сказал тогда президент “эта война будет продолжаться до последнего солдата”. Хотя многие прослушав его обращение к нации задумались — а каких солдат он имел в виду? наших или коммунистических?

Тем не менее я успел поучаствовать в битве за вашингтон — страшная, я тебе скажу, была заваруха. Красные сыпались с неба так густо, что солнечный свет заслоняли купола парашютов. Мы дрались отчаянно — каждый небоскрёб был превращён в крепость. Каждая стрит и авеню перегорожены баррикадами. В каждом ресторане быстрого питания была установлена установка ПВО, а на каждой автозаправке была база супер солдат. Им надо было постоянно заправлять свои ранцы топливом, потому что одной заправки им хватало буквально на пятнадцать минут полёта. Но и за эти пятнадцать минут они успевали дать прикурить противнику. Словно ангел возмездия они обрушивались на противника. И если бы нам противостояли живые люди они бы трепетали. Во всяком случае те гражданские, что попадались им на пути тут же уничтожались. К сожалению, они не нападали только на людей одетых в военную форму США, остальные были для них врагами. Наш АНБшник говорил что это из-за того что их пришлось вводить в бой не до конца готовыми. Если бы им дать дозреть в своих родильных чанах (что бы это ни значило), то они смогли бы пройти весь союз насквозь и взорвать все их авианосцы, эсминцы, всё взорвать... Но советы нас опередили и нанесли удар первыми. Ты, наверное, спросишь почему мы не стёрли их в порошок нашим ядерным оружием? Мы пытались. Только первые механические орды начали разворачиваться на наших побережьях президент тот же час отдал приказ ударить по этой варварской стране всеми нашими ядерными силами. Но проклятые дикари оказались

дьявольски хитры. Зарегистрировав наши пуски они запустили свои ракеты, буквально несколько штук, но они не летели к нашим городам и военным базам, они подорвали их заряды над своим небом. Я не понимаю технологии, но один пастух рассказывал что-то порознившее из-за взрыва русских бомб образуется поток каких-то частиц которые выводят из строя начинку наших атомных приветов. Так что получилось что мы обстреляли Русских пост огромным количеством радиоактивных бульжников. И урон от них был просто как от упавшего с неба камня. Мы еще несколько раз пытались разбомбить их, но они всегда успевали подорвать на пути наших ракет свои бомбы — как будто сам дьявол подсказывал им. Так что нам ничего не оставалось как пытаться перемолоть их войска. Но вот в Вашингтоне нам было нанесено первое поражение. Оно переломило ход всей войны. У нашей армии как будто выдернули стержень. Супер солдаты продолжали прибывать в войска, но их боялись и ненавидели буквально все, и военные и гражданские. Конечно, они были последним шансом нашей армии, но тем не менее из-за их особенности ведения боя они наносили больше урона нонкомбатантам. Умные головы с большим количеством звёзд на погонах пытались как-то исправить эту ситуацию — навязывать бой противнику вне городов, чтобы избежать сопутствующих потерь, но красные рвались именно в города, ведь там они получали максимальное преимущество. Подключаясь к сетям электрических компаний, водопроводным трубам, и газовым магистралям они словно пиявки высасывали ресурсы. Советский Союз не мог полноценно вести кампанию на два фронта — война в европе хоть находилась в завершающей фазе всё же ещё шла и требовала от коммуняк и дизельного топлива и производственных мощностей танкостроительных и ремонтных заводов. Вообще, как говорили на информационных каналов Советы испытывали значительные трудности с электронными компонентами. У их населения буквально изымали любую технику сложнее радио на нужды армии и флота. И их производство вот-вот должно было пожрав все ресурсы сколапсировать. Но этого почему-то не происходило. Роботизированные танки и машины, а также странные четырёхлапые робо-псы, день за днём накатывались на наши порядки подобно морским волнам из которых и вышли, и мы были вынуждены день за днём отступать.

Страшное рассказывали о судьбе населения в оккупированных городах. Как будто роботы перерабатывали население на биоконцентрат, а тех кто смог избежать страшной участи стать топливом для их биореакторов переделывали в страшных киборгов — для этого захваченные заводы и фабрики превращались в натуральные скотобойни, где бездушные машины вырезали органы из несчастных и вставляли вместо них электронно-механическую начинку. После такой операции человек уже не оставался сам собой, он превращался в бездумного исполнителя воли коммунистической партии — начинал прославлять оккупационные войска и оказывать им всяческую поддержку.

Старый негр немного помолчал и тихо добавил: “конечно после того как всё закончилось, нам рассказывали, а некоторым и показывали (тут он коснулся своих невидящих глаз) что всё это неправда. Что никаких заводов по превращению людей в киборгов нет, и мирная жизнь на территориях занятых красной армией обеспечивается не силой, а созданием общества равных возможностей, отсутствием дискриминации по любым признакам и наличием чётких социальных гарантий. Но пока мы всего этого не знали и были страшно озлоблены на оккупантов. Эта злоба помогала нам забыть о пастухах, что могли нажатием кнопки отправить любого из нас к праотцам, о супер солдатах которые своими роторными пулемётами прошивали насквозь жилые дома подчистую уничтожая

прятавшихся там жителей.

Но для меня война закончилась только после тех трагических событий связанных с помешательством президента и внезапной смертью всего конгресса. Конечно, говорили в тот момент всякое — и про то что рядом с залом заседания конгресса видели супер солдат, и то что президент ещё перед началом войны начал вести себя неадекватно и занялся чуть-ли не чёрной магией, принесся в жертву дьяволу половину всех заключённых в тюрьмах и всех пациентов психиатрических лечебниц, но то что о его болезни объявил какой-то пацан называющий себя вице-президентом — это факт. Вот только его программа “40 шагов к победе” никак не помогла — красные попёрли особенно густо, как будто бы у них открылось ещё несколько тысяч заводов, и на этом всё... меня взяли в плен и я уже который год сижу в том чёртовом центре реабилитации!”.

Старик внезапно схватил стоящий на столике рядом с ним стакан с водой и швырнул его в стену. Глядя на это молодой чернокожий паренек в синей школьной форме с пионерским галстуком только покачал головой и поставил жирный минус в последней графе заполняемого им отчёта. Аккуратно собрав осколки стекла, он попрощался с дедом и вышел из комнаты, печально мотая головой.

Проснувшись от звонка будильника, я, лёгким усилием воли сбросил с себя сонную хмарь — очередная попытка сна в отключенном от глобального нейрооблака состоянии обернулась для меня кошмарами. Во сне я вновь и вновь переживал последние месяцы войны. Судорожную подготовку к экзаменам, бесконечные заседания в комитете комсомола и “ночные смены” — так я называл свою работу над нейрооблаками определённых групп людей и нейропространствами вполне определённых индивидуумов. Моя (теперь уже без скидок на то что родился тут именно реципиент) страна опять участвовала в войне. В войне на выживание, и для благополучного исхода требовалось консолидация всего общества. Конечно, могло показаться что люди имевшие память о недавно закончившейся мировой войне объединятся в единый фронт и разорвут врага на мелкие кусочки, но почему-то этого не произошло. Когда начали взлетать ракеты с ядерными зарядами заградения, часть советских граждан бросились крушить магазины и выносить оттуда мешки с крупой и консервами, часть (преимущественно родом из южных республик) принялись заниматься насилием и совсем уж неопикуемыми действиями, так что вернуть всем ясность сознания и прекратить совсем уже безобразные действия стоило мне довольно дорого. Но времени отлёживаться и пытаться прийти в себя не было. Требовалось срочно форсировать производство комплектов телеуправления для техники, самой техники, всех сопутствующих компонентов и товаров народного потребления. Это была тяжелейшая задача. И если бы не мои последователи, я б не справился.

Последователи у меня объявились неожиданно. Вернее неожиданным оказалось их объявление. Как сейчас помню: Однажды вечером когда я уже закончил корпеть над учебниками и принялся за очередную настройку своего нейроусилителя в дверь квартиры раздался звонок. Открыв дверь обнаружил за ней Катю Синицыну и Алину Котельникову.

— Мы всё знаем! — с порога выпалила Катя.

— Даже не отпирайся у нас неопровержимые доказательства! — многозначительно произнесла Алина вертя в руках плотно набитую папку с из серого картона. Содержимое её грозило вот-вот вывалиться наружу преодолев слабое сопротивление верёвочных завязок.

— Но ты не переживай, мы тебя никому не выдадим, — с серьёзной моськой заявила Синицына.

— Так что нам надо поговорить, и вообще некрасиво держать девушек за дверь!

Пока я оторопел таращился на них, Алина хитро улыбаясь вошла в квартиру отодвинув меня с прохода.

— Даня к тебе девочки пришли? — спросила выглянувшая в коридор мама, — вы проходите, мы вам мешать не будем. Занимайтесь спокойно.

Похоже она не слышала разговора перед дверью и решила что они пришли готовиться вместе со мной к экзаменам.

Попробовав подключиться к нейропространством девушек, чтобы узнать, что происходит, потерпел неудачу. Вернее подключиться удалось, но там бушевал такой вихрь эмоций, что нейрообраз каждой из них стал практически неразличим на фоне окружающего хаоса. Потому мне ничего не оставалось как провести их в свою комнату. Усевшись на кровати и усадив гостей напротив себя на стульях у стола приготовился слушать.

— Даня, — серьёзно начала Алина, — в последнее время вокруг меня происходят странные вещи. Да и не только вокруг меня, вокруг всех нас. Все эти изменения в быту, поведении людей, в новой технике повсеместно появившейся вокруг, да в конце концов в войне, что ведёт наша страна, и в которой ты принимаешь самое активное участие.

— Да-да! Не отпирайся, — тут же активизировалась Синицина, — все эти шагающие платформы и модули дистанционного управления техникой я впервые увидела у вас в радио кружке, и первая статья про них в журнале “Радио” вышла на основе письма в редакцию Паши Дьячко — ученика нашей школы из параллельного класса который ходит вместе с тобой в радиокружок.

— Да и та поездка на подмосковную дачу, — тут Алина сделала загадочный вид, — посл того как тебя схватили и пытали в КГБ, была не проста! Я через комсомольский актив и шефов выяснила куда мы ездили, вернее к КОМУ!

— Все материалы мы собрали в этой папке, — опять влезла в разговор Катя, — и выяснили всю правду, так что можешь не отпираться! Мы знаем ВСЁ!

— Ну если вы ВСЁ знаете, то зачем пришли ко мне, — задал им вполне логичны вопрос. Не представляю что они там себе напридумывали, но было бы интересно узнать их теорию, потому что я-то о себе точно ничего не знаю. То что местные кажутся мне странными и я от них отличаюсь, это я понял давно. Но вот в чем моё отличие, кроме тяги к справедливости (которая в прочем хоть и редко, но встречается у аборигенов) и возможности использования психической энергии, мне до сих пор непонятно. То что я на каком-то подсознательном уровне знаю больше других, испытываю странные симпатии или антипатии к предметам, животным или явлениям вполне обыкновенным для других, в принципе является отличительной чертой. Но так же зачастую свидетельствует и о психических расстройствах (я немного изучал этот феномен когда наткнулся на психиатрическую лечебницу и изучал возможности использования пациентов этого учреждения для какой-нибудь полезной миссии).

— Мы пришли в первую очередь затем, чтобы ты не думал что мы тебе враги, — разумно заметила Алина, — с твоими возможностями ты скорее рано, чем поздно получил бы информацию о нашем знании. И дальнейшие твои действия нам кажутся вполне предсказуемыми — всё что противостоит тебе будет уничтожено, — зябко передёрнула плечами девушка.

— И мы хотим знать кем станем в будущем, — опять влезла моя одноклассница.

— В будущем? — недоумённо захлопал ресницами. Да что там вообще твориться в голове у тих девчонок.

— Ну, да, — опять продолжила Катя, — всё как в фильме про Алису Селезнёву — Ты знаешь как будут развиваться те или иные события, придумываешь технику и устройства подобные тем что описывали писатели фантасты (из тех “предсказания” которых частично сбылись). И постоянно изобретаешь, или вернее сказать “вспоминаешь”? — тут девушка посмотрела на меня вопросительно подняв бровь, — приборы чтобы то ли читать мысли, то ли ощущать эмоции других людей. Поэтому мы хотим помочь тебе вернуться в твоё время. А в ответ можешь сказать кем мы станем когда, вырастем!

Сказать что девушки меня озадачили — ничего не сказать, при этом в их нейрооблаке полыхала такая уверенность в своих решениях, что пытаться переубедить их было заведомо проигрышной стратегией. Фильм о котором они говорили мне был известен. Сам я его не смотрел — времени не было, но книгу прочёл, изрядно посмеиваясь. То будущее о котором

рассказывал автор вызывало у меня оторопь пополам со страхом. Ведь там явно описывалось общество пережившее не только глобальную катастрофу, но и страшную войну. Ведь еще как можно объяснить ситуацию когда дети представляют такую ценность, что даже космические бандиты не пытаются причинить ребёнку ни малейшего вреда, а боевые роботы, выдерживающие несколько попаданий из космического бластера, работают уборщиками с практически деактивированным механизмом ходьбы. И это только самые очевидные факты, остальные менее заметные лишь подтверждают это.

— Я не буду убеждать вас ни в чём, — после нескольких секунд раздумий заявил девушкам, — то что вы поработали и собрали про меня целую подшивку странных фактов, то конечно здорово, но вот подумайте что если это сделает кто-нибудь настроенный против меня? Так что, коль вы хотите мне помочь, я предлагаю для начала подумать как сделать так, чтобы ни у кого больше не возникало мыслей могущих натолкнуть на какие же выводы. Что же касательно вашего вопроса о будущем, я отвечу так — нет никакой судьбы кроме той что мы творим сами. Так что в будущем вы будите тем кем, захотите стать сегодня! Учите и постигайте точные науки — и в будущем вы станете великими учёными, рисуйте, пишите и вас ждёт успех в художественной и писательской сфере. Сидите тихо как мышки ничем не интересуясь и никуда не суйтесь и вас ждёт судьба песчинки между жерновами истории которую будут творить другие, — тут уже пришла моя очередь хитро смотреть на девушек, — а если выберете вариант встать рядом со мной, плечом к плечу и грудью встретить все перипетии и опасности моего пути, то..., — тут я сделала паузу, — то вас ждёт много удивительного и интересного потому что я сам не знаю что будет дальше. Я знаю чего я хочу и ради этого, ради себя, своих знакомых, друзей и коллег, ради блага для всех — сделаю всё что в моих силах. Отдавайте все силы на общее дело и вы будите удивлены результатом.

Судя по всему девушек я не только удивил, но и заставил задуматься. Во всяком случае они довольно долго сидели и моча смотрели на меня, словно о чём-то думая. Хотя они действительно думали, в их нейро облаке вился целый хоровод образов и если раньше это был хаос из разных обрывков и неясных желаний, то теперь это всё больше и больше приобретало некую структуру, так что я терпеливо ждал.

— Мы согласны, — переглянувшись заявили мне девушки.

— Не знаю зачем ты отпираешься, и нагнал такого тумана, но мы пойдём за тобой куда угодно ведь ты действительно делаешь мир вокруг себя лучше и лучше для всех, — продолжила затем говорить одна Алина, — я сама долго думала что было бы со мной полади я куда-нибудь в прошлое и хоть в этом и стыдно признаться, но в первую очередь я постаралась бы обеспечить комфорт для себя, а ты, — она обвела рукой комнату которая сало изменилась с тех про как она досталась мне от реципиента, — имея такие возможности не стал одеваться-обуваться у жучков, а наоборот искоренил всех фарцовщиков, причём не силой, а попросту сделав их работу не нужной, ведь теперь все швейные фабрики выпускают одежду и обувь по множеству лекал, которые сами люди и проектируют и пройдя народную комиссию отсылают на предприятия лёгкой промышленности, так что все кто хотел джинсы, полу кеды или болоньевые куртки получают их любых фасонов и цветов по твёрдым государственным ценам в магазинах, а не в тёмных подворотнях у фарцовщиков по знакомству. А автомобильная промышленность наконец перестала работать по принципу “берут — и ладно”, а занялась выпуском улучшенных автомобилей, при этом заводам не пришлось переделывать оснастку и сильно менять топологию на конвейере — все

изменения стали качественными, при том комплекты переоснащения вместе с подробнейшими инструкциями теперь доступны в свободной продаже, а благодаря созданию народной милиции вместо государственного органа практически искоренена мелкая и организованная преступность, ведь теперь никто не покрывает банды и не наводит на обеспеченных людей воров и мошенников.

Выдав эту речь девушка посмотрела на меня словно ища поддержки. Обе мои подруги смотрели на меня выжидательно, так что мне ничего не оставалось сделать кроме как подсесть к ним и приобняв сообщить, — вы мои близкие друзья и я вам я могу довериться, — почувствовав как напряглись их тела под моими руками, продолжил, — я действительно ощущаю себя чужим тут, но почему это так, не понимаю, мне очень бы хотелось чтобы вы помогли мне. Конечно, и ты Алина, и ты Катя играете в моей жизни и делах не последнюю роль, но признаюсь честно мне нужны более близкие люди.

Девушки, казалось, забыли как дышать и ещё теснее прижались ко мне

— Мне кажется общество в этой стране находится на правильном пути, но Советский Союз хоть и большая страна, но всё же одна из многих, в мире ещё полно других стран и обществ построенных на чудовищной несправедливости, — продолжая обнимать девушек я старался не смотреть в их нейпространства чтобы не испортить момент, — и своей задачей я вижу искоренить несправедливость, исправить всю эту ситуацию, а возможно это станет только при одном условии — если всё общество станет единым Все страны сольются воедино и на всей планете останется только одно общество идущее в верную сторону. Сейчас наша страна ведёт войну с одним из осколков старого мира. Осколок этот острый и заставит нас пролить немало крови хоть я и предпринимаю все возможные меры чтобы как можно более бескровно провести эту войну. И один я не справляюсь, так что если вы тверды в своей решимости то добро пожаловать на борт. Но учтите — обратной дороги не будет. Однажды ступив на путь к благу для всех вы будете обязан пройти дорогу целиком, — сурово посмотрев на девушек, веско добавил, — или умереть.

После моих слов Алина явно задумалась, а Катя хоть и побледнела, но всё же вскинула голову и заявила, — я готова на всё ради мира во всём мире и всеобщей победа коммунизма!

Алина, тут же выйдя из задумчивости поддержала девушку, — я тоже согласна, — и сразу после этого, чтобы разрядить обстановку, добавила, — а теперь закрепим наше решение дружеским поцелуем. И не давая мне опомниться тут же впиалась мне губы.

Этот поцелуй можно интерпретировать по, но “дружеским” назвать его, следовало в самую последнюю очередь. Но стоило ей оторваться от меня, как тут же, не дав мне отдышаться то же самое попыталась повторить Катя. И ключевое слово здесь было “попыталась”. Чувствовалось что делает она что-то подобное в первый раз.

После того как мы все (особенно я) успокоились, то принялись обсуждать последующие действия. В процессе планирования сообщил девушкам свою историю и возможности. Историю своего незнания ситуации и судорожных попыток разобраться в происходящем с попутным причинением добра и нанесением справедливости. Конечно, маловероятно что из-за моей деятельности страна втянута в войну на два фронта, но похоже что альтернативой было как раз таки уничтожение Советского союза с попутным истребление многих миллионов его граждан. Так что в правильности своих поступков уверенность у меня была стопроцентная. Касательно возможностей они в принципе не узнали ничего такого о чём бы не догадывались. Главное они поняли что я не помешанный на перекручивании мозгов маньяк, а обычный человек (вот тут у нас разгорелся небольшой спор, так как многие

физиологические особенности человеческого тела вызывали и продолжают вызывать у меня оторопь) который желает сделать мир вокруг него лучше путём населения его разумными и добрыми людьми.

С этого дня, вернее с вечера, мне стало немного легче — груз забот и тревог был облегчен. Хотя я и не перевалил весь ком нерешённых проблем на девушек, но смог доверить им несколько направлений. Так Алина теперь точно зная зачем, по какому принципу и главное как я формирую особые комсомольские отряды и почему так долго провожу инструктажи отдельных комсомольских активистов, принялась набирать нужных людей из оставшегося числа доступных комсомольцев. А Катя принялась вести схожую работу среди школьников. Ведь многие дети мечтали попасть на фронт и громить врага (именно из-за этого возникло множество коллизий на начальных этапах войны в Европе), теперь благодаря возможности дистанционного управления техникой эти дела подростков удавалось реализовать в бескровном варианте. Конечно, детей ставили за управления платформами выполняющими миссии по охране порядка в захваченных землях, задачах по патрулированию. А прошедших дополнительные курсы за пульта управления ремонтными машинами. Ведь детей не пошлешь против странных солдат противника. Иногда мне казалось что я вижу что-то знакомое когда разглядывал на экран изображения двухметровых солдат в металлической броне с лёгкостью удерживающих в руках станковые пулемёты.

В течении ещё двух месяцев с подобными “разоблачениями” ко мне пришли ещё несколько человек из радиокружка и гаражной производственной базы. Самым последним по времени, но с самым объёмным досье ко мне приехал Рома Тельников — тот пионер который первым реализовал концепцию распределённой вычислительной сети, ставшей в последствии “Неводом”. Благодаря тому что именно он стоял у истоков организации этой сетевой структуры, он имел множество не задокументированных возможностей. И именно благодаря им он смог собрать на меня самый большой пул информации, а благодаря отличным навыкам написания программ для ЭВМ он ещё и смог обработать эти данные. И именно у него получился самый интересный ввод относительно меня и моих возможностей. Согласно выводам экспертной программы я являлся инопланетянином — пришельцем с марса. При этом вся моя деятельность была направлена на то чтобы научно-технический прогресс и экономика государства смогла обеспечить организацию пилотируемого полёта на марс с установкой там долговременной обитаемой базы.

Не знаю с чего он взял идею про марс (видимо это изъясн программы или Рома это придумал сам) но вывод относительно вывода экономики страны из стагнации он сделал совершенно правильные.

Таким образом у меня появились последователи которые были посещены в мои планы и полностью разделяли мои стремления. Действуя на основании собственной свободной воли и прикладывая весь свой разум и выдумку они изрядно облегчили мне работу.

Спустя некоторое время дела наладились — напряженность на фронте снизилась, хотя чего-то подобного девятого мая 45 года не произошло, всё равно череда побед снизила социальную и экономическую напряжённость в стране. Я наконец-то окончил школу и сдав все экзамены сумел поступить в институт. Впрочем “сумел” не совсем правильно слово. Благодаря последним нововведениям в образовательной сфере практически все ВУЗы не только стали принимать экзамены посредством домашних миниЭВМ и распределённой сети, но и вести занятия для множества учащихся без необходимости последних в живую

посещать аудитории. Именно благодаря этим нововведениям теперь учиться в столичных учебных заведениях можно было абсолютно всем, кто хорошо сдал экзамен — теперь количество мест ограничивалось только проходным баллом, а он у меня был довольно высоким.

Уже теперь будучи студентом, я отошёл от технической доктрины развития производства в стране. Того что было сделано вполне хватало — магазины были заполнены разнообразными товарами отличного качества, никакого дефицита и торгующих “из-под полы” подозрительных личностей. Моим текущим увлечением была биология. После того как я в достаточной мере изучил некоторые аспекты человеческой физиологии (признаться, в этом мне помогли мои близкие подруги) я увлёкся именно генетикой, в частности селекцией.

После того как я обратил внимание на то что все окрестные собаки признают меня и высказывают явное дружелюбие, при том что корректирующее воздействие я оказал лишь один раз на одну единственную стаю бродячих псов живущих на свалке. Проведя некоторые наблюдения и изыскания мне удалось установить что все бродячие (а так же частую и домашние) собаки в городе принадлежат всего пяти генетическим линиям. Припомнив обстоятельства моего столкновения со стаей, в которой как раз и было пять собак, сделал вывод о том что влияние на нейространство примитивных организмов не только отражается на их текущем физическом состоянии, но и каким-то образом передаётся по наследству.

Для подтверждения этой теории мне опять пришлось организовывать в гаражном кооперативе лабораторию. Вот только на этот раз в ней не было станков и радиотехники. Весь гараж превращённый в научно исследовательский центр был заставлен клетками с мышами.

Мыши для меня были идеальными подопытными — они социальные животные, быстро живут и быстро умирают, часто и помногу приносят потомство, а так же подвержены схожими с людьми социальными проблемами: “Крысиный волк”, “Вселенная-25” и другими.

Так как проект был для меня исследовательским, и с его помощью я хотел узнать больше о своих возможностях, то привлекать ресурс комсомола или профильных учебных учреждений мне казалось неправильным и не этичным. А у меня не было ресурсов организовывать для мышей идеальное место для жизни и размножения, потому приходилось держать их в клетках, но даже несмотря на это результат изучения влияния нейровоздействия на мышей меня впечатлил.

Как оказалось мыши могли наследовать внедрённые в особи родителей нейропрограммы. Тщательное изучение показало — процесс, зачатия и вынашивания потомства всегда сопровождался объединением нейространств родителей и детей, а внедрённые программы обладали достаточной пластичностью, чтобы перестраивать нейробраз при слиянии пространства. Так например, чёткое отвращение к спиртосодержащим жидкостям передавалось у мышей из поколения в поколение, при том что обработана был лишь один из первоначальных родителей.

Дальше больше. Мне показалось правильным организовать среди мышей что-то типа кастового сообщества, где одна группа занималась строительством гнёзд, другая — сохранением еды, третья — охраной территории, а четвёртая самая главная — организацией всего мышиного сообщества. В моём случае они не давали колонии мышей мигрировать,

слишком сильно плодиться, а так же следили за генетическим разнообразием внутри групп определяя порядок и очередь оплодотворения самок группы самцами. У последней группы была внедрена самая сложная нейропрограмма, и из-за этого эти мыши заметно отличались от остальных, уже в первом поколении. Да и вообще различия групп друг от друга нарастало с каждым поколением. Это было особенно заметно когда я собирал мышей на контрольный осмотр.

Из-за ограниченности ресурсов этот эксперимент я проводил можно сказать “в натуре” — анклав мышей жил в гараже под полом. И для того чтобы они не разбежались и колония не вышла из-за пределов гаражного бокса, потребовалось введение группы управленческих мышей.

Пока события в мире стремительно развивались, так же стремительно развивалась и моя колония мышей. Чем больше проходило поколений, тем больше их сообщество начинало действовать по логике когда-то внедрённых в предков нейропрограмм.

То что эксперимент удался мне стало понятно при контрольном осмотре родовых камер (нескольких ящиков, где мыши приносили своё потомство) — следующее поколение мышей родилось с заметно синеватой кожей. Не совсем было ясно отчего появилось такое странное изменение в фенотипе, но глядя на маленьких синеватых мышей, внутри меня появилось чувство, как будто я встретил что-то родное и знакомое. А когда подросшие мышата развили бешеную деятельность по эффективной организации процессов в колонии я наконец осознал что за мой вклад в историю этой страны, а вернее сказать всего мира можно быть спокойным — он не пропадёт и теперь через пять поколений (именно столько потребовалось мышам) общество наконец придёт к правильным идеям. И для всех наконец-то наступит благо. Всеобщее благо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net